

Рассылается по специальному списку

Анна Луиза Стронг

Эра Сталина

Издательство
Иностранной литературы
Москва 1957

От издательства
Предисловие автора
I. «Социализм в одной стране».....
II. Пятилетний план
III. Революция в сельском хозяйстве...
IV. Новые люди
V. Великое безумие
VI. Битва за мир проиграна
VII. Пакт, преградивший путь Гитлеру...
VIII. Народная война .
IX. Второе восстановление
X. Сталин. После Сталина

Предисловие автора

Я думаю, что прожитую нами эпоху, люди будут называть эрой Сталина. Первое в мире социалистическое государство строили десятки миллионов людей, но руководил ими Сталин. Он первый провозгласил, что в крестьянской России может быть построено социалистическое общество. И с того момента все стороны жизни этого общества, все его достижения и беды несли отпечаток деятельности Сталина.

Прошло еще слишком мало времени, чтобы можно было всесторонне понять и оценить эту эпоху. И все же нужно сделать такую попытку, тем более, что в связи с подобной оценкой разгорелась дискуссия, и немало людей во всем мире пересматривают свои убеждения. Ведь именно лучших людей сильнее всего потрясло разоблачение Хрущевым тысяч грубых нарушений законности и жестоких репрессий, которые были допущены при построении первого социалистического общества. Эти люди спрашивают: было ли все это вызвано необходимостью? Что это — единственно возможный путь построения социализма или порождение злой воли одного человека?

Я думаю, что русские не задают подобных вопросов. Они ушли уже далеко вперед от сталинской эпохи. Они анализируют прошлое для того, чтобы строить лучшее будущее. Они знают, что всякий общественный прогресс оплачивается самой дорогой ценой: не только гибелью героев в боях, но и гибелью несправедливо осужденных. Они знают также, что все беды, пережитые ими в годы социалистического строительства под руководством Сталина, были ли они вызваны необходимостью, ошибками или преступлениями, неизмеримо меньше того зла, которое умышленно причинил им западный мир в период интервенции и гитлеровского вторжения, меньше даже тех страданий, которые принесли им по вине США отсрочка открытия второго «фронта». Они исправят свои недостатки без наших советов.

Что касается моих друзей на Западе, то мне хотелось бы сказать им: это была одна из великих динамических эпох в истории, может быть, величайшая. Она изменила жизнь не только в России, но и во всем мире. Никто из участвовавших в деяниях этой эпохи не избежал ее влияния. Она породила миллионы героев, но и немало злодеев. Малодушные могут теперь задним числом составлять список преступлений, совершенных в ту эпоху. Но для тех, кто прошел через огонь борьбы, и даже для многих павших в ней, пережитые беды были лишь частью цены, которую следовало заплатить за построение социализма.

Неужели мы забудем Европу 1940 года, когда французская армия в течение одиннадцати дней была разгромлена и капитулировала перед Гитлером и когда европейским государствам угрожало новое Средневековье на тысячи лет? Неужели мы забудем бешеное наступление, предпринятое против всего человечества проповедниками расизма, теми, кто ратовал за воцарение расы господ над расами рабов; неужели забудем, что это наступление было сорвано народом Сталинграда? Пусть строительство, которое осуществлял этот народ, шло лихорадочно и сопровождалось излишними жертвами, все же народ создал силу, которая выстояла в то время, когда пошатнулся весь мир. И поэтому весь мир является ныне его должником.

Но не только поэтому. Эра Сталина — это не только эра построения первого в мире социалистического государства и создания силы, остановившей Гитлера. Это эра построения экономической базы для всех тех социалистических государств, в которых ныне живет треть человечества. Это эра создания производственной мощи, способной обеспечить избыток промышленной продукции и дать тем самым возможность народам бывших колониальных стран избрать свой путь развития в свободном соревновании. Таким образом, в эту эпоху была заложена основа, на которой могут развиваться новые свободные народы и крепить свое единство в условиях прочного мира. Теневые стороны эпохи были обусловлены многими причинами: историческими

особенностями России, воздействием враждебного окружения, деятельностью гитлеровской пятой колонны и отчасти характером человека, который руководил строительством социализма. Но прежде всего они были обусловлены тем, что рабочий класс западных стран с его демократическими традициями и техническими навыками уступил дело построения социалистического общества неграмотному, технически отсталому крестьянскому народу, который сознавал, что не готов для решения этой задачи, и тем не менее решил ее.

Анна Луиза Стронг

«Социализм в одной стране»

Первое в мире социалистическое государство было построено в отсталой крестьянской стране. Согласно прежним теориям, это было невозможно. Социализм предполагает (или считалось, что он предполагает) улучшение материальных условий жизни, основанное на обилии продуктов, расширение свободы и рост культуры. Прежде думали, что социализм наступит тогда, когда капитализм полностью разовьет производительные силы, но не сможет удовлетворительно разрешить проблему распределения избыточных продуктов. Предполагалось, что будет существовать технически грамотный рабочий класс, который увидит все пороки капитализма и осознает, что объединенными усилиями можно достичь всеобщего процветания. Рабочие возьмут власть в свои руки, национализуют средства производства и используют их для общего блага. Широко обсуждался вопрос о том, в какой мере потребуются «принуждение и насилие» для совершения такого переворота.

В царской России не было ни современной промышленности, ни избытка товаров. К тому времени, когда она потерпела поражение в первой мировой войне, она не имела ни промышленных товаров, ни продовольствия. Не было в ней также квалифицированных рабочих, а крестьяне жили, как в средневековье. Большевистская партия под руководством Ленина пришла к власти не потому, что существовало сколько-нибудь широкое социалистическое движение, а потому, что она была единственной организованной группой, которая выразила чаяния народа о «мире, земле и хлебе». В стране царил хаос — крестьяне захватывали помещичьи земли, рабочие голодали, когда фабрики останавливались из-за нехватки сырья, солдаты дезертировали с фронта. Рабочие и солдаты избрали «Советы», чтобы через них провозгласить свои требования. Ленин заявил, что эти Советы являются основой народной демократической власти. «Вся власть Советам!» — под этим лозунгом большевики взяли власть в свои руки.

Переворот совершился очень просто. Солдаты и рабочие захватили телефон, телеграф, правительственные учреждения и взяли штурмом Зимний Дворец. Заседавший в это время Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 7 ноября 1917 года провозгласил себя верховным органом власти. Быстро были изданы три декрета: о мире, о земле, о власти. Декретом о мире предлагалось правительствам всех воюющих государств - участников первой мировой войны начать мирные переговоры. Декретом о земле вся земля была объявлена государственной собственностью и передана в пользование трудовому крестьянству. Декретом о власти вся власть была передана Советам. Со всех концов страны телеграф приносил вести об избрании местных Советов. Советы крестьянских депутатов созвали съезд и присоединились к новой власти, объявившей о создании Советской республики.

Взять власть было легко: это было сделано за один день. Укрепить власть оказалось труднее: на это потребовалось много лет. Экспроприированные помещики и представители бывших правящих кругов с помощью иностранных держав создали армии. Германский кайзер захватил Польшу и Прибалтику, послал войска в Финляндию, чтобы помочь барону Маннергейму установить реакционный режим, а также на Украину и на Северный Кавказ, чтобы захватить хлеб, уголь, металл и нефть. Англия, Франция и Соединенные Штаты послали свои войска в северные порты, на Кавказ и в Среднюю Азию, через Владивосток в Сибирь. Интервенция продолжалась вплоть до 1921-1922 годов. К этому времени Финляндия, Польша, Латвия, Эстония и Литва отделились, образовав самостоятельные государства. Бессарабия была аннексирована Румынией. В отсталой России власть принадлежала Советам.

Россия лежала в развалинах, не было ни хлеба, ни сырья для промышленности, ни оборудования. Крестьянский скот был погублен, а сельскохозяйственный инвентарь изнашен за семь лет войны. Два голодных года, 1920 и 1921, унесли миллионы жизней. Во всем плодородном Поволжье, где я побывала в 1921 году, крестьянские ребятишки не могли посещать школу даже там, где школы имелись. У детей крестьян не было ни обуви, ни одежды; они сидели всю зиму на больших русских печках, кутались в ветхое тряпье и не могли выйти из дому. Чтобы ускорить восстановление экономики, Ленин ввел «новую экономическую политику», известную под названием «НЭП». При этой политике допускались все формы производства: социалистическое, кооперативное и даже капиталистическое. Государство сохранило в своих руках шахты, железные дороги и

тяжёлую промышленность, которые были совершенно разрушены, но в легкой промышленности, в торговле и сельском хозяйстве сохранялась частная собственность.

Жизнь возродилась, но дни Ленина были сочтены. Он умер в январе 1924 года. Уровень жизни в то время был гораздо ниже даже того нищенского уровня, который существовал в довоенные годы при царизме. Ни промышленность, ни сельское хозяйство не оправались еще от катастрофического упадка военных лет. Страна не была социалистической, хотя правящая партия выступала за социализм. Основные отрасли промышленности находились в собственности государства и восстанавливались ценой тяжелых жертв со стороны рабочих, которые трудились за небольшую заработную плату (причем первое время они не получали никакой заработной платы, а только продовольствие) и даже по выходным дням продолжали работу, чтобы производить паровозы, автомобили и прочие машины и оборудование, необходимые для общего блага. Ленин справедливо рассчитывал на энтузиазм рабочих в деле укрепления общественной собственности. Но немалая часть промышленности и торговли оставалась капиталистической, а особенно значительная часть сельского хозяйства, находившегося в руках мелких собственников, наиболее зажиточные из которых являлись маленькими капиталистами, или, как их называли, кулаками. Кулаки обогащались и укреплялись, эксплуатируя других крестьян и обманывая государство. Сам Ленин указывал, что при таких условиях для капитализма в стране имелась более широкая экономическая основа, чем для социализма.

Тем не менее народ проникся ленинской идеей о том, что, построив социализм, Россия сможет стать самым передовым и процветающим государством в мире. Русские сознавали, что путь к социализму долг. Но России, думали они, не придется добиваться полной победы социализма только своими силами. Они полагали, что разруха, порожденная первой мировой войной, и пример России вызовут революционный взрыв в Европе, прежде всего в Германии. И тогда с помощью немецкого рабочего класса, имевшего гораздо более высокий культурный и технический уровень, чем русские рабочие, в Европе будут созданы новые формы общественного устройства. Несколько раз — в 1917, 1918, 1920 и 1921 годах — революция в Германии казалась совсем близкой. Вопрос о том, сможет ли Россия без поддержки со стороны какой-либо развитой страны построить социалистическую экономику, при жизни Ленина не представлял собой проблемы, требующей практического разрешения. Когда же во время дискуссии, начавшейся в 1924 году, этот вопрос был поставлен как конкретная политическая задача, то большинство большевистских теоретиков утверждало, что Россия не в состоянии этого сделать.

Не кто иной, как Иосиф Сталин, сформулировал в августе 1924 года идею построения социализма в России без какой-либо помощи извне. Всего несколькими месяцами раньше он говорил нечто противоположное, утверждая, что «...для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран». Однако в августе, выступая против Троцкого, Сталин заявил, что Советское правительство может обеспечить развитие России и построение социализма даже без помощи со стороны рабочего класса какого-либо иностранного государства, если оно получит поддержку огромного большинства народа, в том числе крестьянства. Казалось, Сталин не заметил своей непоследовательности и, видимо, не сознавал, какое огромное значение получит впоследствии эта его формула, да он и не стремился к последовательности, ибо в то время не считался ведущим теоретиком. Его способности проявлялись главным образом в области организационной работы. Он стал генеральным секретарем коммунистической партии. На этом посту Сталин, если и не имел тесного контакта с рабочими и крестьянами, то во всяком случае был в курсе наиболее насущных потребностей страны.

Итак, Сталин выразил не законченную теорию, а растущее стремление народа своими силами развивать свою страну, выразил крепнущую веру народа в свою способность совершить это даже без иностранной помощи. За семь лет управления государством, прошедших со времени революции, большевики обрели уверенность в себе. Их все больше стала раздражать теория, согласно которой надежды на социализм должны были зависеть от

европейских рабочих, чьи попытки совершить революцию потерпели неудачу. И когда Сталин заявил, что русский народ может действовать самостоятельно и сумеет построить любую экономическую систему, какую он пожелает избрать, это открыло перед революцией новые перспективы и дало толчок развитию патриотических чувств народа. Признанные большевистские теоретики того времени — Зиновьев и Каменев — вряд ли поняли тогда, что выдвинута новая великая идея. Когда в 1925 году Сталин предложил XIV съезду партии официально поддержать эту идею, он без труда добился этого. Несколько месяцев, спустя Зиновьев и Каменев осознали весь смысл идеи и выступили против нее, заявив, что она означает подмену ортодоксальной теории «национальным коммунизмом». Позднее и Троцкий, присоединился к критике. Иосиф Сталин – человек, который почти случайно сформулировал тезис, определивший жизнь русского народа на последующие двадцать пять лет, сам не был русским. Он был грузином, представителем одного из южных народов, покоренных российским империализмом. Его отец, сапожник, родился в семье крепостного. В отличие от большинства руководителей партии большевиков Сталин происходил из эксплуатируемого класса угнетенной нации. Девяти лет он поступил в духовное училище, открытое незадолго до этого для детей из простого народа. По мнению учителей, он был одним из лучших учеников и отличался «самоуверенностью и стремлением затмить других». Директор училища и местный священник выхлопотали для молодого Иосифа стипендию в Тифлисской духовной семинарии, которая была предназначена для руссификации наиболее способных представителей грузинской молодежи. Сталин поступил в семинарию в 1894 году, когда ему было около пятнадцати лет. В семинарии существовал жесткий режим, учителя шпионили за учениками, которым было запрещено даже чтение светской литературы. На третьем году обучения в семинарии Сталин за чтение Виктора Гюго был посажен в карцер. Вскоре он стал читать еще более запретные книги. В одной из них, написанной Карлом Марксом, он прочел: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».¹ Он вступил в нелегальную социалистическую группу, помогал организовывать железнодорожных рабочих и в 1899 году был исключен из семинарии.

Много лет спустя Сталин говорил: «Я стал марксистом вследствие своего социального положения.., а также вследствие того нетерпимого режима.., который беспощадно угнетав меня в семинарии».

Молодой грузин стал организатором рабочих и жил в постоянной опасности, скрываясь под разными фамилиями. Имя «Сталин» — стальной человек — было прозвищем, которое дали ему его товарищи. Он воспринял ленинские взгляды сразу же, как только ознакомился с ними, и с тех пор всегда твердо поддерживал Ленина. Он часто подвергался арестам, четыре раза был сослан в отдаленные северные поселения и всякий раз бежал. В шестой раз, в 1913 году, он был сослан на крайний север, туда, где Енисей впадает в Ледовитый океан. Из этого места не было возможности бежать и Сталин остался там, пока революция не освободила его. Годы ссылки он посвятил научной и литературной деятельности. Как представитель грузинского народа, угнетавшегося Россией, особое внимание он уделял национальному вопросу. Его работы по национальному вопросу получили известность среди большевиков, и, когда в 1917 году они пришли к власти, Сталин был назначен народным комиссаром по делам национальностей. Ему было поручено решение вопросов, связанных с положением нерусских народов в новом государстве.

В 1922 году Сталин стал генеральным секретарем Коммунистической партии. Широкие возможности, которые предоставлял этот пост, не были полностью оценены, пока Сталин не использовал их. То, что Сталин был выдвинут на этот пост, казалось вполне естественным. Большинство руководителей партии до революции жили за границей, в европейских странах, где существовала свобода слова, и где они сформировались как писатели и ораторы. Сталин же был одним из организаторов подполья в царской России. Его оружием стало не устное или печатное слово, а тесный организационный контакт, при котором жизнь людей находится в руках их товарищей.

¹ К.Маркс, Ф.Энгельс, Избранные произведения, т. II, Гос- политиздат, 1945, с. 385. — Прим. ред.

В качестве генерального секретаря и члена Политбюро Сталин стал одним из пяти человек, которые определяли политику. Это были: Ленин, Каменев, Троцкий, Бухарин и Сталин. Ленин был признанным вождем; Каменев — его помощником по различным вопросам; Троцкий ведал военными делами; Бухарин — прессой и пропагандой; Зиновьев, который позднее также стал членом Политбюро, занимал пост председателя Коммунистического Интернационала. Все они, по-видимому, охотно оставили на долю Сталина повседневную рутину партийной организационной работы, которая в те годы не сулила большой славы. Они, очевидно, не замечали постепенных нововведений, посредством которых Сталин утверждал господствующее положение партии в стране и свой собственный контроль над партийным аппаратом. Вряд ли сам Сталин действовал по заранее обдуманному плану. Однако, взяв в свои руки партийный аппарат, он добился власти для партии, а вместе с тем и для себя.

За последние два десятилетия появилось много книг вроде исследования Исаака Дойчера, в которых делаются попытки детально проанализировать, с помощью каких именно политических маневров Сталин укрепил свое положение при Ленине, а затем изолировал и разгромил своих соперников. Однако я могу отметить только несколько случаев, которые заранее раскрывали как сильные, так и слабые стороны последующей деятельности Сталина. В 1922 году ему было поручено подготовить проект Конституции, на основе которой Россия становилась Союзом Советских Социалистических Республик. Согласно первоначальному проекту, прочитанному и одобренному Лениным, в юрисдикцию центрального правительства входили лишь оборона, иностранные дела, железнодорожный транспорт и связь. Полиция, в частности, политическая полиция, должна была находиться в ведении местных органов власти. К концу того же года назначенные Сталиным работники в Грузии, столкнувшись с сильной оппозицией, использовали власть политической полиции, арестовав своих противников. Согласно окончательному варианту Конституции, принятому в декабре, Москва получала в свое распоряжение централизованную политическую полицию, имевшую свои органы во всех республиках.

Таким образом, именно благодаря Сталину, была осуществлена централизация власти политической полиции. Беспощадность, проявленная Сталиным в отношении грузинской оппозиции, послужила причиной единственного конфликта между ним и Лениным. Это произошло незадолго до смерти Ленина.

Известное «завещание» Ленина следует рассматривать в связи с полученными во время его болезни известиями о жестоких мерах, предпринятых в Грузии. Ленин перенес три удара. Первый из них произошел в конце мая 1922 года. Ленин оправился после него настолько, что смог вернуться к работе и одобрить первый проект Конституции. К концу осени он перенес второй удар, но и на этот раз почувствовал себя лучше и в декабре смог продиктовать секретарю свои заметки. Чувствуя приближение смерти, он продиктовал записку о предотвращении опасности «раскола на ближайшее время». Ленин отметил, что Троцкий и Сталин — «два выдающихся вождя» — являются главными соперниками. В этой записке Ленин охарактеризовал Троцкого более критически, чем Сталина, но не обвинил ни того, ни другого в злом умысле и не дал никаких советов. Несколько дней спустя, 30 декабря 1922 года, в тот самый день, когда Сталин при всеобщем одобрении представил свой проект Конституции на утверждение съезду Советов, созданному с целью решить вопрос об образовании СССР, Ленин продиктовал запись, в которой возложил на Сталина «политическую ответственность» за эксцессы в Грузии. Еще через шесть дней, 4 января 1923 года, он добавил к завещанию приписку, более резкую, чем все написанное ранее:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток... становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на его место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам...».²

² В.И. Ленин, Письмо к съезду. О придании законодательных функций Госплану. К вопросу о национальностях или об «автономизации», Госполитиздат, 1956, с. 11. - Прим. ред.

Таким образом, за две недели критика Ленина в адрес Сталина стала значительно резче, вероятно, под воздействием сведений, полученных от делегатов, приехавших на съезд.

Ленин не опубликовал этих записей; лишь его жена и секретарь знали об их существовании. Поскольку здоровье Ленина улучшилось, он сам приступил к ведению дел. Он послал Каменева в Грузию для расследования обстоятельств дела, он заверил грузинскую оппозицию в том, что сам доложит об их жалобах съезду партии. Среди всех этих дел 8 марта его поразил третий удар, после которого он вынужден был прекратить политическую деятельность, хотя прожил еще около года. Когда в апреле 1923 года состоялся съезд партии, Ленин не дал отвод Сталину. Троцкий также не выступил против Сталина, который проявил склонность к примирению, сделав ряд уступок.

На этом съезде дважды обнаружилась сила Сталина и особенности его методов. В организационном отчете Центрального Комитета он отметил, что партия постепенно занимает руководящее положение во всех областях общественной жизни. Удельный вес коммунистов в составе губернских органов профсоюзов увеличился за истекший год с 27 до 57 процентов, в составе губернских органов потребительской кооперации — с 5 до 50 процентов, а в командном составе армии — с 16 до 24 процентов. Все общественные организации оказались под контролем партии. Во второй раз проявился характер Сталина, когда он отвечал на критические замечания одного из ораторов, который потребовал свободы дискуссий в партии. Сталин заявил, что партия «не дискуссионный клуб», что Россия окружена «волками империализма» и, что «вынести вопросы на обсуждение 20 тысяч ячеек — это значит вынести вопросы на улицу». Сталин одержал на съезде полную победу. И когда после съезда произошел ряд забастовок и были обнаружены подпольные группы, то недовольные были арестованы политической полицией.

Таким образом, еще при жизни Ленина, Сталин усилил партийный аппарат, который сосредоточил в своих руках контроль не только над правительством, но и над всеми общественными организациями и отождествил осуществление своей власти с интересами революции и народа. Сталин также создал предельно централизованную политическую партию, проведя это в конституционном порядке, и дал понять, что если требования свободы слова в какой-то мере будут противоречить его концепции национальной безопасности, то он предпочтет безопасность свободе.

Когда 21 января 1924 года умер Ленин, Сталин взял на себя организацию его похорон и первым стоял в почетном карауле. Вопреки протестам вдовы Ленина и некоторых других большевиков-интеллигентов, Сталин настоял на том, чтобы воздвигнуть мавзолей на Красной площади. Это противоречило ленинской скромности и его суровой простоте, но Сталин лучше, чем кто-либо из большевиков европейской закваски, понимал, что на русский народ, еще преимущественно крестьянский, гробница и «нетленные останки святого» должны были произвести большое впечатление. Правоту Сталина подтвердил тот факт, что впоследствии десятки миллионов людей посетили мавзолей и «обрели силы», взглянув на Ленина.

Несмотря на «завещание» Ленина, Сталин имел основания считать себя наиболее верным его последователем и прямым преемником. Двадцать лет он был большевиком, на протяжении десяти лет являлся членом ленинского Центрального Комитета и работал непосредственно под руководством Ленина в течение шести бурных послереволюционных лет. Он вполне мог думать, что последний конфликт — это недоразумение, которое произошло в результате болезни Ленина и было урегулировано при его выздоровлении. У всех других руководителей партии в прошлом были гораздо более острые столкновения с Лениным. Троцкий в течение ряда лет выступал против Ленина и объединился с ним лишь в период революции. Зиновьев и Каменев совершили предательство в самый час восстания, выступив против него и опубликовав план его осуществления в меньшевистской газете. Ленин простил им все это. В сравнении с их грехами перед Лениным собственная вина Сталина вполне могла казаться ему пустячной.

Когда 4 мая 1924 года собрался Пленум Центрального Комитета, чтобы обсудить последнюю волю Ленина и решить, следует ли доводить его завещание до сведения предстоящего съезда партии, Сталин был спасен

благодаря союзу, заключенному им с Зиновьевым и Каменевым. Оба этих старых большевика боялись возможных «бонопартистских» посягательств Троцкого. Сталина же они считали покорным человеком, и он не вызывал у них опасений. Сталин держал себя скромно, утверждая, что только коллегия, а не один какой-то человек может стать преемником Ленина. И Зиновьев заявил о «гармоничном сотрудничестве» в течение последних месяцев и о том, что он «счастлив отметить, что опасения Ленина оказались неосновательными». Он предложил не опубликовывать завещание, конфиденциально ознакомить с ним избранных делегатов съезда. Это предложение было принято сорока голосами против десяти. Так была устранена последняя серьезная угроза возрастающей власти Сталина.

На протяжении последующих нескольких лет Сталин укрепил свою власть. Посредством ряда чрезвычайных решений по различным политическим вопросам он добился поражения и, наконец, исключения из Политбюро одного соперника за другим: Троцкого, потом Зиновьева и Каменева, затем Бухарина и Рыкова. Все его противники обвинили Сталина в «деспотизме», но каждый раз он добивался большинства в Политбюро, а также завоевывал широкую народную поддержку. Однако с каждым поражением его противников свобода мнений все в большей и большей мере оказывалась под запретом. В декабре 1929 года XV съезд партии провозгласил: «Принадлежность к оппозиции... несовместима с пребыванием в рядах партии». После каждой победы Сталин начинал переговоры с потерпевшим поражение оппозиционерами и восстанавливал их в партии, если они «приносили покаяние». Когда Троцкий проявил неуступчивость, Сталин предложил выслать его из России. Так и было сделано. Оппозиция против «линии партии» стала, таким образом, расцениваться как преступление. Однако рядовые члены различного рода «оппозиционных групп» большей частью «каялись», восстанавливались в партии и работали там, куда их назначал Сталин.

Этот краткий очерк политической борьбы дает представление лишь о тактических приемах Сталина. Подобные маневры являются общепринятыми в политике, их применяют как государственные, так и профсоюзные деятели. Сталин был искусным тактиком, но одно это не может служить объяснением ни его возвышения, ни его выдающейся деятельности. Я думаю, что своим возвышением он обязан двум качествам, которые присущи всем вождям, а также одному качеству, которым обладают лишь величайшие из них. Он тонко чувствовал то, что я назвала бы «волей народа». Он обладал непревзойденным умением предвостыть эту волю в действие. Наконец, он сам был убежден и мог внушить другим убеждение в том, что его действия направлены на достижение лучшего будущего для человечества.

Когда я говорю о «воле народа», я имею в виду нечто гораздо более значительное, чем возможность выбора, которую мы осуществляем в США, принимая в ноябре участие в голосовании. Я высоко ценю свое право голоса и готова умереть за некоторые свободы, которые это право выражает. Но я бы не пошла на смерть ради победы кандидата республиканской или демократической партии. Я могу сделать «свой выбор» между ними, однако я не назвала бы его «моей волей». Но есть такие цели, особенно во времена кризисов, ради достижения которых люди готовы отдать свою жизнь. Ибо эти цели совпадают с их общими нуждами, с интересами народа или с лучшим будущим для их детей. Преследование таких целей может быть названо осуществлением «воли народа», ибо народ будет бороться, умирать и мириться с несправедливостью ради их достижения.

Требование «мира, земли и хлеба» представляло собой такую цель для России в период крушения царизма. Ленин выдвинул это требование и пришел к власти. «Социализм в одной стране» — такова цель России в середине двадцатых годов, цель народа, оказавшегося хозяином богатой, но разоренной страны, не получавшего помощи от какого-либо другого народа, но сознавшего, что обладает собственным коллективным богатством. Сталин выразил эту цель, не заботясь о том, что тем самым он вступил в противоречие со своими прежними взглядами. Он пришел к пониманию этой цели не путем теоретического анализа, а посредством изучения воли народа, чувствуя, что его теория и его убеждения крепнут вместе с ростом сплоченности народа. Оппозиция потерпела окончательное поражение не просто потому, что Сталин был более искусным тактиком, а потому,

что он ясно, как никто другой, чувствовал и выражал волю народа. Он лучше сознавал эту волю благодаря тому, что происходил из эксплуатируемого класса угнетенной нации. Этому способствовал также его многолетний опыт подпольной борьбы, приобретенной им в то время, когда другие руководители жили и работали за границей. Наконец, этому способствовала его работа на посту секретаря Центрального Комитета, благодаря которой он ежедневно сталкивался с самыми насущными нуждами и претензиями народа.

Сам он держался скромно, открыто и просто. Он умел с чрезвычайной четкостью анализировать все проблемы. Сталин уже в юности обладал способностью улавливать и обобщать мнения коллектива. «Я хорошо помню, — рассказывал мне один старый большевик, — как еще совсем молодым он бывало сидел в сторонке на заседании комитета, говорил мало и внимательно слушал. В заключение он делал какое-нибудь замечание, иногда просто задавал вопрос, и тут мы убеждались, что он лучше всех обобщил все наши мысли и рассуждения». С этим описанием согласится всякий, кто хоть раз присутствовал при беседе, в которой принимал участие Сталин. Оно объясняет, как Сталин удерживал на своей стороне большинство, которого он всегда добивался, прежде чем выдвинуть «линию». Таким образом, по характеру мышления он не был деспотом, который убежден, что его приказы могут осуществляться вопреки воле большинства. Но он никогда не был пассивным демократом, который ждет итогов голосования и приемлет их как окончательное решение. Сталин знал, что для осуществления здравых политических мероприятий необходима поддержка со стороны большинства, но он также знал, как завоевать это большинство. Сначала он прислушивался к мнению какой-либо группы людей, затем, по-своему сформулировав его, он претворял его в жизнь в той мере, в какой ему удавалось привлечь большинство, желающее идти по указанному пути.

Те же методы он использовал и в масштабе всей страны. Сталин, как и весь русский народ, не был знаком с механикой избирательных кампаний на Западе. А когда он изучил ее, она не произвела на него впечатления. Однако на протяжении всего того периода, когда я имела возможность наблюдать за его деятельностью, он постоянно тщательно учитывал стимулы, побуждающие людей к действию. Люди самых различных профессий, добившиеся высоких результатов в своем деле — доярка, рекордных удоев молока, или ученый, расщепивший атом, — приглашались на беседу со Сталиным и рассказывали ему, как и благодаря чему они добились успеха. Он «прикладывал ухо к земле», как говорят американские политические деятели. Русские крестьяне выразили ту же мысль в поэтической форме: «Он слышит даже, как трава растет». Сталин сам определил методы руководства. «Нельзя отставать от движения, ибо отстать — значит оторваться от масс. Но нельзя и забежать вперед, ибо забежать вперед — значит потерять связь с массами».³ Такова была цель, к которой он сам стремился и, которую обычно с успехом достигал.

Вождь должен не только чувствовать волю народа, но и уметь претворять ее в действия. Воля, будь то воля отдельного человека или всего народа, не есть нечто неподвижное. Если подавить ее, то люди могут впасть в отчаяние, если укрепить — то они совершат великие дела. Сталин обладал гениальной способностью пробуждать и направлять волю людей. Я испытала это на себе.

Когда я организовала газету «Москву ньюс», мои отношения с русским ее редактором настолько осложнились, что я хотела даже отказаться от этой работы и в отчаянии готова была вовсе покинуть СССР. По совету одного товарища я обратилась с жалобой к Сталину. Из его секретариата мне позвонили и попросили «прибыть для беседы с некоторыми ответственными товарищами». Это было сказано таким обыденным тоном, что я растерялась от неожиданности, оказавшись за одним столом со Сталиным, Кагановичем и Ворошиловым, а также людьми, на которых я жаловалась. Малое Политбюро, руководящий орган СССР, собралось, чтобы разобрать мою жалобу. Мне стало стыдно.

³ И.В.Сталин, Вопросы ленинизма, изд. II М. 1946. с. 304.- Прим ред.

Сталин ободрил меня, спросив, могу ли я вести беседу на русском языке. Затем он сформулировал вопросы и предоставил каждому возможность высказаться. Сам он говорил меньше всех. Он даже сидел не в центре, на председательском месте, а сбоку, откуда он мог видеть лица всех присутствовавших. Сначала я почувствовала разочарование, потому что он держал себя совсем не внушительно, но затем, в ходе разговора, позабыла об этом. Впоследствии я поняла, что Сталин, как бы случайно бросая замечания, то и дело задавая вопросы, подчеркнуто повторяя сказанное кем-либо слово, направлял разговор по определенному руслу. Когда он подытожил все высказанные мнения, то я начала понимать даже тех, на кого я жаловалась. Моим желанием, как мне казалось, было оставить работу и уехать. И я сказала, что это все, чего я добивалась. Но Сталин повторил: «И это — все? Нет ли у вас других желаний?» И тогда во мне пробудились мои подавленные желания, и я поняла, что в действительности я хочу, чтобы газета стала больше и лучше. Это казалось мне теперь, после того как я лучше уяснила себе дело, вполне возможным. Я сказала об этом, и так оно и получилось.

С тех пор я считала Сталина лучшим из всех встречавшихся мне когда-либо организаторов коллегиальной работы, человеком, который мог гениально просто привести к согласию самые различные точки зрения, пробудить и укрепить волю к действию, выбирая из многих решений единственно верное. Таким, я думаю, он представлялся и другим людям в первые годы пятилетки. Когда впоследствии он отказался от такой тактики, то тем самым он изменил своей собственной теории и своим же методам, с помощью которых он первоначально приобрел влияние.

Ведь Сталин, как бы он ни поступил в дальнейшем, классически сформулировал опасность, проистекающую из метода единоличных решений, не исправленных коллективным разумом. Когда Эмиль Людвиг, а позднее Рой Говард пытались узнать, «как великий человек принимает решения», то Сталин нетерпеливо отвечал: «Мы считаем, что единолично решать нельзя... Опыт показал нам, что единоличные решения, не исправленные другими, часто оказываются ошибочными». Он добавил, что успехи СССР объясняются тем, что лучшие силы во всех областях — в науке, промышленности, сельском хозяйстве, дипломатии — представлены в Центральном Комитете, который принимает решения.

Более чем кто-либо он привил этот обычай советскому народу. Он всегда действовал, используя «приводные ремни», и спланированная большинство. И если он при этом прибегал также к помощи централизованной политической полиции, чтобы подавить оппозицию, то эта двойственность, которая казалась противоречивой людям на Западе, не была чужда русскому мышлению, каким оно было в конце двадцатых годов. Это была та политика, к которой русские привыкли — сначала при царизме, а затем при Ленине. Ведь именно Ленин при всей его приверженности к демократии учредил Чрезвычайную комиссию (Чека), чтобы расправляться с контрреволюцией, не прибегая к обычному законопорядку. И когда Сталин расширил функции полиции, приравняв всякую оппозицию к контрреволюции, то возражали лишь те из большевиков, в ком сильнее была западная закваска. Ибо люди знали, что, строя социализм, они окружены врагами.

На протяжении всего периода моей жизни в СССР я никогда не слышала, чтобы люди говорили: «решение Сталина» или «приказ Сталина». Говорили только «правительственное распоряжение» или «линия партии», а они вырабатывались коллективно. Говоря о Сталине, люди прославляли его за «ясность мышления», за «аналитический ум». Они говорили: «Он не думает в одиночку». Они хотели этим сказать, что Сталин решает вопросы не один, а консультируясь с учеными из Академии наук, с руководителями промышленности и профсоюзов. Даже в последний период жизни Сталина, когда люди безудержно обожествляли его, они восхваляли его не как «великого правителя», а как «великого учителя», вождя, который указывает путь. Это ставит Сталина особняком от известных в истории деспотов, хотя он совершил много деспотических поступков.

Именно из таких коллективных обсуждений, из стремлений и мыслей миллионов, вдохновленных и организованных Сталиным, возник «социализм в одной стране», созданный в результате осуществления ряда пятилетних планов.

II. Пятилетний план

Когда весь мир за пределами Советского Союза впервые услышал о пятилетнем плане, он назвал его бредовым планом Москвы. Мы, путешествовавшие по отдельным местам советской страны, видели как зарождался и обретал форму этот план в деревнях и на фабриках, в городах и областях. Батраки хотели жить, безработная молодежь жаждала творить, громадные неизведанные и неиспользованные естественные богатства степей и гор стали общественной собственностью, и владельцы ее хотели воспользоваться своим богатством — и все это породило пятилетний план. Мы видели, как энтузиазм десятков миллионов людей под руководством местных коммунистов и Государственной плановой комиссии, претворялся в план индустриализации страны и обеспечения ее независимости от иностранных держав.

Не случайно, что впервые я услышала о пятилетнем плане в советской Центральной Азии. В ташкентской газете была помещена статья на семи столбцах под заголовком «Вы не узнаете Центральной Азии через пять лет». Ниже половину страницы занимала карта района, на которой были показаны новостройки, железные дороги, фабрики с указанием планируемых дат начала и окончания строительства каждой из них. Это был свободный проект всех предприятий и организаций Центральной Азии, который еще должен был быть согласован с общим планом, составлявшимся в Москве.

В следующем году я снова посетила Центральную Азию и отправилась верхом на Памир, в эту высокогорную дикую область, расположенную между Россией, Индией и Китаем, которую называют «крышей мира».

На расстоянии нескольких дней пути от железной дороги я повстречала дорожного мастера узбека. Он знал три русских слова: «дорога», «автомашина» и «пятилетка». С помощью этих слов и жестов он с гордостью рассказал мне, что вместо нынешней верблюжьей тропы будет проложена дорога, по которой автомашины будут ходить до самой границы — десять дней пути на лошадях. И все это благодаря пятилетнему плану.

Спустя год, в 1930 году, в качестве корреспондента недавно созданной газеты «Москоу ньюс», я поехала на открытие Турке-стано-Сибирской железной дороги, приуроченное к празднованию Первого мая. По пути висели лозунги и плакаты, а газеты пестрели заголовками, гласившими: «Первый из гигантов пятилетнего плана вводится в действие». С севера на юг, через безлюдные степи и пустыни, протяжением в тысячу миль был проложен железнодорожный путь. Мой старый друг, Билл Шатов, ветеран борьбы в защиту свободы слова в Америке, а также ветеран гражданской войны в России, работал начальником строительства. Дорогу построили в рекордный срок, на полтора года раньше, чем было предусмотрено планом. Из-за этого на строительстве возник финансовый кризис: рабочим нужно было заплатить за оконченную работу, а в то же время, согласно государственному бюджету, ассигнования на заработную плату были предусмотрены только на следующий год.

Шатов осуждал Москву, выпрашивал деньги повсюду, восклицая: «Что же, я должен распустить рабочих-победителей из-за неувязки с бюджетом?»

Но все это осталось позади. К открытию дороги прибывало четыре специальных поезда. В нашем поезде находились делегаты от многих десятков фабрик, «ударники», награжденные этой поездкой за хорошую работу. Советские журналисты приехали из многих городов; иностранные корреспонденты со всего света заполнили два вагона. Мы все понимали, что эта железная дорога изменила лицо Азии, соединила сибирскую пшеницу и лес с хлопком Центральной Азии, донесла советскую торговлю до рубежа Западного Китая и опоясала дальнюю юго-восточную границу Советского Союза тонкой стальной линией обороны.

Наш поезд вне расписания, так как это был первый поезд. Вагоны пьяно покачивались на только что уложенных рельсах позади празднично украшенного зеленого паровоза. Это был дар ремонтных мастерских в г. Аулие-Ата⁴. Рабочие добровольно отремонтировали его, работая сверхурочно и без оплаты. Паровоз казался огненно-красным из-за развевающихся на нем знамен. Паровозная бригада, составленная из этих рабочих, вела «свой паровоз» день и ночь. Открытие Турксиба было также и их победой.

Вдоль железнодорожной линии выростали новые города — наспех построенные поселки первых поселенцев. Шатов выступал перед ними на митингах на каждой станции. Он вспоминал эпизоды их борьбы, голод и жажду в пустыне, ослепляющие бураны в ту зиму, когда «бюрократы» не отправили им теплой одежды. Он упоминал о маленьких детях, «которых матери еще носят на руках, но которые все же старше, чем этот город». Он говорил о новом мире, созданном их трудом, лучшем мире для рабочих всех стран. Я слышала, как исхудалая женщина шептала со слезами на глазах: «Молодчина наш начальник!»

Под лучами палящего солнца на станции продолжается русско-казахское празднество. Казахи-кочевники приехали верхом на лошадях за сотни миль, чтобы приветствовать «железную лошадь». Гигантский подъемный кран «Мэрион», как некий аттракцион, подымает в воздух и катает людей — русских и казахов попарно. Молодые люди пляшут на рельсах и поют новые песни о «черном коне, который мчится быстрее, чем сотня лошадей», чей приход дал им работу и школы и освободил от вековых угнетателей. Но старейшины рода все еще имели власть; когда молодые люди пытались оставить у себя премию, которую они получили за хорошую работу, их соплеменники набросились на них, повалили наземь и отобрали премию, чтобы отдать старейшинам. Таковы были родовые обычаи, которым угрожал конец после появления новой железной дороги.

На глазах десяти тысяч людей, которые пришли к этому голому дикому месту, бригады, прокладывавшие путь с севера и с юга, уложили последние стальные рельсы. Последний костыль был забит высокими должностными лицами из России и Казахстана, Шатовым от строителей и семидесятилетним Катаямой — лидером японских коммунистов, делегатом от Коммунистического Интернационала. Символическое значение удара Катаямы по соединяющему костылю было ясно. Открытие этой железной дороги означало нечто большее, чем соединение пшеницы и хлопка, открытие новых земель для поселенцев, опора для молодых пастухов в их борьбе против родовых угнетателей. Эта дорога открывала путь мировой революции в Азию.

Встречающиеся нам рабочие на всем пути, зная большую важность построенной железной дороги, спрашивали людей из нашего поезда о том, кто приехал на открытие дороги. Не Сталин ли? Не Калинин? Нет? Потом они примирились с менее высокими лицами, понимая, что путь от Москвы и обратно занял бы две недели и, что по всей стране шли такие же важные, но еще не законченные стройки. Далеко на Западе спешно завершалось строительство величайшей в мире гидроэлектростанции на Днестре. Далеко на севере строился новый город стали — Кузбасс. В Сталинграде был почти готов к пуску величайший в мире тракторный завод. В Свердловске строился крупнейший в мире завод тяжелого машиностроения.

⁴ Ныне он переименован в г. Джамбул. — Прим ред.

Турксибу выпала честь быть «первым из вступивших в строй гигантов». Но это был только один из десятков гигантов, намеченных к строительству поражающим воображение пятилетним планом.

Американские инженеры, заключившие контракт и приехавшие помочь выполнить этот план, часто говорили, что в действительности это вовсе не «план». Формально они были правы. Этот план никогда не был точной схемой, которой следовало скрупулезно придерживаться. Это призыв к соревнованию — выполнить и перевыполнить! План составляли не только в Москве, но одновременно и в самых дальних уголках страны. На фабриках и в деревнях люди обсуждали вопрос о том, чего они хотят, что они могут сделать, что для этого требуется. Местные планы направлялись по каналам в «центр», где их согласовывали и отсылали назад для одобрения на месте.

По всей стране от Ленинграда до Владивостока стоял могучий гул строительства. В 1931 году я поехала на стройки, чтобы написать о них в «Москоу ньюс». Двадцать лет спустя, когда меня арестовали в Москве, сотрудник МВД захватил все мои записки об этих поездках как доказательство «шпионской деятельности». Строительство гигантов пятилетнего плана вдруг неожиданно стало военной тайной, но в начале тридцатых годов эти новостройки показывали всем, кто хотел этого.

Некоторые люди говорили в 1935 году, что Сталинградский тракторный завод был неудачей; другие считали это громадным достижением. Как те, так и другие ошибались. Сталинградский тракторный завод в то время вовсе не был ни неудачей, ни достижением. Он был битвой. Битвой за первый советский конвейер. В Америке для создания конвейера потребовалось поколение. Здесь этот конвейер был завоеван с боем. За Сталинградский тракторный завод платили жизнью и молодостью. Сильные люди падали в обморок у горна в жаркие летние дни. Три американца — Цинкович, Коварт и Нинчук — работали шестьдесят часов без сна, чтобы отремонтировать машину N7, из-за которой остановился конвейер. Они победили, но едва держались на ногах от усталости; их встретили восторженными криками и наградили медалями. Это не работа. Это битва.

Сильные люди чуть не плакали, когда в их цехе появлялся «верблюд» — изображение смеющегося верблюда, которое вывешивалось в отстающих цехах. Работая с полным напряжением сил, они приходили в отчаяние, если цех не выполнял максимальной нормы, и возвращались в цех, чтобы сделать еще больше. Недостаточно было того, чтобы один человек или сотня людей делали все, что было в их силах. Нужна была организация труда. Не успевали они освоить одну деталь, как возникали трудности в освоении другой детали, и работа останавливалась. Тысячи деталей одновременно требовали пристального внимания, такой работы в России никогда раньше не знали.

Завод находился к северу от города, в двадцати минутах езды по ужасной дороге, которая составляла как бы часть завода. Машины ломались на этой дороге. Была проложена новая водопроводная магистраль, так как, если бы завод зависел от городского водопровода, он мог бы остаться без воды в июльскую жару. С опозданием на год начали строить дополнительные склады для хранения запчастей. До того из-за отсутствия нужных складов никто не знал, какие запчасти имелись в наличии. Бывало так, что конвейер останавливался из-за отсутствия некоторых деталей, а сотни этих деталей, может быть, уже месяц где-нибудь лежали. Ясно, почему Сталин подчеркнул значение «системы, учета, ответственности».

В каждом цехе происходили «производственные совещания». В механической мастерской обсуждался вопрос о «качестве» и «нехватке мелкого инструмента». Один рабочий сказал: «Детали лежат под открытым небом, их заносит песком, а потом они в таком виде идут в сборку. Надо предварительно мыть их в керосине». Другой рабочий обратил внимание на несвоевременный контроль: радиаторы нужно осматривать перед установкой на трактор, чтобы потом не приходилось затрачивать труд на их съемку.

Все хвалили корреспондента «Правды», когда он обнаружил причину, из-за которой вышли из строя шестьдесят моторов. У него не было технических знаний, но он увидел, что конвейер остановился из-за отсутствия моторов. Он нашел шестьдесят «дефектных» моторов, установил, что во всех этих моторах оказалась

негодной одна и та же деталь, и отправил эти детали в тот цех, откуда они поступили. Причиной брака был плохо заточенный токарный резец; неопытный рабочий не придавал этому значения, а беспечный инженер не обратил на это внимания. «Вы задержали шестьдесят тракторов», — обвинял корреспондент инженера. Инструмент был исправлен, детали начали поступать без брака. Это только одна из десятков тысяч вещей, которые нужно было делать. Более серьезные трудности, например саботаж, о котором речь будет впереди, тоже вызывали дезорганизацию производства.

Будут ли когда-нибудь все эти десятки тысяч вещей делаться хорошо — все в одно время? Да, кривая производительности иногда поднималась, а иногда шла вниз, но в основном наблюдалась тенденция роста. Дважды, когда это было необходимо, хозяева завода, объединенные общей целью, боролись, не считаясь с потерями, и побеждали. В первый раз, когда они обязались пустить завод к открытию партсъезда в июне 1930 года, работа велась непостижимо быстрыми темпами, несмотря на трудности. И еще раз, когда завод выпустил 5000-й трактор к концу первого года. В обоих случаях многие из руководящих работников и почти все американские специалисты считали, что задача невыполнима. И оба раза, благодаря воле рабочих, особенно комсомольцев, ее успешно выполнили.

«Мы можем собрать такие силы, о которых они и не подозревают», — говорит Трегубенко, секретарь заводской парторганизации. Ой был болен и давал мне интервью, лежа в постели; одновременно он говорил по телефону, отдавая распоряжения. Трегубенко подчеркивал значение сдельщины, системы строгой отчетности между цехами — «системы, учета, ответственности», которых требовал Ленин, а затем Сталин — эти наиболее трудные и необходимые элементы, которые должна была еще освоить страна на пути индустриализации.

Признаки, которые говорили о том, что люди успешно учатся строить, можно было увидеть повсюду: дорога между городом и заводом ремонтировалась; ремесленники кончали первый класс заводских технических школ; открылась новая «фабрика-кухня», в которой готовилось одиннадцать тысяч блюд в день; отношения между американскими специалистами и русскими улучшались. Даже киоски, в которых продавалась газированная вода и холодное пиво, благодаря чему разгоряченным, испытывающим жажду рабочим не приходилось больше пить воду из Волги и болеть после этого тифом (как было в прошлом году) — также свидетельствовали об этом.

Спустя четыре месяца после моего августовского посещения, завод стал ежедневно выпускать 110 тракторов. Это соответствовало «плану». Битву за первый советский конвейер выиграла. Двадцать лет спустя люди Сталинградского тракторного завода отбросили армии Гитлера назад от разрушенных заводских дворов на своих собственных танках.

Все, кто работал на строительствах Харьковского тракторного завода — русские, украинцы, американцы — говорили, что он был технически лучше оснащен, чем Сталинградский завод. Это верно, но несправедливо. Сталинградский завод строился первым; его опыт, ошибки и неудачи пошли на пользу всем последующим стройкам.

Американский специалист Раскин показал мне завод. В Сталинграде литейный цех был отстающим, в нем висел «верблюд»; в Харькове в литейном цехе было осуществлено более двадцати усовершенствований. Сталинградский завод получил прекрасные машины прямо из Америки, но неопытные рабочие из крестьян наполовину испортили их. Рабочие в Харькове были осмотрительнее, они научились на ошибках Сталинграда. Все отделы: транспортный, складского хозяйства, подсобных работ и др. использовали приобретенный опыт и работали лучше. Рационализация, которая при капитализме обусловлена конкурентной борьбой, здесь была объектом свободного обмена опытом. Харьков перенял весь опыт годичной работы Сталинградского завода.

Перед Харьковским заводом стояла особая задача. Он был построен «вне плана». Коллективизация пошла гораздо быстрее, чем этого ожидали, и тракторов не хватало, чтобы удовлетворить все потребности колхозов. Харьков, гордый украинец, построил свой собственный завод «вне пятилетнего плана».

Американцы не могут представить себе, какие трудности пришлось для этого преодолеть. Вся сталь, кирпичи, цемент, рабочая сила уже были расписаны заранее на пять лет вперед. Харьков мог получить сталь, только убедив несколько заводов изготовить сталь «сверх плана». Для того, чтобы восполнить недостаток в

неквалифицированной рабочей силе, десятки тысяч людей — служащие, студенты, профессора — добровольно работали по выходным дням. Так как рабочая неделя в то время продолжалась пять дней, то приблизительно одна шестая людей была свободна каждый день.

«Каждое утро в половине седьмого приходит специальный поезд, — рассказывал Раскин, — приезжают с оркестрами и знаменами каждый раз новые группы людей, всегда веселые». Говорили, что половина работы на строительстве завода, которую должны были сделать квалифицированные рабочие, была выполнена добровольцами.

Строительство Кузнецкого завода можно было обозреть с двух пунктов. Вы могли смотреть на него с Главной улицы — оттуда вы видели хаос. Вы могли взглянуть на строительство с холма — тогда вы видели то, что было уже построено. Вот некоторые наблюдения, записанные мною.

«Главной улицей» я называю узкую дорогу, еще не имеющую названия, которая проходит через центр стройки, между кучами мусора, железных труб, длинных балок; на дороге с трудом могут разъехаться две повозки, подсакивая на глубоких ухабах. Вы проходите по ней в полдень. «Эй! Не наезжай!» Вы отталкиваете лошадиную голову и забиваетесь в расщелину между сваленным здесь строевым лесом. Двадцать человек приносят тяжелый рельс; на минуту они заграждают более удобный путь: вдоль дороги лежат огромные трубы высотой по пояс, и люди ныряют в эти трубы и бегут по ним пригибаясь.

Множество железнодорожных путей прорезают Главную улицу. Движение повозок приостанавливается, когда взад и вперед проходит вереница платформ, груженных стальными плитами для доменных печей. Они выискивают место среди беспорядочных нагромождений, куда бы выгрузить плиты; таких мест мало, и состав маневрирует добрых двадцать минут, преграждая путь повозкам. Когда платформы уходят, гигантский фургон с сеном загораживает дорогу; повозки с трудом огибаят его. А вот на самой дороге остановился огромный грузовик, и десяток крепких крестьянских девушек бросают в него лопатами строительный мусор, скопившийся у самой силовой установки. Этот мусор нужно было бы убрать год назад. Миллионы кубических метров земли и мусора все еще не убраны.

От Главной улицы ответвляются в обе стороны дороги: в одну сторону — к коксовым печам, домнам, силовой установке; в другую — к котельному цеху, литейной, мартеновской печи и каркасу будущего прокатного стана. Это опасные дороги, они прижимаются к холмам и взбегают на кучи строительного мусора; они ежедневно меняют направление из-за продвигающейся стройки, и отыскать правильный путь могут только те, кто здесь работает.

Два дня идет дождь. Затем хаос Главной улицы тонет в сибирской грязи. Грязь заливает ботинки; боковые дороги становятся непроходимыми для повозок. Эффективность всей работы снижается на двадцать пять процентов.

Со всех сторон раздаются тысячи критических замечаний, критикуют американские и русские инженеры, инспекторы, редакторы. Почему все это происходит? Почему между домнами, коксовыми печами и силовыми установками происходит борьба за железнодорожные пути, и за людей, и за небольшую площадку для выгрузки материалов? Почему нет хорошей дороги? Каждый, кто здесь работает, может рассказать, как нужно строить сталелитейный завод. Сначала нужно построить дороги, подъездные пути, подсобные мастерские, жилые дома, склады; произвести земляные работы; провести водопровод и канализацию, а затем вывезти мусор и приступить к строительству самого завода. Когда строительство закончено, устанавливают оборудование, проводят его испытание, и завод готов к пуску. Об этом расскажет вам каждый.

А вот, что рассказывает начальник строительства Франкфурт: «Планы изменились, пока мы строили. Япония вторглась в Маньчжурию; требовалось больше стали. Перед нами стоял выбор: либо идти обычным путем, а это означало задержку на год, либо делать все сразу. Мы выбрали второе. Кроме того у нас, русских инженеров, нет опыта в строительстве современных сталелитейных заводов. И мы никогда не можем рассчитывать на плановое поступление материалов.

В Америке вы заказываете по телефону, скажем десять вагонов огнеупорного кирпича и получите их через несколько дней. Мы заказали кирпичи полтора года назад. Мы ждали огнеупорный кирпич для доменной печи четыре месяца. Наконец он пришел, причем весь сразу. Сгружать его было некуда, и мы распихали его куда только могли, и повсюду он мешал проведению других работ. Наша сталь должна была поступить в мае; ее доставили только в сентябре. Поезда с оборудованием приходят со всех сторон России и из-за границы; вагоны с грузом задерживаются в пути.

Через день после разговора с Франкфуртом, когда грязь несколько подсохла, мы поднялись на холм. Мы прошли мимо домов, расположенных на холме, и добрались до поселка из глинобитных лачуг, построенных десятками тысяч крестьян, которые нахлынули сюда в поисках работы. Не получая жилищ, они стали строить лачуги, потихоньку таская со строительства то несколько досок, то немного кирпича и оконных стекол. А в целом получается изрядное количество, и из-за этого ощущается непредвиденная нехватка материалов и приходится обращаться за помощью к милиции.

Со склона холма мы смотрим на Кузнецк. Строящийся сталелитейный завод растянулся по долине на три мили. Прямо перед нами поднимаются восемь черных гигантских цилиндров доменных печей. Год тому назад, когда я была здесь последний раз, земляные работы только начались; люди копали землю лопатами, унося ее на носилках или в ящиках, как это делалось в древности в Азии. Теперь первая домна готовится к пуску. Из трубы, которая еще должна сохнуть в течение нескольких недель, поднимается струйка пара. Потом домну загрузят сверху железной рудой, коксом и известняком, которые в процессе плавки будут медленно опускаться вниз. Уголь добывают здесь же. «Железо в пути»,— телеграфируют с горы Магнитной, находящейся на Урале на расстоянии 1500 миль. Считанные дни остались до того момента, когда впервые в истории Сибири там будет получена сталь на современном заводе.

За восемью большими цилиндрами находится десяток огромных строений: высокие черные трубы и массивные бетонные стены коксовых печей; заводская школа, в которой шесть тысяч крестьян готовятся стать сталелитейщиками; семизэтажная электростанция; пуск одной из ее турбин состоится через несколько дней. Дальше за электростанцией видна крыша литейной. Строительство литейного окончено только наполовину, выполнена лишь половина земляных работ, но цех уже дал двести тонн литья. Дальше, слева, находится крупнейшая в мире мартеновская печь, которая будет введена в действие позже. Поодаль видны высокие стальные колонны, покоящиеся на бетонном основании; это строится блюминг, равный величайшему в мире блюмингу в Гери.⁵

Но это еще не все. У подножья холма, далеко влево, мы видим завод огнеупорных кирпичей стоимостью в два с половиной миллиона долларов; он изготавливает кирпичи для доменных печей. Там же беспорядочно разместились мастерские «Стальмост», в которых производится склепка котельного железа для домен, а также котельный цех и механическая мастерская, уже работающие. Вдали, в тумане, видны очертания печей для обжига простых кирпичей, идущих на строительство домов в новом городе. Виден также завод по изготовлению стандартных деревянных домов.

Два года назад это была уединенная долина, в которой расположилась сонная деревня, насчитывающая тысячи полторы жителей. В прошлом году здесь построили несколько бараков и лачуг и начали производить небольшие земляные работы. Теперь новый город простирается далеко вниз по долине, и его невозможно охватить взглядом; жители живут в лачугах, бараках и в четырнадцатизэтажных кирпичных домах «социалистического города». В сибирской глуши возник завод, не уступающий крупнейшему в мире заводу.

⁵ Гери – крупнейший центр металлургической промышленности США. – прим. ред.

Этот завод построил не Франкфурт, не американские специалисты, не 45 тысяч рабочих. Его строил весь Советский Союз — сталелитейные заводы Ленинграда, мастерские Украины. Повсюду раздавался призыв: «Все для Кузнецка!» Рабочие работали быстро и следили за доставкой своей продукции к месту назначения. Во время моего посещения пришел поезд из Ленинграда. За время пути состав увеличился вдвое. Его сопровождала «ударная бригада» ленинградского завода, которая должна была проследить, чтобы груз быстрее продвигался мимо тихих сибирских станций. На запасных путях каждой станции бригада отыскивала вагоны, адресованные в Кузнецк, и цепляли их к своему поезду. Когда они отправлялись в путь, было 39 вагонов, а когда приехали — 90. На протяжении всего пути они расшевелили всех начальников станций.

Такова история Кузнецкого сталелитейного завода: безмятежные сибирские холмы, неквалифицированные крестьяне, грузы, рассеянные вдоль двухтысячемильного пути, а наряду с этим — ударные бригады рабочих, работающих по всему Советскому Союзу, чтобы оказать помощь Кузнецку, так как он открывал путь для индустриализации Сибири. Уже тысячи крестьян на этом заводе превратились в сталелитейщиков, и сотни инженеров приобрели опыт. После Кузнецка немного пониже, в долине, должен быть построен другой сталелитейный завод, вдвое больше первого. «Вдвое больше», — говорили все совершенно спокойно. Говорили так потому, что после Кузнецка уже ни один завод в Сибири не будет так трудно строить.

Магнитогорск — это название происходит от горы Магнитной — больше, чем Кузнецк. У меня нет возможности в рамках этой книги подробно остановиться на нем. Хочу лишь сказать, что город с населением 180 тысяч жителей возник за полтора года на склонах Уральских гор на расстоянии пятисот миль по железной дороге от ближайшего города. Это была величайшая в мире стройка. С гордостью говорили, что здесь находятся самые большие в мире залежи железной руды. Город молодежи, исполненный юношеской энергии, в котором 60 процентов рабочих были моложе 24 лет! Город 35 национальностей. В нем уже открылось 13 школ, средняя техническая школа и 2 высших технических института — металлургический и строительный. Там уже есть городской театр, несколько кинотеатров, цирк «лучший», чем в Свердловске.

Этот город был создан для того, чтобы в нем вырос сталелитейный завод, который должен стать для Урала тем, чем Кузнецк был для Сибири. Он также был построен благодаря напряженной работе всех рабочих всего Советского Союза. Здесь также молодежь придумывала новые способы рационализации, улучшения работы, соревнуясь с Кузнецком. И это только для гиганта из нескольких десятков, созданных по пятилетнему плану.

В январе 1933 года Сталин доложил Центральному Комитету, что Россия из аграрной страны превратилась во вторую в мире индустриальную страну. Первый пятилетний план был в основном выполнен в четыре года и три месяца — с октября 1928 года по декабрь 1932 года. Количество рабочих в промышленности удвоилось — с 11 миллионов до 22; промышленная продукция также удвоилась.

«У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь», — докладывал Сталин.

«У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь».

«У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь»⁶.

Он говорил об авиационной промышленности, о промышленности по производству сельскохозяйственных машин, химической промышленности и других отраслях экономики и добавил: «...мы их создали в таком масштабе и в таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии»⁷.

Пятилетний план осуществлялся ценою массового переселения людей и дезорганизации сельского хозяйства. Никогда еще в истории принесенные жертвы не окупались так быстро. Советские граждане считали, что, если бы темпы развития были более медленными, то не только построение социализма было бы невозможно, но и само их существование как нации оказалось бы под угрозой. Это объясняется тем, что уже в

⁶ И.В.Сталин, Вопросы ленинизма, изд. II, М., 1946, с. 373 — прим. ред.

⁷ И.В.Сталин, Вопросы ленинизма, изд. II, М., 1946, с. 373 — прим. ред.

1933 году Япония предприняла пробу сил на границе СССР с Маньчжурией, а немецкие нацисты объявили о своих притязаниях на Украину. Советские люди считали, что если бы они не повысили быстро экономическую мощь страны, то могла бы произойти интервенция на обеих границах.

«Нельзя не подгонять страну, — говорил Сталин в своем докладе, — которая отстала на сто лет и которой угрожает из-за ее отсталости смертельная опасность», «... мы были бы почти что безоружны перед врагами, имеющими в своем распоряжении все современные средства нападения»⁸.

После завершения первого пятилетнего плана СССР приступил к выполнению второй пятилетки, в которой промышленная продукция должна была возрасти в пять раз по сравнению с промышленностью, созданной в годы первой пятилетки. Кроме того, должна была осуществиться техническая реконструкция всей экономики. Однако, как сказал Сталин, задача была «несомненно более легкой», никакой будущей пятилетний план не будет таким трудным, как первый. Первый пятилетний план стал образцом, равняясь на который, страна двигалась вперед.

К 1935 году советские руководители начали говорить о «победе» социализма; его экономическая база была обеспечена.

Годом ранее, когда по всей стране гремел лозунг 1934 года «Борьба за качество и режим экономии», корреспондент «Москоу ньюс» приехал с новостями из поездки по Сибири. «Угадайте, что делается в Кузнецке! Они соревнуются с Магниткой по озеленению!»

Все в редакции расхохотались. Кузнецк, эта грязная дыра, где люди копошились во вшах и грязи, чтобы построить город стали! Они могли бы соревноваться по кладке доменных печей. Но цветочных клумб? Нет!

«Это факт, — сказал репортер. — У меня списаны пункты договора, они включают разбивку парков, бульваров, создание рабочих клубов. В Магнитогорске есть газоны, деревья и лучшие автобусы. Но в Кузнецке есть троллейбус и выступает театральная группа из Москвы. Там дает спектакли театр Мейерхольда».

⁸ Там же, с. 376 — прим. ред.

III. Революция в сельском хозяйстве

Годы быстрого роста социалистической промышленности сопровождались также революцией в сельском хозяйстве. Между 1930 и 1933 годами около 14 миллионов мелких, непроизводительных крестьянских хозяйств были объединены приблизительно в 200 тысяч больших колхозов, которыми крестьяне коллективно владели и управляли. Работы велись с помощью тракторов и сельскохозяйственных машин. Эти изменения были необходимы для улучшения жизни крестьянства и обеспечения безопасности страны, так как в 1928 году при прежних методах ведения сельского хозяйства в России невозможно было прокормить хотя бы города; прежняя система совершенно не обеспечивала нужды быстро растущей промышленности и не давала возможности повышать народное образование и культуру. Наряду с промышленностью необходимо было преобразовать и сельское хозяйство.

В 1928 году русские крестьяне обрабатывали землю допотопным способом так, как это делали их деды и прадеды. Они жили в деревнях, и им приходилось очень долго добираться до своих полей. Крестьянская семья имела надел от 10 до 20 акров зачастую в виде раздробленных мелких участков самой причудливой формы, иногда в виде таких узких полос, на которых даже борону нельзя было развернуть. Одна четвертая всех крестьян не имела лошадей; менее половины имели упряжку из двух лошадей или быков. Поэтому вспашка земли была неглубокой, производилась деревянной самодельной сохой без металлического сошника. Сев проводился вручную, зерна разбрасывались по земле, и их склевывали птицы и уносил ветер. Сельскохозяйственных машин было мало. Я достала для детской колонии на Волге трактор «Фордзон», и он был единственным трактором в округе двухсот миль.

Уклад жизни сохранил все старые патриархальные черты. Старик отец был полновластным хозяином. Когда сыновья женились, они приводили своих жен к себе и продолжали работать в хозяйстве, принадлежащем их отцу. Таким образом, способы ведения хозяйства оставались прежними, и новые веяния никак не отражались на нем. Религия играла очень большую роль. Сеяли в особые «святые» дни, выходили в поля с крестным ходом и кропили землю святой водой, чтобы был хороший урожай; служили молебны во время засухи.

Особенно набожные крестьяне считали тракторы «дьявольскими машинами», священники даже призывали крестьян разбивать их камнями. Таким образом, всякая борьба за улучшение методов ведения сельского хозяйства становилась борьбой «против религии». Мне припоминается широкая кампания, организованная комсомольцами против сева в день святой Елены. Столетиями этот день считался в Ивановской области днем начала сева, а комсомольцы боролись за более ранние сроки сева.

К 1928 году хозяйства оправились после военной разрухи. Валовой урожай достиг довоенного уровня. Однако город получал хлеба значительно меньше. Царская Россия экспортировала хлеб даже тогда, когда крестьяне умирали от голода. Советские крестьяне питались лучше, но продажа сельскохозяйственных продуктов на рынках очень сократилась. Излишки часто попадали в руки кулаков, этих мелких сельских капиталистов, которые получали зерно не только со своих собственных полей, но и от крестьян за помол зерна, поскольку кулаки владели мельницами; они выдавали также ссуды под урожай. Они вели борьбу с государством за контроль над производством зерна и привлечение на свою сторону крестьян.

Правое крыло коммунистической партии считало, что кулакам можно позволить обогащаться, а социализм можно построить, опираясь на государственную собственность на средства промышленного производства. Левое крыло настаивало на быстрейшем объединении крестьян в колхозы под контролем государства. Фактически в течение нескольких лет политика изменялась под давлением различных групп в партии. Окончательно принятым курсом был курс на вовлечение крестьян в колхозы при обеспечении их государственным кредитом и

тракторами и вытеснение кулаков путем высокищ налогов с тем, чтобы «уничтожить их как класс». Теоретически в колхоз записывались добровольно, но на практике иногда применялся нажим, и это приводило к эксцессам.

Американские комментаторы обычно говорят, будто колхозы принудительно организованы Сталином; они даже утверждают, что он преднамеренно принуждал голодать миллионы крестьян, чтобы они вступили в колхозы. Это неправда. Я ездила по деревням в те годы и знаю, что происходило. Сталин, конечно, способствовал происходившим изменениям и руководил ими. Но коллективизация пошла настолько быстрее, чем рассчитывал Сталин, что колхозам стало не хватать машин, ощущался недостаток в счетоводах и руководящем составе. Недостаток опыта в работе и массовый убой скота, спровоцированный кулаками, а также два неурожайных года привели к серьезному недостатку продовольствия в 1932 году. Это произошло спустя два года после того, как Сталин якобы, оказал давление на крестьян, заставляя их вступить в колхозы. Москва вывела страну из трудного положения, введя строгое нормирование продуктов.

Я видела как коллективизация разразилась подобно буре на Нижней Волге осенью 1929 года. Это была революция, которая вызвала более глубокие изменения, чем революция 1917 года, породившая ее. Батраки и бедняки взяли инициативу в свои руки, надеясь улучшить свое положение с помощью государства. Кулаки ожесточенно боролись с колхозным движением, применяя любые средства, вплоть до поджогов и убийств. Середняки – этот подлинный костяк сельского хозяйства – с одной стороны стремились выйти в кулаки, а с другой – хотели получить машины у государства. Но теперь, когда по пятилетнему плану колхозникам были обещаны тракторы, вся огромная масса крестьян стала вступать в колхозы; вступали целыми деревнями, волостями, районами.

Размахивая в воздухе пачкой телеграмм, председатель Объединения колхозов Аткарска (шесть месяцев назад такой организации не существовало еще) с восторгом закричал мне: «К 20 ноября наш район был охвачен коллективизацией на 50 процентов, к 1 декабря – на 65 процентов. Мы получаем сведения каждые десять дней. К 10 декабря мы ожидаем 80 процентов».

Несколько месяцев назад люди спокойно спорили о колхозах, обсуждали, каков будет урожай, как использовать тракторы. Но теперь все крестьянство исполнилось энтузиазма. В одной деревне образовался колхоз, затем проголосовали за объединение с двадцатью деревнями для организации кооперативной торговли и постройки мельницы. Самойловка одно время удерживала первое место по количеству земли в колхозе — 350 тысяч акров. Затем Балаково объявило о 675 тысячах акров; затем Елань объединила четыре больших селения в колхоз с 750 тысячами акров. Узнав об этом, крестьяне Баланды потребовали на собрании: „Не будем отставать! Объединим наши два района в колхоз с 1 миллионом акров земли».

Тысяча лошадей вышла в поле в Баланде для «репетиции сева». Семидесятилетний старик подбежал к фотокорреспонденту. «Сфотографируйте меня с лошадьми. Теперь я могу умереть спокойно; я еще никогда не переживал подобного дня».

В эти споры включались партийные организации, иногда агрономы, дающие советы, иногда рабочие, мало понимавшие в сельском хозяйстве, но охваченные желанием помочь коллективизации: «Тысяча лошадей — не слишком много для одного поля. Это кажется заманчивым; но так ли должна вестись обработка земли?» Спорили ожесточенно. Впоследствии Москва осудила «гигантоманию». Но вначале энтузиасты называли всякую осмотрительность «контрреволюцией». В семьях происходил раскол; молодое поколение шло за энтузиастами, жаждущими новых путей. Старики сомневались; они понимали, что, теряя власть над землей, они теряли и власть в семье. Женщин беспокоила судьба домашней скотины. Еще было не совсем ясно, какие животные будут обобществляться, а какие — нет. Существовало несколько типов объединения.

Кулаки и священники в период коллективизации распространяли различные темные слухи, стараясь запугать народ и сыграть на его инстинктах. Повсюду слышны были разговоры об «одном одеяле», под которым,

якобы, будут спать все мужчины и женщины колхоза! Ходили слухи, что дети должны быть «обобществлены». В некоторых местах кулаки вступали в колхозы, стремясь либо возглавить их, либо развалить. Кое-где их исключили из колхозов как нежелательный элемент. Некоторые колхозы отбирали у кулаков лошадей, как это делалось с помещичьим инвентарем во время революции, но самих кулаков в колхоз не принимали. Кулаки отвечали поджогом колхозных амбаров и даже убийствами. В Акта реке заканчивался процесс по делу двенадцати кулаков, убивших секретаря партийной организации. «Он умер за всех нас», — говорилось в обвинительном акте. Присутствовавшие на суде крестьяне плакали. После этого коллективизация приняла еще больший размах и новые колхозы стали называть в честь жертв кулацкой расправы.

Когда я покидала эти места, я спросила одного из местных руководителей: «А что думает Москва по тому или иному вопросу?» Он тут же гордо ответил: «Мы не можем ждать указаний из Москвы; Москва планирует на основании того, что делаем мы».

Вернувшись в город, я узнала, что Москва действительно составляла планы. В этих планах учитывались все данные, полученные из основных зерновых районов страны. По пятилетнему плану к концу 1933 года в колхозах должно было быть объединено 20 процентов общего числа крестьянских хозяйств. В некоторых районах коллективизация достигла к 1930 году 60 процентов. Для такого большого числа колхозов не было запланировано соответствующего количества тракторов или машин. Поэтому Москве пришлось урезать до минимума импорт хлопка-сырца, чем был вызван недостаток в тканях еще на ряд лет. Москва аннулировала заказ на дешевое бразильское кофе и в результате поссорилась с Бразилией. Но зато она увеличила импорт сельскохозяйственных машин и на некий короткий срок обрела друга в лице Генри Форда. Именно тогда Харьков решил построить собственный тракторный завод «вне плана», чтобы обеспечить тракторами Украину.

В середине зимы я поехала в район Одессы, чтобы посмотреть первую машино-тракторную станцию. Один специалист по сельскому хозяйству, по фамилии Маркович, разработал эффективный и экономичный метод обслуживания колхозов тракторами. Вместо того, чтобы продавать машины крестьянам, которые не могли ни управлять ими, ни ремонтировать их, он предложил держать десятка два тракторов в одном центре с полным комплектом сельскохозяйственного оборудования, устроив там же ремонтно-механическую мастерскую и школу трактористов. Эта станция затем должна заключать договоры с колхозами, расположенными в радиусе двадцати миль или более, обязуясь предоставлять тракторы для любой работы, когда это будет необходимо, и получая за это плату зерном. Соглашения могли быть самыми разнообразными. Один зажиточный колхоз, имевший много лошадей, брал на прокат тракторы только для поднятия целины; в то же время первый еврейский колхоз, недавно получивший землю от государства и ощущавший большой недостаток в живом инвентаре, для производства большей части сельскохозяйственных работ обращался за помощью к машино-тракторной станции. Машино-тракторные станции, принадлежавшие государству, оправдали себя и быстро распространились по всему Советскому Союзу. В настоящее время они являются преобладающей формой снабжения колхозов машинами.

Зимой 1929-30 года в колхозном движении еще царил хаос. Форма колхоза еще не определилась. Сталин, также составлявший свои планы с учетом того, что делалось среди крестьян, заявил 27 декабря 1929 года, что пришло время «уничтожить кулачество как класс». Этим он только санкционировал то, что уже делали бедняки, и, получив такую санкцию, последние начали действовать еще более энергично. Рассказывали о жестоких мерах, применяемых по отношению к кулакам: на кулацких домах разбирали крыши, кулаков беспорядочно выслали. Тем временем организаторы в погоне за рекордными показателями принуждали крестьян вступать в колхозы, угрожая им в противном случае выслать их как «кулаков»: они «бобществляли» коров, коз, кур, даже посуду и белье. Кулаки чрезвычайно преувеличивали эти эксцессы и подстрекали крестьян убивать и поедать свой скот и «идти в колхозы голыми, а там, мол, государство будет вас содержать».

«Почему Сталин не прекратил это?» — спрашивала я у одного приятеля-коммуниста. «Разве у кулака нет совсем никаких прав? Происходит полная неразбериха».

«Действительно анархия, — ответил он. — Это происходит из-за раскола партии; мы, коммунисты, несем за это ответственность. Сталин наметил «курс» — «уничтожить кулачество как класс». Первые, которые

контролируют государственный аппарат (я знала, что он имел в виду Рыкова), задерживают издание закона. Поэтому левые на местах, не зная чем руководствоваться, делают то, что кажется правильным им, батракам и беднякам. Это анархия. Мы ждем, что вскоре будет постановление правительства; тогда установится порядок».

Первое постановление вышло 5 февраля 1930 года. В нем санкционировалась высылка кулаков из районов «сплошной» коллективизации, где крестьянские собрания требовали выслать некоторых лиц после разбора их дела. Затем списки этих людей согласовывались с местным руководством и намечалось, в какие районы будут направлены кулаки. Это обычно были районы новостроек или целинные земли в Сибири. После постановления анархия уменьшилась, но ошибки и эксцессы, видимо еще продолжались. Почему Сталин не занялся этим вопросом?

«Мы не можем начать критику наших товарищей на местах до тех пор, пока колхозное зерно не будет в колхозных амбарах и сев не будет обеспечен, — сказал мой друг-коммунист. — Иначе может произойти повсеместный голод». Он имел в виду, что крестьяне, которые уже съели свой скот и ожидали, что государство будет кормить их, могли также съесть свои семена. «Мы похожи на человека, который мчится на лыжах по крутому склону, — добавил он, — Мы не можем ни остановиться, ни изменить скорость или дистанцию. Мы можем только делать прыжки и стараться удержаться на ногах. Если нам это не удастся, тогда все будет кончено». Я понимала, что он имел в виду, так как, когда я поехала в Ригу продлить свой паспорт (Вашингтон все еще не имел посольства в СССР), то увидела, что в американском консульстве усиленно собирали сведения о советской коллективизации по данным, публикуемым в периферийных советских газетах. В госдепартамент Соединенных Штатов из консульства посылали доклады на сотнях страниц. Иностранцы предсказывали, что голод приведет Советский Союз к крушению. Стало известно, что не одна пограничная страна готовила свои армии для похода на Советский Союз.

2 марта 1930 года, когда в основных зерновых районах уже произвели «сбор семян» для посева, Сталин написал свою знаменитую статью «Головокружение от успехов». Он сказал, что в результате той быстроты, с которой крестьяне вступили в колхоз, некоторых наших товарищей закружилась голова⁹. Он напомнил о добровольном участии в колхозном движении и сказал, что при рекомендуемой форме колхоза в данный момент обобществляются только земля, тягловый скот и крупный инвентарь, а такие домашние животные, как коровы, овцы, свиньи, куры, остаются в личном пользовании. Все газеты страны полностью опубликовали статью; отдельное издание ее разошлось миллионными тиражами. Крестьяне ездили в город и платили втридорога за последний наличный экземпляр, а затем размахивали им перед лицом местных организаторов, как хартией свободы. Сталин вдруг стал героем в глазах миллионов крестьян, их защитником от злоупотреблений в колхозном движении, допускаемых на местах. Сталин вскоре выступил против такого его почитания, опубликовав статью, в которой заявил: «Иные думают, что статья «Головокружение от успехов» представляет результат личного почина Сталина..., не для того у нас существует ЦК, чтобы допускать в таком деле личный почин кого бы то ни было...»¹⁰. Статья была написана по поручению ЦК.

В конце марта я поехала на юг навстречу весне и повстречалась с ней на пути к Сталинграду через сутки после того, как отъехала от Москвы. Я сошла с поезда поздно ночью и была напугана толпой крестьян, окруживших меня. Они горько жаловались: «Бывший бандит пролез в партию и хозяйничает в нашей деревне». «Сталин говорит, что колхозы организуются на добровольных началах, а между тем не хотят вернуть нам наших быков».

⁹ И.В.Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. II, М. 1946, с.3

¹⁰ И.В.Сталин, Вопросы ленинизма, изд. II, М. с. 311 - прим. ред.

На следующее утро в районном центре я была свидетельницей того, как усталый секретарь с утра до позднего вечера выслушивал подобные жалобы. «Председателя нет здесь, — объяснял он. — Он поехал в деревню, где кулаки прошлой ночью сожгли конюшню, в которой было 27 лошадей, собранные для посевных работ. Он должен срочно организовать там помощь». Одновременно замученный секретарь твердил всем посетителям, что они, конечно, получают обратно своих быков, если они решили выйти из колхозов, но они не должны срывать сев, внезапно забрав быков, на которых уже пашут сейчас полевые бригады, работающие за 20 миль. К тому же у них семь пятниц на неделе и они не могут еще окончательно ничего решить.

Казалось, что колхозы разваливаются под нажимом со всех сторон: кулаки наступали, священники подстрекали; местное начальство совершало глупые поступки; наконец, просто давала себя знать средневековая отсталость России. И все же, едва лишь отъехав от железной дороги и углубившись внутрь страны, я увидела вместо хаоса организованный массовый сев. Я поняла, что все журналисты, которые судят по обстановке в местностях, прилегающих к железной дороге, и по районному центру, получают неверное представление. Все жалобщики стекались к железной дороге и искали справедливости в районном центре. Ни один крестьянин, который мог пахать, не ходил к железной дороге — он пахал! Вдали от железных дорог крестьяне боролись за рекордный урожай, чтобы закрепить свои права на землю и машины.

«Первая большевистская весна» — так назвали они первый сев в колхозах. На многие мили простирались черноземные плодородные поля, и это было одно поле; единый севооборот планировался на все это поле. Через равные интервалы расположились полевые бригады; лошади, быки или тракторы ритмично двигались через поле, произведя такую быструю и глубокую вспашку, какой никогда не знала эта земля. Ночью повсюду загорались костры, слышалась балалайка, пение мужчин и женщин. Сюда приезжали оперные певцы из Москвы; они организовывали праздничные процессии на полях вместо прежних крестьянских ходов. Седовласый профессор астрономии из Ленинграда объезжал полевые станы и читал лекции о звездах с демонстрацией диапозитивов; для полевых бригад это было «культура», для коммунистов — антирелигиозная пропаганда. Из города приезжали бригады механиков-добровольцев для ремонта сельскохозяйственных орудий.

Это был самый героический и полный энтузиазма сев в истории человечества. Миллионы крестьян впервые сознательно общались с жизнью города, с рабочими, агрономами, артистами и журналистами; все двинулись в великий крестовый поход и за одну весну создали сельскохозяйственный базис для социализма.

Когда я вспоминаю об этом великом севе, в памяти моей возникают три человека: Устина — батрачка, Мельников — корреспондент и Ковалев — секретарь райкома.

Устина была птичницей в большом колхозе «Оплот коммунизма». Прежде она была служанкой; начала работать с восьми лет. После революции она вступила в маленькую сельскохозяйственную коммуну; она была так бедна, что заворачивала своего новорожденного ребенка в газеты. Шаг за шагом коммунары создали хорошее хозяйство, завели тракторы и инкубатор. Устина получила этот инкубатор из Москвы в награду за хорошую работу. После двух лет относительно хорошей жизни коммунары опять начали голодать, так как к ним устремилось много нуждающихся батраков и им пришлось кормить всех до урожая. Некоторые члены коммуны требовали ограничиться приемом только тех, кто вносил свою долю зерна. Устина сказала твердо: «Это наша вторая битва. Первая была кровопролитной войной. Теперь мы не убиваем, но все же мы сражаемся и поэтому должны поддерживать всех, кто идет вместе с нами».

Из Сталинграда выехал поезд из трех вагонов, в которых разместилась выездная бригада газеты. Всю весну бригада переезжала из района в район, расследуя злоупотребления, сообщая о них в газете, и даже вызывала из города судей для организации особо показательных процессов. Мельников, очень энергичный корреспондент, мог ежедневно «обработать» до десяти потрясающих судебных дел, причем это не обескураживало его, наоборот, он продолжал призывать к борьбе. Он написал о бандите Зотове, который был избран односельчанами председателем колхоза, а затем пытался выслать как кулака ветерана Красной Армии, разоблачившего его. Он рассказал об одном ретивом организаторе, который промчался по семи калмыцким кочевьям и кол-

лективизировал их всех в течение семи дней, составив описание имущества калмыков и, сообщив им, что они теперь в колхозе. Неграмотные калмыки, в глазах которых государственный документ обладал магической и неоспоримой силой, не посмели даже угнать своих голодных овец на летнее пастбище, боясь, как бы не сказали, что они «воруют государственных овец». Когда они узнали о статье Сталина «Головокружение от успехов», все семь кочевий снялись за одну ночь и ушли в степь.

Все антисоветские газеты в Америке вместе не могли бы изобрести больше «большевистских зверств», чем было взволнованно описано Мельниковым за время его повседневной работы журналистом. В эту весну благодаря выездной бригаде газеты было арестовано более двухсот должностных лиц за различные преступления, начиная от взяточничества и, кончая бандитизмом. Но когда я спросила, не пострадает ли урожай из-за всех этих беспорядков, Мельников взглянул на меня так, как будто я сошла с ума.

«Пострадает? Он должен на много возрасти! Разве вы не видели, как батраки и крестьяне используют, не говоря уже о тракторах, кулацких лошадей, чтобы увеличить посевную площадь на 70 процентов? Кулак саботировал, опасаясь налогов и ненавидя советское государство. Эти новые владельцы работают как безумные».

Стремление бедняков улучшить свою жизнь претворилось в силу, прорвавшуюся наружу в ту «первую большевистскую весну». Этой силой руководили коммунисты, которые, несмотря на свою неопытность и допускаемые ими эксцессы, были дисциплинированным отрядом. Я узнавала их в полевых бригадах по их стремлению работать как можно лучше. Таким был Ковалев, секретарь партийной организации маленького татарского района к югу от Сталинграда. Я вспоминаю его разговор с десятью растерянными крестьянами, собравшимися выйти из колхоза.

Один из них сказал: «У меня нет теплой одежды, а меня заставляют пасти скот в дождь». Другой жаловался: «Они заставляли моего верблюда работать голодным, и он сдох у меня на глазах». Третий говорил: «Моя жена не хочет со мной жить с тех пор, как я вступил в колхоз».

Лично мне эти доводы казались убедительными, но Ковалева они не убеждали. «Вы всегда жили в таких условиях, — сказал он, — Никто не сулил вам золотых гор в колхозе. Ошибки в руководстве могут быть исправлены. Люди, работающие ночью, должны иметь теплую одежду. Сена мало из-за прошлогодней засухи, но в индивидуальном хозяйстве вам легче не будет. Тем, кто уходит из колхозов, не будет лучше, так как все Советское государство помогает колхозам. Крестьянин не существует сам по себе; его хозяйство зависит от государства, а государство зависит от него. Наша страна окружена капиталистическими государствами. Мы должны быстро построить крупную промышленность и создать современное сельское хозяйство, иначе мы погибнем. Этот огромный завод в Сталинграде даст этим летом тракторы для ваших колхозов. Эта огромная электростанция — Сталинградская ГРЭС — этой осенью даст свет в ваши дома. Пока стройки не окончены, им надо давать хлеб; необходимо поэтому увеличить производство зерна. Можно ли будет это сделать, если все крестьяне будут сидеть дома, раздумывая, пахать или не пахать? Каждый гражданин в этом году обязан приложить все силы, чтобы укрепить колхозы».

Два часа длился этот спор. Потом пришли жены и вызвали своих мужей. Ковалев пригласил их войти, но они отказались. Они уже твердо решили все, и мужьям пришлось повиноваться. Не тратя слов на напрасные сожаления, Ковалев обратился к пяти коммунистам, все еще находившимся в комнате, среди которых были местный учитель и библиотекарь. Он тут же послал их в полевые бригады бороться; их главной задачей было поддержать дух колхозников. Он позвонил по телефону в Сталинград и попросил срочно прислать сена, а также организатора татарку для работы среди женщин. Он велел библиотекарю послать передвижные библиотечки в полевые бригады. Он действовал как полководец; и более крупные задачи были бы ему по плечу. Все это происходило в маленькой татарской деревне. В каждой такой деревне находились партийные организаторы, ведущие этой весной битву за советскую пшеницу.

И Мельников оказался прав. Хотя сев был проведен в условиях классовой борьбы, когда люди старались за один год вырваться из средневековья, однако сила их пробужденной воли была такова, что когда наконец был

собран урожай, Советский Союз (и иностранные державы, как сыч следившие за ним) увидел, что в стране была засеяна наибольшая за всю историю посевная площадь и собран величайший урожай.

Один урожай, однако, не мог упрочить коллективизацию страны. В 1930 году успех был достигнут, несмотря на плохую организацию и недостаток машин, благодаря лишь энтузиазму крестьян. В следующие два года организационные трудности захлестнули их. Где найти хороших руководителей, счетоводов, трактористов? В 1931 году урожай был плохим из-за засухи в пяти основных зерновых районах страны. В 1932 году урожай улучшился, но его плохо убрали. Председатели колхозов, не желая признаться, что дела у них плохи, утверждали, что они урожай уберут. Когда же Москва спохватилась, то оказалось, что большое количество зерна осталось под снегом.

Причин к этому было множество. 14 миллионов мелких хозяйств были слиты в 200 тысяч крупных. Не хватало ни опытных руководителей, ни машин. Одиннадцать миллионов работников ушли из деревни на вновь создавшееся промышленное производство. Отсталость крестьян, саботаж кулаков, ошибки организаторов — все сыграло свою роль. К январю 1933 года стало ясно, что стране угрожает серьезная нехватка продовольствия, а два года спустя она победоносно «завоевала пшеницу».

На Пленуме Центрального Комитета Сталин признал, что партия несет ответственность за создавшееся положение. Партия была застигнута врасплох, но когда обнаружилось критическое положение, были быстро приняты энергичные меры. Для удовлетворения насущных потребностей колхозы безжалостно заставили сдать государству весь хлеб, который они ему задолжали по налогу или за машины, независимо от того, оставался ли у них хлеб для самих себя. «Должны ли рабочие, которые сдержали слово и дали вам тракторы, умирать от голода из-за вашей бесхозяйственности?» — спрашивали их. Затем по всей стране было введено нормированное распределение имевшегося в руках государства хлеба. Он выдавался в скудных размерах даже колхозам, которые провалили уборку, в форме пайка на время сева для тех, кто работал. Повсюду в стране был недостаток продовольствия и население недоедало. Из-за этого смертность увеличилась. Но нехватка продовольствия равномерно распределилась по всей стране, и нигде не наблюдалось панического беспорядка, который обычно ассоциируется со словом «голод». При общенациональном железном нормировании был собран урожай 1933 года.

Тем временем для предотвращения катастрофы в будущем были проведены три мероприятия: издан новый закон о сдаче зерна, организован съезд колхозников-ударников и созданы политотделы при машино-тракторных станциях. Нормы сдачи хлеба, которые раньше были небольшими для слабых колхозов, были изменены, с тем чтобы поощрять за хороший сбор урожая и наказывать за бесхозяйственность. На съезд колхозников-ударников прибыли «передовики» из лучших колхозов. Их методы работы широко пропагандировались по всей стране. Награжденные колхозники с почетом возвращались домой, чтобы выполнить поставленную перед ними задачу — сделать весь район передовым. Две трети колхозов уже обслуживались машино-тракторными станциями, причем в МТС были направлены 20 тысяч новых квалифицированных специалистов, которых раньше никогда не знала русская деревня. Директоры заводов, военные командиры, профессора университетов добровольно шли работать в политотделы, чтобы поднять «производительность» в колхозах.

Иностранная печать назвала это «войной Сталина против крестьян», советская печать назвала это «нашей войной за урожай». Вся страна вела борьбу, и колхозы и города. Мой муж, работавший тогда в «Крестьянской газете», провел сорок дней на Северном Кавказе, перелетая на двухместном самолете из колхоза в колхоз и руководя «бригадой» из десяти других корреспондентов. Прилетая на место, он выборочно обследовал несколько квадратных метров убранной площади, подсчитывал, сколько на них осталось неубранных колосьев, и вычислял, какую потерю это составит в целом колхозе. Он отмечал также наилучшие методы борьбы с потерями зерна. Сводку данных, собранных десятками людьми, по телеграфу сообщали в печать, чтобы ими можно было руководствоваться в дальнейшем, по мере продвижения уборочных работ на север. Мой муж похудел за эти дни на тридцать фунтов; он приехал домой совсем измотанный и завшивевший. Он подсчитал, что его бригада

спасла около миллионов бушелей¹¹ хлеба. Это лишь один из примеров всеобщей борьбы, которую вели в тот год.

В то лето была одержана победа на хлебном фронте, причем именно тогда, когда стране угрожало великое бедствие. Урожай 1933 года превысил рекордный урожай 1930 года. На этот раз новый рекорд был достигнут не за счет

В то лето была одержана победа на хлебном фронте, причем именно тогда, когда стране угрожало великое бедствие. Урожай 1933 года превысил рекордный урожай 1930 года. На этот раз новый рекорд был достигнут не за счет одного энтузиазма, а благодаря возросшему умению и организованности.

На следующий год победа была закреплена благодаря самоотверженной борьбе колхозников против засухи, поразившей всю южную половину Европы. В прежние годы пострадавшие от засухи крестьяне съели бы свой скот и бежали бы в города в поисках работы. В 1934 году колхозники собирались на областные съезды, на которых объявили «войну засухе» и составили план мероприятий применительно к каждому району. Одни колхозы использовали свои пожарные части для подвозки воды, другие посадили лесозащитные полосы. На склонах Северного Кавказа они рыли оросительные каналы протяжением в тысячи миль, говоря: «У нас есть горы, нам не нужен дождь». Для каждого района, где был недород озимой пшеницы, ученые определили, какую последующую культуру лучше всего применить; об этом составлялись донесения, и государство срочно посылало скорый поезд с семенами. Благодаря этим общенародным усилиям засуха 1934 года была побеждена, и весь урожай по СССР не уступал наивысшему урожаю, полученному в 1933 году. Даже в районах, где был самый плохой урожай, большинство колхозов обеспечило колхозников продовольствием, а скот — кормом. Колхозы организованно окрепли.

К 1935 году положение в колхозах стало устойчивым; в течение двух лет почти никто не выходил из колхозов. Были утверждены примерный устав сельскохозяйственной артели, примерный тип «колхозного плана»; был введен севооборот и проведено размежевание полей. В течение трех лет урожай зерновых культур получался на 15-20 миллионов тон выше прежних рекордных урожаев; площадь под посевы сахарной свеклы удвоилась; площадь под хлопок увеличилась в полтора раза. Тяжелый урон был нанесен поголовью скота, большое количество которого было забито и съедено в первый год коллективизации. В Китае кооперативные артели, узнав об ошибках русских, стали покупать скот у крестьян в рассрочку.

Более важным, чем экономические успехи, было изменение самих крестьян. Колхозники не только обучались грамоте, они стали приобщаться к науке и искусству. В течение двух лет на одной только Украине было создано семь тысяч «хат-лабораторий», где колхозники изучали свои местные сельскохозяйственные культуры, обмениваясь данными с государственными опытными станциями. Почти в каждом колхозе были созданы драмкружки, клубы планеристов и парашютистов и даже авиационные курсы. Колхозники принимали участие в государственной жизни, а государство заботилось о колхозниках. Советский ученый-агроном сказал мне: «Мы, ученые, привыкли чувствовать себя как-то в стороне, но теперь, когда колхозам нужна наша наука, мы видим перспективы нашей работы на тысячу лет вперед».

Во время второй мировой войны, когда войска захватывали немецкие танки, или же немецкие самолеты делали вынужденную посадку в сельской местности, местные колхозники-партизаны могли самостоятельно отвести танки и самолеты в тыл. В журнале «Лайф» от 29 марта 1943 года было сказано: «Какова бы ни была цена коллективизации..., но эти громадные колхозы... сделали возможным использование машин, благодаря которым продукция удвоилась... (и) высвободили миллионы рабочих для промышленности. Без них... Россия не смогла

¹¹ Бушель равен 35,2 л – прим. ред.

бы построить промышленность, выпускавшую вооружение, с помощью которого была остановлена немецкая армия».

После войны, в 1947 году, я совершила перелет по СССР и приземлилась в Казани, на Волге. Я увидела множество маленьких самолетов в конце поля и решила, что мы сели на военный учебный аэродром. Я удивилась, как это нам разрешили здесь приземлиться.

«О нет, — сказал русский. — Это колхозные самолеты: на них колхозники прилетели в город по различным делам».

IV. Новые люди

Характерной особенностью людей, построивших новую промышленность и сельское хозяйство, была безграничная инициатива. Мне всегда бывает смешно, когда американцы говорят, будто советские люди живут «по регламенту». Каждой стране и каждой эпохе соответствуют свои общественные порядки и свои формы прогресса. Но никогда ни в одной стране, до моей последней поездки в Китай, я не встречала столько энергичных людей, сколько я видела их в СССР в период осуществления пятилетних планов.

Одним из таких людей был Билл Шатов. Я застала его в одной из гостиниц Новосибирска больным, в постели. Он строил железную дорогу, дрался за рельсы, цемент и рабочую силу. Глаза его горели лихорадочным блеском. Я спросила его, почему он не вызовет жену, не обеспечит себе удобную квартиру, регулярное питание, какой-то отдых. Он удивленно посмотрел на меня.

«Главное в жизни, — сказал он, — это работа. Нет, не просто работа, а творчество! А в наше время открываются возможности для бесконечного, безграничного творчества. Могу ли я урвать хотя бы час у творчества, чтобы мило провести время с женой или вовремя пообедать?»

Такая жажда творчества была присуща не только руководителям. Она охватила также миллионы простых граждан, ибо перед ними открылись новые пути в жизни. В предыдущих главах рассказывалось, как некогда неграмотные крестьяне становились деятелями сельскохозяйственной науки, актерами-любителями, парашютистами, летчиками.

Еще большие изменения произошли в жизни отсталых народов. В СССР живет более 150 национальностей, находящихся на различных стадиях развития: от оленеводов-эскимосов и кочевых овцеводов-киргизов до народов с древней цивилизацией, вроде армян и грузин.

Советская политика была направлена на развитие всех национальных культур по мере укрепления экономических основ социализма. Однако 85 мелких народностей не имели даже своего алфавита, не говоря уже о книгах. И тогда ученые создали для них письменность. В Москве печатались книги на ста языках; к концу первого пятилетнего плана в СССР издавалось книг больше, чем в Германии, Франции и Англии вместе взятых. Книги были лишь одной из преобразующих сил. Кроме них, играли роль также новые законы, наука, искусство.

Но величайшей преобразующей силой была борьба народа за новую жизнь. Писатель Панферов следующим образом выразил это на конференции в Париже:

«Рабочий класс построил плотину на порожищем Днепре и заставил его непослушные воды служить человеку. Он превратил пасмурный Урал в промышленный центр и освоил дикий отдаленный Кузбасс. Преобразуя страну, рабочий класс переделал и самого себя».

В начале тридцатых годов все говорили о «новых людях». Один русский писатель предложил редакции «Москоу ньюс» дать ряд очерков о «новых людях». Он сказал, что написал больше тысячи таких очерков, и, к нашему удивлению, добавил: «Это еще мало, чтобы показать все типы новых людей, порожденных социализмом». Свердловская газета ежедневно печатала столбец под заголовком «Новые люди», где рассказывала

о случаях, отражавших изменения в обычаях и взглядах людей. Боюсь, в дальнейшем жизнь показала, что в некоторых из этих рассказов желаемое выдавалось за действительность. Борьба за социализм не приводит к утопии и не уничтожает зло. Тем не менее в жизни людей произошли очень большие и характерные перемены. Из множества таких изменений я коснусь лишь нескольких: раскрепощения женщин в Средней Азии, возможности для детей самим избирать себе будущую профессию, а также развития стахановского движения. Все эти явления отражают различные аспекты жизни того времени.

Изменение в положении женщин было одним из важных социальных сдвигов, наблюдавшихся повсеместно в СССР. Революция принесла женщинам равенство в области политических прав. Индустриализация обеспечила им экономическое равенство в силу равной оплаты труда. Однако в каждой деревне женщины еще должны были бороться против вековых обычаев. Так, например, из одной сибирской деревни сообщалось, что после того, как со дня образования колхозов женщины стали получать самостоятельный доход, жены «объявили забастовку» в знак протеста против избивания их мужьями и за одну неделю сокрушили освященный веками обычай».

«Все мужчины насмеялись над первой женщиной, которую мы избрали в наш сельский совет, — рассказывал мне председатель сельсовета, — но на следующих выборах мы избрали шесть женщин, и теперь настала наша очередь смеяться». Во время поездки по Сибири в 1928 году я встретила с двадцатью женщинами — председателями сельсоветов, которые направлялись в Москву на Съезд женщин. Для большинства из них это была первая поездка по железной дороге, и лишь одна из них в прошлом выезжала за пределы Сибири. Они были приглашены в Москву, чтобы «высказать свои пожелания правительству» относительно осуществления требований женщин. Они ехали делегатками от своих односельчанок.

Борьба за освобождение женщин была наиболее тяжелой в Средней Азии. Женщина была там вещью; еще девочкой ее продавали замуж, и с тех пор ее никогда нельзя было увидеть на людях без отвратительной «паранджи» — длинного черного покрывала, сплетенного из конского волоса, которое закрывало все лицо, затрудняло дыхание и мешало видеть. Согласно традиции, муж имел право убить жену, если ее видели без паранджи. Муллы — мусульманские священники — поддерживали этот обычай. Русские женщины пришли сюда с первым призывом к свободе. Они создали детские консультации, где женщины не прятали друг от друга лица под паранджой. Здесь обсуждались права женщин, говорилось о вреде ношения паранджи. Коммунистическая партия требовала от своих членов, чтобы они запрещали своим женам носить паранджу.

Когда я в 1928 году впервые посетила Ташкент, проходившая там конференция женщин-коммунисток провозгласила: «Членов нашей организации в отсталых селеньях насилуют, избивают и убивают. Но в этом году мы должны покончить с гнусной паранджой. Этот год должен стать историческим». Потрясающие случаи послужили фактическим обоснованием для этого пункта революции. Одна ташкентская школьница посвятила свои каникулы агитации за права женщин в своем родном селении. Ее разрубленное на части тело было прислано в школу с запиской: «Вот вам ваши права женщин». Другая женщина, отказав баю, вышла замуж за крестьянина-коммуниста. Тогда банда из 18 человек, натравленная баем, изнасиловала ее, когда она была на восьмом месяце беременности, и бросили ее тело в реку.

Женщины сочиняли песни, в которых рассказывали о своей борьбе. Когда Зульфия Хан, борец за свободу, была заживо сожжена муллами, женщины из ее селения оплакали ее в такой песне:

О женщина, мир не забудет твоей борьбы за свободу!

Тот огонь — пусть не думают, что он поглотил тебя.

Пламя, в котором ты сгорела, освещает нам путь.

Цитаделью религиозного гнета была «святая Бухара». И именно здесь организовали торжественную церемонию снятия паранджи. Заранее было объявлено, что 8 марта, в Международный женский день, произойдет «нечто замечательное». В этот день во многих районах города состоялись массовые женские

митинги, на которых ораторы-женщины призывали всех женщин «немедленно снять паранджу». Женщины подходили к трибунам, срывали паранджу перед ораторами и направлялись затем демонстрировать по улицам. Всюду были сооружены трибуны, с которых члены правительства приветствовали демонстрантов. Другие женщины выходили из домов и присоединялись к демонстрации, бросая паранджи к подножию трибун. Эта демонстрация подорвала в «святой Бухаре» обычай ношения паранджи. Многие женщины, конечно, потом снова надевали паранджу, страшась гнева своих мужей. Но с тех пор женщин в парандже становилось все меньше и меньше.

Советская власть использовала многие средства, чтобы раскрепостить женщин. Образование, пропаганда, законодательство — все было пущено в ход. Над мужьями — убийцами своих жен устраивались показательные публичные процессы. Тем судьям, которые выносили смертный приговор за то, что, согласно старым обычаям, не считалось преступлением, оказывали общественную поддержку. Самым важным средством раскрепощения женщин было, естественно, создание новой промышленности.

Я побывала на новой шелкоткацкой фабрике в Старой Бухаре. Директор фабрики, бледный, худой человек, работавший день и ночь ради создания новой промышленности, сказал мне, что как предполагается, фабрика в течение длительного времени будет нерентабельной. «Мы обучаем деревенских женщин для работы на будущих шелкоткацких фабриках Туркестана. Наша фабрика — это одно из средств, сознательно используемых в борьбе против паранджи: мы требуем, чтобы женщины не носили паранджи на фабрике».

Юные текстильщицы сложили песню о новой жизни, наступившей после того, как они сменили паранджу на русскую косынку:

Когда я пошла на фабрику,
Я нашла там новую косынку,
Красную косынку, шелковую косынку.
Я заработала ее трудом своих собственных рук!
Все шумы фабрики — во мне.
Они дают мне ритм.
Они дают мне энергию.

Едва ли можно, прочитав эти строки, не вспомнить по контрасту «Песню о рубашке» Томаса Гуда, в которой отражена жизнь работниц на первых фабриках Англии:

Рука устала и стерты пальцы,
И веки глаз опухли
У женщины в лохмотьях жалких.
В ее руках иголка пляшет:
Стежок, стежок, стежок,
Вся жизнь лишь грязь, и нищета, и голод.
И все ж печальным голосом
Она поет песнь о рубашке.

В капиталистической Англии фабрика была орудием эксплуатации ради наживы. В СССР она стала не только средством приумножения общего богатства, но и орудием, которое сознательно использовалось для того, чтобы разбить оковы прошлого.

Каждый год в Советском Союзе появлялась новая плеяда героев. Обычно это были те, кто достиг рекордной производительности труда. В 1935 году чаще других повторялись два имени: Стаханов и Демченко. Стаханов

был шахтером, разработавшим новый, усовершенствованный способ добычи угля. Его именем назвали все движение за повышение производительности труда. Мария Демченко, колхозница-свекловод, изучив в хате-лаборатории разные сорта сахарной свеклы, весной 1935 года призвала всех свекловодов: «Засыпем страну сахаром! Моя бригада обязуется снять по 20 тонн сахарной свеклы с акра».

Сотни колхозов приняли вызов. Тысячи людей приезжали посмотреть, как работает бригада Марии Демченко, миллионы читателей следили за ее упорной борьбой: девять раз пришлось окапывать свеклу и восемь раз очищать от вредителей — ночью, при свете факелов. Вся страна волновалась, когда в августе не было дождей, и радовалась, когда Мария Демченко заставила пожарную команду вылить 20 тысяч ведер воды на участок своей бригады. Она получила 21 тонну сахарной свеклы с акра, вызвав всеобщее восхищение народа. Через год или два рекорд был перекрыт, но слава ее не померкла.

Конец ее истории очень характерен. Бригаду Марии пригласили в Москву на Ноябрьский праздник. Она и члены ее бригады стояли на трибуне мавзолея рядом с вождями. В порыве откровенности Мария призналась Сталину, как она мечтала «увидеть вождей». «Но теперь вы сами вожди», — ответил Сталин. Подумав, Мария согласилась с ним. Сталин спросил, какой награды она хочет. Мария хотела учиться, чтобы изучить лучшие способы выращивания сахарной свеклы. И она стала учиться. Так представляли себе люди в 1935 году, что такое вознаграждение, и что значит быть вождем.

Много было написано статей о том, какие люди будут при социализме. Когда группа туркменских колхозников совершила поразительный пробег в 2690 миль через пустыню в Москву, и Сталин приветствовал их «целеустремленность, настойчивость... и силу воли», газета «Правда» опубликовала редакционную статью о советском идеале человека. В статье говорилось, что характеру советского человека чуждо то беспрекословное повиновение, к которому незадолго перед тем Гитлер призвал германскую молодежь. «Сильная и своеобразная индивидуальность — вот качества советского гражданина», — писала газета. «Не покорность и слепая вера, а сознательность, смелость, решительность. Сильная личность, неразрывно связанная с крепким трудовым коллективом». «Когда миллионы людей ясно осознают свою цель..., возникает замечательная сознательная дисциплина». Это был продуманно очерченный идеал, отрицающий идеал нацистов.

Во второй половине 1935 года стахановское движение всколыхнуло всю страну. Одновременно на сотнях разных предприятий рабочие, овладевая новой техникой, начали ломать старые нормы производства часто вопреки равнодушию или даже противодействию со стороны администрации, но вызывая напряженное внимание своих товарищей-рабочих. Во всех странах мира следили за этим движением, называя его «потогонной системой». Но это было нечто иное; это был штурм пределов производительности труда, достигнутых в мире. Некоторые шахтеры Донбасса в два раза превысили производительность труда углекопов Рура. Некоторые кузнецы Горьковского автомобильного завода сломали нормы, введенные Фордом. Ряд рабочих в обувной промышленности Ленинграда на 50 процентов превысили рекордную производительность, достигнутую на фабриках Батя в Чехословакии.

Сотни американских специалистов, которые пять лет тому назад старались «обучить русских», ворчали: «Почему же они не могли выполнить этого тогда, когда мы им показывали?» Вполне понятно, почему Советский Союз оснастил тогда свою промышленность новой техникой и привлек 11 миллионов новичков-рабочих, чтобы использовать эту технику. Новички ломали машины, но учились. Они не могли воспринять все только со слов; новые знания должны были впитаться в их плоть и кровь. Но, учась, они приобретали нечто большее, чем просто техническую сноровку американцев. К производственным навыкам прибавилась еще гордость хозяина — хозяина современной техники.

Те, кто присутствовал на Всесоюзном съезде рабочих-стахановцев (все в Москве стремились попасть на него), рассказывали о том, как бурно приветствовали там передовиков производства. Печать образно писала о «приручении дикого коня науки», о «прокладке пути к коммунизму, при котором _каждый_ будет получать по потребностям». В ходе обсуждения проявлялись новые характерные черты людей: радость творчества, гордость

овладения сложными производственными процессами, сознательное стремление работать в коллективе, жажда знаний.

На съезде Стаханов рассказал, какими мыслями он руководствовался, устанавливая свой рекорд. «Приближался Международный юношеский день. Мне хотелось отметить его рекордом. Мы с товарищами уже давно обдумывали, как сломать оковы старых норм, развязать руки шахтерам, заставить буры работать в течение всей смены». Бусыгин, кузнец, заявил: «Ни о чем я так не мечтал, как об учебе. Я хочу знать, как производятся молоты, хочу сам уметь изготавливать их». Славинкова хотела «победить рекорд» на машине, которую она изучила, но на которой она раньше не работала. Мастер запретил ей это. Она возразила ему: «Я парашютистка. Эта норма не пугает меня. Я перекрою ее». И она сделала это.

Васильев, кузнец, который установил рекорд по ковке шатунов, мог выразить свои чувства лишь с помощью таких слов, как «кипение» и «взрыв». Когда в 1934 году его рекорд был побит, он «вскипел» и вернулся на работу за четыре дня до окончания отпуска. «Я побил рекорд Андрианова, но затем прочитал в газете, что один кузнец в Харькове выковал более тысячи шатунов. Тогда меня взорвало. Я выковал 945 шатунов за смену... Мы в бригаде обсудили, как лучше организовать наше рабочее место. И тогда мы выковали 1036 шатунов за смену. Мы посоветовались с мастером и предложили ему переконструировать печь. Он предоставил нам печь, позволяющую раскалить 1500 заготовок за смену. Что же еще мешало нам? Все обдумав, мы поместили заготовки таким образом, чтобы легче было брать их. 27 октября я установил всесоюзный рекорд, дав 1101 шатун за смену. Товарищи, я пока не выжал из своего молота все, что он может дать, но я еще выжму».

Стахановцы относились с презрением к сверхурочной работе, считая ее признаком низкой производительности. Они утверждали, что должен быть найден такой ритм, который бы не приводил к физическому переутомлению. «Если вы работаете правильно, то чувствуете себя лучше и крепче». Они с увлечением передавали свой опыт работы другим рабочим. Машинист паровоза Омельянов, установив рекорд, потребовал к себе в ученики «самого отсталого машиниста» и воспитал из него также творца рекордов. Запросы этих людей двигали вперед технический прогресс. Один инженер рассказывал мне: «Я просиживаю ночи, обдумывая организацию труда, чтобы не отстать от них».

«Лет через десять, — сказал мне один стахановец, — сельское хозяйство и промышленность перестанут быть нашими основными занятиями. Мы будем производить все необходимое. Но у нас будут другие занятия. Развитие человеческих способностей, исследования, наука — все это не имеет пределов». Он понимал, что ни человеческая природа, ни внешние факторы не могут служить препятствием прогрессу человечества.

В особенности молодежь не знала удержку. Школа помогала детям рано проявить свои способности. Поездки в пионерские лагеря и на экскурсии расширяли кругозор и помогали при выборе профессии. Выступления в печати также способствовали проявлению их способностей. Одна из газет, «Пионерская правда», почти целиком составлялась из материалов, написанных детьми. В Тбилиси дети железнодорожников построили в парке культуры и отдыха железную дорогу длиной в полмили, и сами обслуживали ее, по этой дороге перевозились пассажиры, с них взималась плата, а деньги использовались для расширения дороги. В большинстве областей «взрослой» деятельности находилось место и для детей. Во время «войны с засухой», которая велась в 1934 году, дети организовали отряды для сбора колосьев после жатвы. Ребята шли вслед за жатками, соревнуясь друг с другом, чтобы собрать больше колосьев. В северных районах страны ребята гордо рассказывали мне, что они собрали тонны птичьего помета и золы для удобрения истощенных земель.

Во время поездки в Мурманск в 1934 году я встретила с двадцатью юными «полярниками» не старше 16 лет, направлявшимися в арктические районы. Их интерес к географии, к полярным путешествиям и жизни народов Севера помог им добиться осуществления этой организованной поездки. Они должны были встретиться со взрослыми полярниками, которые, наверное, радушно приняли их у себя как возможных будущих коллег. Тем же летом десять лучших учеников по ботанике приняли участие в экспедиции на Алтай, где они пешком преодолели путь в 1200 миль и нашли 27 новых разновидностей черной смородины, а также один вид

морозоустойчивого лука. Двое из этих «юных ботаников» были избраны в качестве делегатов и посланы с этими растениями к старейшему селекционеру Мичурину.

Чувства, которыми была охвачена в то время советская молодежь, проявились, например, в двух следующих эпизодах. Анна Млыник, выступавшая от имени первых выпускников, окончивших в июне 1935 года десятилетку в Москве, сказала в своей прощальной речи: «Хорошо жить в такой стране, в такую эпоху. Мы, юные хозяева своей страны, призваны подчинить пространство и время». Некоторая экстравагантность допустима в прощальной речи. Но молодые люди в прошлом, будь то поданные королей или граждане демократических государств, никогда до победы социализма не осмеливались называть себя «хозяевами» страны, в которой они жили. В том же году Нина Каменева совершила прыжок с парашютом из стратосферы, с высоты в два с половиной раза большей, чем та, с которой прыгнула прежняя рекордсменка Ранье, и установила мировой рекорд. Приземлившись, она произнесла слова, которые сразу стали лозунгом советской молодежи: «Небо нашей Родины — самое высокое в мире».

Но случилось так, что в то время, когда они радостно хвалились своим счастьем, убийство Сергея Кирова положило начало цепи расследований, в результате которых победный дух 1935 года, когда казалось, что Утопия вот-вот станет реальностью, сменился «великим безумием» 1937 года.

Одно из достижений тех радостных дней останется в истории: в те годы была принята новая Советская Конституция.

СССР всегда провозглашал себя демократической страной. Запад всегда опровергал это. Я не имею возможности подробно остановиться на анализе советской политической и избирательной системы. Но что бы ни думали американцы о выборах в СССР, советские люди принимают участие в голосовании по крайней мере с тем же энтузиазмом и теми надеждами, что и мы. Они не только голосуют за кандидатов, они выражают свои требования в виде «наказов», «пожеланий народа», которые становятся первым руководством к действию для нового правительства.

Во время предвыборной кампании 1934 года мой муж в течение месяца был агитатором и каждый вечер посещал всех избирателей своего участка, призывая их не только принять участие в выборах, но и составить перечень мероприятий, которые, по их мнению, следовало бы осуществить правительству. Он рассказывал мне об одной старой женщине, которая никогда прежде не участвовала в выборах. «Какая от меня польза Советской власти?» — говорила она. Но и она вняла советам агитатора. Взглянув на белье, повешенное в кухне для просушки, она решила посоветовать правительству открыть больше общественных прачечных. И ее пожелание было в конце концов выполнено, как и другие требования избирателей. Московский городской Совет получил в том году 48 тысяч «заказов» и в течение трех месяцев должен был доложить о мерах по их осуществлению. Конечно, многие из требований, содержащихся в наказах, повторяли друг друга, другие были переданы на рассмотрение центрального правительства, но значительное число требований было заново обсуждено с избирателями. Эти требования могут быть осуществлены, заявил городской Совет, если люди, выдвинувшие их, добровольно примут участие в их осуществлении. О «советской демократии» можно было судить не только по числу избирателей, принимавших участие в голосовании (в 1926 году в голосовании принял участие 51 процент избирателей, а в 1934 году — 85 процентов), но и по числу добровольных помощников, которых депутат мог сплотить вокруг себя, чтобы облегчить выполнение государственных задач. Например, большая работа в налоговой и жилищной комиссиях Советов выполнялась активистами. Все это создавало определенную атмосферу, о которой писал в конце тридцатых годов Говард Смит. Вот что он рассказывал о своем посещении Москвы: «У нас складывалось впечатление, что каждый человек, даже самый незначительный, чувствовал себя очень нужным, выполняя важное дело построения государства... В этой атмосфере мне вспоминалось одно слово..., это слово было «демократия».

Со времени принятия Конституции 1922 года произошли, однако, огромные изменения. Основные богатства страны стали общественной собственностью, народ уже не был неграмотным. Косвенное, неравное голосование по месту работы теперь уже не годилось. Люди повсюду знали своих народных героев и могли прямо голосовать за них. 6 февраля 1935 года Съезд Советов постановил, что Конституция должна быть изменена и приведена в соответствие с изменившимися условиями жизни народа. Была создана комиссия в составе 31 человека под председательством Сталина. В комиссию вошли историки, экономисты и социологи. Ей было поручено подготовить проект новой Конституции, которая бы в большей мере выражала волю народа и больше соответствовала бы социалистическому государству.

В высшей степени примечателен метод, с помощью которого разрабатывался проект Конституции. В течение года комиссия изучила все исторические формы объединения людей (как государства, так и добровольные общества), служившие достижению общих целей. Затем составленный проект был предварительно одобрен правительством в июне 1936 года и представлен на рассмотрение народа, будучи размножен в количестве 60 миллионов экземпляров. Он был обсужден на 527 тысячах собраний, в которых принимало участие 36 миллионов человек. В течение ряда месяцев все газеты были заполнены письмами трудящихся. Было выдвинуто около 154 тысяч поправок. Многие поправки, конечно, повторялись, многие скорее относились к своду законов, чем к Конституции. Но 43 поправки, внесенные народом, были действительно приняты.

В декабре 1936 года 2016 делегатов собрались в огромном зале Кремлевского дворца на Съезд Советов, созданный для принятия Конституции. Это был съезд «новых людей», добившихся выдающегося положения благодаря своей успешной работе в промышленности, сельском хозяйстве, науке. Крестьяне, представленные на съезд, обозначались теперь не общим названием «земледельцы», а как специалисты, трактористы, комбайнеры. Большинство из них добились рекордных показателей. На съезд прибыли директора промышленных предприятий, знаменитые артисты и врачи; президент Академии наук. Таковы были люди, которые представляли советский народ в конце второй пятилетки.

Конституция отразила сдвиги, происшедшие в стране. Первые статьи Конституции касались формы государства и основных типов собственности. Земля, природные ресурсы, промышленность были «государственной собственностью», то есть «всемирным достоянием». Кооперативная собственность колхозов и «личная собственность» граждан на их доходы, дома и движимое имущество «охранялись законом». Выборы должны были быть всеобщими, равными и прямыми, при тайном голосовании, для всех граждан, достигших восемнадцати лет.

Раздел о «правах и обязанностях граждан», статья за статьей был одобрен под несомкцаемые аплодисменты. Это был самый широкий перечень прав из всех, когда-либо гарантированных какому-либо народу. Все жизненные права охватывались четырьмя положениями: право на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Гражданские свободы были определены в шести параграфах, которые охватывали свободу совести, свободу выбора работы, свободу слова и печати, свободу собраний, митингов и демонстраций, право объединения в общественные организации, неприкосновенность личности и жилища, тайну переписки, — все это «независимо от расовой или национальной принадлежности» граждан.

Эта Конституция была прямым вызовом нацистскому фашизму, бывшему тогда у власти в Германии. Нацисты объявили демократию устаревшей. Все советские ораторы прославляли демократию и социализм, утверждая, что они «непобедимы». Гитлер проповедовал разделение человечества на «высшие и низшие расы». Сталин бросил ему вызов, выступив с одним из самых радикальных заявлений, сделанных когда либо по вопросу равенства людей: «... разница в цвете кожи или в языке, культурном уровне или уровне государственного

развития, равно как другая какая-либо разница между нациями и расами — не может служить основанием для того, чтобы оправдать национальное неравноправие»¹².

Десятки миллионов советских людей под звуки музыки вышли в эту зимнюю пору на улицы городов и деревень, чтобы приветствовать принятую Конституцию. Все прогрессивные силы в мире приветствовали ее. «Это величайшее достижение человечества», — заявила в далеком Китае супруга Сунь Ятсена. Ромен Роллан откликнулся с берегов безмятежного Женевского озера: «Это вдохнуло жизнь в великие принципы, которые до сегодняшнего дня были лишь мечтой человечества, — принципы свободы, равенства, братства».

И эта Конституция была нарушена уже в то время, когда она еще писалась. Это не редкость: вряд ли найдется страна, в которой бы пунктуально соблюдалась конституция. Но Конституция СССР была нарушена ее автором — Сталиным, который, несомненно, очень гордился своей «демократической Конституцией», но вместе с тем проявил странную двойственность. Ибо, если народ, правительственные учреждения и обычные суды с гордостью соблюдали основной закон СССР — Конституцию, то политическая полиция совершенно не принимала ее во внимание. Этот орган, для которого в 1922 году Сталин добился централизованной власти, стал государством в государстве. Он не подчинялся ни Конституции, ни каким-либо другим законам СССР. Отсюда и возникли мрачные события последующих лет.

V. Великое безумие

Я не думаю, чтобы кто-нибудь знал полностью всю историю тех эксцессов, которые происходили в СССР в 1936-38 годах, или мог бы безошибочно установить, кто же несет ответственность за допущение этих эксцессов. Бесчисленное количество людей — несомненно, много десятков тысяч — было арестовано без предупреждения и сослано без суда в концентрационные лагеря на Север и Дальний Восток. Тысячи людей были казнены и об их судьбе не было сообщено даже их друзьям. После смерти Сталина в СССР начали пересматривать эти дела. В феврале 1956 года на XX съезде партии Хрущев, критикуя Сталина, заявил, что за последние два года были «реабилитированы» 7679 человек. Большинство из них уже не было в живых. Самый ужасающий из сообщенных фактов заключался в том, что из 131 членов Центрального Комитета партии, избранных в 1934 году на так называемом «съезде победителей», 98 человек, т.е. 70 процентов, были арестованы и расстреляны главным образом в 1937-1938 годах.

Антисоветская пресса очень легко нашла этому объяснение: она заявила, что социализм по природе своей, «тоталитарен и бесчеловечен». Кто наблюдал инициативу советского народа, проявленную им в недавнем прошлом, кто знает его горячее стремление к тому, что он называет своей «свободой», тот не может согласиться с этим взглядом. Хрущев и другие дают почти такое же простое объяснение: повинны Сталин и «культ личности». Конечно, Сталин несет ответственность за все происшедшее, но констатация его вины еще не есть окончательный ответ. Ведь Сталин действовал посредством приводных ремней; меры, которые были предприняты в феврале 1937-года, были одобрены Пленумом Центрального Комитета партии. В осуществление этих мероприятий была вовлечена вся государственная система. Более того, сам Хрущев заявил, что Сталин, совершая все эти действия, «считал, что они должны быть предприняты в интересах... трудящихся масс, для защиты завоеваний революции». Когда-нибудь, я думаю, изучив судебные решения и проанализировав историю, советские люди дадут настоящую оценку всему случившемуся. А пока я рассматриваю все это как «великое безумие» и стараюсь по отдельным намекам представить себе, как именно все это произошло.

¹² И.В.Сталин, Вопросы ленинизма, изд. II, М. 1946, с. 516 - прим ред.

Правительствам всех стран приходится сталкиваться с проблемой «подрывных действий» вражеских агентов или недовольных граждан. И редко борьба с ними ведется только в нормальных рамках закона. Часто, как это мы видим и на примере своей собственной страны, эта борьба приводит к «хоте за ведьмами» и взаимной слежке. Эта неуравновешенность, несомненно, объясняется тем, что политические преступники не являются обычными уголовниками, чью вину и меру наказания можно точно определить. Это люди, которые служат чуждым интересам и не выполняют требований, предъявляемых государством. Прочный и уверенный в своих силах режим не слишком их опасается, ибо они представляют собой небольшое меньшинство. Но во времена войны или в периоды, когда данный режим находится под угрозой, эти люди представляют гораздо большую опасность, чем обычные преступники.

В конце тридцатых годов вся Европа была охвачена беспокойством. Война в Испании породила новый термин: «пятая колонна». Так называли сообщников Франко, которые способствовали падению республиканского Мадрида, действуя изнутри. Позднее гитлеровская пятая колонна так глубоко проникла в правительство многих европейских государств, что они развалились при первом ударе немецких войск. В широком смысле слова к пятой колонне принадлежали такие люди, как премьер-министр Чемберлен и премьер Деладе, которые ослабили оборонительные позиции своих стран, содействуя поражению демократического режима в Испании, а в последствии отдав в руки Гитлера пограничные укрепления Чехословакии с тем, чтобы повернуть его армии на Восток. К пятой колонне принадлежали и те американские промышленники, которые продавали металлический лом Японии, усиливая ее позиции в борьбе с США. Никто из этих людей не считал себя предателем — ни Квислинг, ни Лавель, ни все те, кто, так или иначе оправдывая себя, принимал участие в марионеточных правительствах, состоящих на службе у оккупантов. С точки зрения национализма XIX века они были предателями своих стран. С точки зрения зрения современной прогрессивной идеологии они были предателями всего человечества. Но если бы победил Гитлер, то их деятельность оценили бы иначе. Историю пишут победители.

Исходя из таких предпосылок, можно судить и о событиях в России. СССР еще в первые годы своего существования подвергся нападению многих иностранных армий, призванных представителями бывших правящих кругов России. Интервентов изгнали лишь в результате тяжелой войны. Но нажим и угрозы со стороны капиталистических государств не прекращались. При этом использовалась любая группа недовольных внутри СССР. В начале первой пятилетки разразилась «эпидемия вредительства» со стороны крупного инженерно-технического персонала. Многие инженеры были связаны с бывшими иностранными владельцами ныне национализированных промышленных предприятий. Посмотрим, что представляло собой это вредительство. Любопытный американец, который в те годы работал в советской промышленности, может привести соответствующие примеры.

Простейшей формой вредительства было взятничество. Так, представителю одной фирмы из Цинциннати, поставившей машины для советской промышленности, было заявлено, что эти машины не годятся. Ему пришлось преодолеть длительную официальную волокиту только для того, чтобы выехать из Москвы в Самару и самому побывать на фабрике, где машины «отказались работать». Когда он прибыл на место, он вынужден был, чтобы проникнуть на фабрику, прибегнуть к помощи политической полиции. Насмерть перепуганный управляющий признал, что американские машины даже еще не испытывались и стояли нераспакованными. Управляющий, подкупленный германской фирмой, послал отрицательный отзыв о машинах и договорился с одним московским чиновником, что тот не допустит приезда американца в Самару. Американец, сообщивший мне эту историю, был не слишком возмущен и только смеялся, рассказывая, как он разоблачил «ловкую проделку». Для русских же, дорогой ценой осуществляющих индустриализацию страны, такие поступки были равносильны преступлению.

Лично я впервые столкнулась с происками иностранных агентов в 1930 году, во время посещения первой тракторной станции под Одессой. В поезде по дороге в Одессу я была дважды допрошена представителями ГПУ. Когда я убедилась их, что я американская писательница, они оставили меня в покое. «Что это ГПУ так беспокоится? — спросила я у проводника. — Не потому ли, что дорога проходит вблизи румынской границы?»

«У них вызвало подозрение ваше немецкое кожаное пальто, — ответил он. — Они решили, что вы можете быть одним из тех агентов, которые будоражат меннингитов». Позже я узнала от местных крестьян, что

деятельность немецких агентов в немалой степени способствовала неожиданному решению большого числа крестьян-меннингитов, немцев по происхождению, убежать из этой безбожной страны». Целыми деревнями они распродавали или бросали дома и скот и отправлялись в Москву, требуя выдачи заграничных паспортов. В результате была сорвана уборка урожая некоторых крайне дефицитных культур.

Многие американцы рассказывали мне о вредительстве, с которыми они сталкивались в советской промышленности. Так, один из них был инспектором на автомобильном заводе. Однажды следователь из ГПУ вызвал его и, показав ему металлические детали, спросил, не знает ли он, каково их назначение.

«Знаю, конечно, — ответил американец. — Это части тяжелого пулемета». Он был поражен, когда следователь сообщил ему, что эти детали были изготовлены в его цехе в ночную смену. Как оказалось, в преступлении были повинны мастер и один из техников. Остальные рабочие не знали, что они участвуют в создании тайного запаса оружия для банды предателей.

Другой американец, который расследовал аварии на металлургических заводах, со смехом рассказывал мне: «Я выуживаю вредителей. Правда, я не ищу самих людей. Но вот, например, я открыл как-то коробку передач неисправного механизма, находившуюся под стальной плитой, с которой пришлось повозиться полдня, прежде чем удалось поднять ее с помощью крана. И тогда обнаружилось, что шестерни засорены. В коробке передач оказалось девять ведер земли и стальной стружки. Я показал это директору и сказал: «Это не могло произойти случайно». Директор — славный парень; в металлургии он мало что понимает, но тут его глаза загорелись. Он знал, кого нужно было сцапать».

По мере того как русские овладевали техническими знаниями, масштабы вредительства сокращались: теперь его легче обнаруживали. Инженерно-техническая интеллигенция стала лояльно относиться к Советской власти также и потому, что на нее сильное впечатление произвело успешное осуществление первого пятилетнего плана. В 1931 году Сталин заявил, что инженеры и техники, к которым прежде относились с недоверием, «повернули в сторону Советской власти» и рабочие должны с готовностью сотрудничать с ними. «Эпидемия вредительства», таким образом, была преодолена, хотя более серьезная диверсионная деятельность, организуемая агентами иностранных государств, не была еще ликвидирована. В период 1931-1934 годов суды выносили все более мягкие приговоры по делам вредителей. Экономика успешно развивалась, и немногочисленные вредители не вызвали особых опасений. В те годы вредители, как правило, продолжали работать в заключении по своей специальности на стройках, осуществляющих ГПУ, и, отбыв наказание, возвращались к своей прежней трудовой деятельности, иногда даже с орденом Ленина, полученным за особо успешную работу в заключении.

ГПУ все еще раскрывало заговоры, оправдывая тем самым свое существование, но приговоры становились все мягче. В 1928 году 52 инженера и техника, обвинявшихся по шахтинскому делу во вредительстве на угольных шахтах, были присуждены к смертной казни, и в отношении пятерых из них приговор действительно был приведен в исполнение. Два года спустя на процессе Промпартии по аналогичному обвинению вредителям автоматически вынесли смертный приговор, но он был смягчен «ввиду раскаяния подсудимых». Осужденные вскоре снова получили хорошую работу. Меньшевиков, осужденных в 1931 году за «подготовку крестьянских восстаний по сговору с иностранными державами», приговорили только к тюремному заключению. Было заявлено, что они теперь не столь опасны и нет необходимости их уничтожать.

Эта все возрастающая снисходительность была следствием того, что страна становилась все более уверенной в своих силах. В 1931 году в СССР сильно опасались возможного нападения со стороны Японии. Но эти опасения рассеялись, когда Япония достигла границ Сибири, но не вторглась в пределы СССР. Хотя Гитлер и выступил с притязаниями на Советскую Украину, но в то время мало кто ожидал, что Гитлер сможет долго продержаться. Литвинов успешно вел переговоры о заключении пактов о ненападении с соседними государствами. Казалось, что СССР сможет избавиться от постоянной угрозы войны. На смену первой пятилетке пришла вторая, и возникло то радостное чувство, о котором говорилось в предыдущей главе. После богатого урожая 1933 года советский народ в особенности почувствовал уверенность в своих растущих силах.

Убийство Сергея Кирова 1 декабря 1934 года вдребезги разбило эту иллюзию безопасности. Киров, секретарь Ленинградского областного комитета партии, был близким другом Сталина и его вероятным преемником. Он был убит членом партии, который, предъявив партийный билет, проник в здание областного комитета. Страна была потрясена тем, что коммунист может испытывать такую ненависть к партийному руководителю, чтобы решиться на убийство. Потрясение усилилось, когда оказалось, что сотрудники ГПУ, которые должны были оберегать жизнь Кирова, замешаны в преступлении, и когда в ходе расследования установили, что убийцы Кирова через одно из прибалтийских государств были связаны с иностранной державой — Германией. Следствие тянулось полтора года, и большинство народа стало уже забывать Кирова. Затем неожиданно было объявлено, что в преступлении замешаны крупные партийные работники. Верховный прокурор СССР потребовал суда над членами так называемого «ленинградского центра». Зиновьев, Каменев и другие 16 августа 1936 года предстали перед судом. Их судили и расстреляли. Затем последовали другие процессы общесоюзного и местного масштаба. Напряжение достигло предела, когда 11 июля 1938 года в военном трибунале начался процесс над восемью ведущими генералами Красной Армии. Они были расстреляны по обвинению в государственной измене. Это были, пожалуй, самые сенсационные в истории процессы над государственными преступниками.

Наиболее важные дела слушались в большом зале. На заседаниях присутствовали советские и иностранные корреспонденты, члены дипломатического корпуса, а также множество все время менявшихся представителей от предприятий и государственных учреждений. Я присутствовала на суде и следила за тем, как постепенно вырисовывались контуры всей картины. Зиновьев и Каменев, в прошлом друзья Ленина и выдающиеся теоретики, рассказали суду, публике и всему миру, что, утратив власть в результате возвышения Сталина, они вступили в тайный сговор. Они решили захватить власть, убив нескольких руководящих деятелей партии, в том числе, как предполагалось, и Сталина, действуя через агентов, которые не знали, кто был во главе заговора. Таким образом, если бы агентов поймали, они не могли бы выдать главарей и фигурировали бы как обычные агенты немецкого гестапо. Ни в чем не подозреваемые главные заговорщики призвали бы тогда к «единству партии» для преодоления чрезвычайных обстоятельств. Пользуясь всеобщим смятением, они могли бы захватить руководящие посты. И тогда один из них, Бакаев, назначенный на пост председателя ГПУ, уничтожил бы фактических убийц, ликвидировав тем самым все улики против главарей.

Такова была картина, которая день за днем разворачивалась передо мной на судебных заседаниях. Подсудимые давали показания очень охотно; по ним не видно было, чтобы их подвергали пыткам. Каменев заявил, что к 1932 году стало ясно, что народ одобряет политику Сталина и что последнего нельзя уже было свергнуть политическими средствами. Оставался лишь «индивидуальный террор». «На этот путь, — сказал он, — нас толкнуло безграничное озлобление против руководства и жажда власти, к которой когда-то мы были так близки». Зиновьев заявил на суде, что так привык распоряжаться большими массами людей, что уже не мог жить без такой возможности. Второстепенные агенты дали показания о связях этой группы с гестапо. Один из них, Н.Лурье, заявил, что он действовал «под руководством Франца Вейца, личного представителя Гимmlера». Некоторые из менее видных заговорщиков, по всей вероятности, лишь на суде узнали об участии, которая была уготовлена им главными руководителями заговора. С тем большей злобой нападали они на последних.

«Пусть он не прикидывается таким невинным, — кричал подсудимый Рейнгольд об одном из своих соседей по скамье подсудимых — Каменеве. — Он проложил себе путь к власти по горам трупов».

Можно ли было всему этому верить? Большая часть иностранной печати утверждала, что процесс сфабрикован. Большинство присутствовавших в зале заседании суда, включая и иностранных корреспондентов, считали все правдой. Посол Дэвис говорит в своей книге «Миссия в Москву», что он верит в справедливость обвинений, выдвинутых против подсудимых. Выдающийся юрист и член английского парламента Д.Н. Притт придерживался того же мнения. Эдвард Картер, генеральный секретарь Института тихоокеанских отношений,

писал: «Кремлевское дело... поистине ужасно. Оно производит впечатление... достоверности». Даже Хрущев, подвергший критике крайности того периода, не сказал что какой-либо из этих процессов был инсценирован.

Когда я слушала подсудимых, будучи нередко отделенной от них расстоянием всего лишь в несколько шагов, то мне представлялась вполне понятной эволюция, в результате которой революционные вожди превратились в предателей. Это превращение началось с того, что в период открытой дискуссии 1924-1927 годов они усомнились в способности русского народа построить социализм без посторонней помощи. Их сомнения усилились под впечатлением контраста между русской неорганизованностью, приведшей даже в 1932 году к голоду в стране, и эффективностью немецкой организации, с которой они были знакомы. Легко могла возникнуть мысль, что для России полезна будет немецкая дисциплина, введенная железной рукой. Множество озлобленных людей высказывалось в таком духе¹³. В конце концов в Германии произошла бы революция; они сами могли бы изнутри ускорить ее приход. А пока что им необходимо было избавиться от ненавистного Сталина.

Если признать подлинность этих первых процессов, а это допускали даже искушенные иностранные наблюдатели, то легко представить себе, что возникла ситуация, которая могла вывести народ из равновесия. Мало того, что он был окружен враждебными капиталистическими государствами. Оказалось, что в его собственное революционное руководство глубоко проникли враги, готовившие убийства и государственный переворот. После того, как были осуждены Зиновьев и Каменев, широкий размах приобрели аресты и судебные процессы. Томский, бывший председатель Центрального Совета профессиональных союзов, упомянутый на процессе одним из подсудимых, признал свою вину и покончил с собой, чтобы избежать ареста. Местные процессы начались на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. На Дальнем Востоке глава местных органов ГПУ бежал в Японию, а многие из его подчиненных были арестованы как японские шпионы.

Затем очередь дошла до армии. Ее главный политический комиссар, маршал Гамарник 1 июня 1937 года совершил самоубийство, 11 июля 1938 года маршал Тухачевский, который незадолго до того был назначен заместителем Народного Комиссара обороны, вместе с семью другими высшими командирами предстал перед военным трибуналом. Это был первый большой закрытый процесс. Как было объявлено, подсудимые признали, что они были подкуплены Гитлером, которому они обязались помочь захватить Украину. Им был вынесен смертный приговор. Данные о некоторых фактах, подтверждающих их виновность, были получены из-за границы. По сообщению пражского корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» от 18 июня Дж. Геди, «два представителя высших руководящих кругов в Праге» заявили ему, что они «определенно знают о существовании со времени заключения договора в Рапалло тайных связей между германским генеральным штабом и некоторыми высшими русскими генералами». А позднее я сама слышала от одного чехословацкого официального лица, что чехословацкие военные первые обнаружили и сообщили в Москву о том, что секретные данные, получаемые от Чехословакии русскими в соответствии с договором о взаимопомощи, сообщались Тухачевским верховному командованию германских вооруженных сил.

Но, вероятно, наибольшее потрясение советские граждане испытали тогда, когда под конец в государственной измене был обвинен Ягода, глава ГПУ. Когда его расстреляли как предателя, а многих работников ГПУ осудили по обвинению в «аресте невиновных граждан» и «использовании недопустимых методов допроса», то стало широко распространяться недоверие к следственным органам государства. Кто виновен? Кто кого арестовал?

¹³ Находясь на Кавказе, я услышала однажды, как разгорячившаяся крестьянка пронзительно кричала какому-то должностному лицу: «Пускай придут англичане или немцы. Пусть придет кто угодно и наведет порядок в этой проклятой стране!» Ее не арестовали. Работник, который разговаривал с ней, пытался ее успокоить. Но если бы какой-нибудь интеллигент, городской житель, сказал то же самое, то его могли бы арестовать.

Советских людей охватило чувство неуверенности, сменившее то радостное ощущение прогресса, которое было присуще им до 1934 года. Нельзя сказать, что это чувство возникло у людей только или хотя бы в первую очередь из-за страха за себя или за своих близких. Оно возникло от сознания, что враг проник в самую цитадель руководства; никто не знал, кто же остался верен Советской власти. Впервые целая страна оказалась в смертельных тисках вымуштрованной пятой колонны Гитлера. Народ чувствовал, что идет борьба, от исхода которой зависит его существование. Но борьба велась вслепую. Эта угнетающая особенность борьбы оказала психологическое воздействие на народ, а также, я полагаю, и на Сталина. Он выдвинул теорию, согласно которой чем ближе подходит страна к социализму, тем больше у нее появляется врагов.

Подсудимые на открытых процессах были лишь небольшой частью общего количества жертв. Эти годы, особенно 1937, запомнились всем советским людям как время величайшей подавленности, порожденной многочисленными арестами, которые производились без всяких обоснований, а также подозрительности, которая распространилась во всех кругах общества. Люди исчезали ночью, и их никогда больше не видели. Иногда некоторые появлялись вновь. Георгий Андрейчин дважды ссылался в Сибирь, но оба раза довольно быстро возвращался назад и получал назначение на более высокую должность. Большинство арестованных приговаривались не к смертной казни, а к заключению в концетрационные трудовые лагеря или к выселению в отдаленные районы. Людей охватывал «ужас» не от того, что они знали, а скорее потому, что они ничего не знали о судьбе своих друзей.

Моя ближайшая подруга, с которой мы жили вместе до того, как она вышла замуж и уехала в Ленинград, была осуждена на десять лет. Девять лет спустя я снова встретила ее в Москве и узнала, что с ней произошло. Ее мужа арестовали. Она так никогда и не узнала подробностей предъявленного ему обвинения. Уверенная в его невиновности, она не оставляла в покое органы ГПУ до тех пор, пока сама не была арестована. Ее осудили как «жену врага народа» и сослали, но не в лагерь, а в небольшой город в Казахстане, где она преподавала в средней школе. Раз в месяц она должна была являться к местному сотруднику ГПУ, интеллигентному человеку, с которым она имела «много интересных бесед». Несколько раз он спрашивал ее, что она думает о своем собственном аресте и многих других арестах, о которых она знала.

«Я думаю, — ответила она однажды, — что нацистская пятая колонна проникла в органы ГПУ, захватила там командные посты и арестовала не тех, кого следовало». Ее собеседник заметил: «Многие придерживаются того же мнения». Он не сказал, кто именно думает так, и не был ли он одним из них.

Эта теория может, в частности, объяснить самое ужасное из вскрытых Хрущевым преступлений. Из 1966 делегатов состоявшегося в 1934 году съезда партии 1108 были впоследствии арестованы, а из 134 человек, избранных на этом съезде в Центральный Комитет, 98 человек, или 70 процентов, были не только арестованы, но и расстреляны. Те, кто объясняет все это паранойей Сталина, должны еще доказать: неужели даже параноик будет уничтожать своих самых способных и верных сторонников. На состоявшийся в 1934 году «съезд победителей» собрались как раз те, кто поддерживал линию Сталина и праздновал на этом съезде победу социализма в промышленности и сельском хозяйстве. Жестокое уничтожение этих людей в течение трех лет становится более понятным, если его рассматривать как успешную попытку нацистской пятой колонны расправиться с самыми лучшими и самыми преданными сынами народа.

То, что мне самой известно о ряде подобных случаев, подкрепляет эту точку зрения. Арестовывали, «не тех, кого надо»; казалось, что аресты направлены специально на дезорганизацию работы. В нашей газете «Москоу ньюс» были внезапно арестованы трое сотрудников. Если бы мне потребовалось выбрать из всего штата редакции троих самых полезных и энергичных работников, то я бы остановилась как раз бы на них. Это были члены партии, они постоянно вели напряженную работу — и профессиональную и общественную; если нужно, они всегда готовы были работать по ночам. Однако наш коллектив должен был на общем профсоюзном собрании

«выразить благодарность правительству за устранение вредителей». Я отказалась прийти на собрание. Я даже заявила протест нашему главному редактору.

Он допускал, что эти трое могут оказаться невинными жертвами. «Пусть они обратятся к своим депутатам, — сказал он. — Депутаты Верховного Совета рассматривают множество таких жалоб. Люди, которые не знают за собой вины и добиваются реабилитации, в конце концов вернутся». И в самом деле, всем депутатам приходилось иметь дело с подобными жалобами своих избирателей. Знаменитый актер Качалов, депутат округа, в котором я голосовала, говорил мне, что разбор таких заявлений составил в том году основную часть его депутатской деятельности.

Обратимся теперь к событиям, которые происходили в высших партийных кругах и стали известны в 1956 году из доклада Хрущева, в котором он подверг критике деятельность Сталина. Хрущев тоже отметил, что эксцессы начались «после преступного убийства Сергея Мироновича Кирова», то есть в период 1935-1938 годов. «Как раз в это время, — сказал он, — сложилась практика массовых репрессий против работников государственного аппарата..., сначала против врагов..., а затем против многих честных коммунистов».

Хрущев сообщил, что по инициативе Сталина сразу же после убийства Кирова следственным органам была дана директива ускорить прохождение следствий, вынесение приговоров и приведение их в исполнение. В то время начальником ГПУ был Ягода. Сталин решил, что тот слишком медлителен и телеграфировал 25 сентября 1936 года из Сочи, что наркомом внутренних дел должен быть назначен Ежов, так как Ягода работает неудовлетворительно. Назначение Ежова и представленная им программа действий были одобрены в феврале 1937 года Пленумом Центрального комитета. Число арестов сразу возросло во много раз. Хрущев заявил, что в период между 1936 и 1937 годами количество арестов увеличилось в десять раз. Чтобы добиться признаний, сказал он, применялись пытки. Сталин санкционировал это. А раньше советский народ гордился тем, что в СССР не применялись не только пытки, использовавшиеся нацистами, но даже допрос «третьей степени», который практиковался в Соединенных Штатах.

В 1937 году волна репрессий достигла высшей точки. Внезапно исчез со сцены Ежов; распространились слухи, что его поместили в дом умалишенных. В начале 1938 года было опубликовано новое партийное решение. Безумие начало ослабевать. Еще при жизни Сталина признавалось, что обстановка тех лет носила отпечаток безумия. В середине сороковых годов я как-то спросила одного работника ГПУ, не могут ли быть пересмотрены некоторые судебные дела, относящиеся к периоду 1937 года. «Может быть пересмотрено все, что произошло в 1937 году», — ответил он. Однако тысячи дел были пересмотрены только после смерти Сталина.

Хрущев сделал несколько заявлений по вопросу о виновниках преступной расправы над безвинными людьми в 1937 году. «Мы прямо обвиняем Ежова, как несущего ответственность за извращения, допущенные в 1937 году», — сказал он. Он добавил, однако, что Ежов, составлявший списки лиц, осужденных заранее без всякого судебного разбирательства, передавал эти списки на утверждение Сталину, и едва ли он мог сам вынести приговор некоторым выдающимся деятелям без одобрения Сталина. «Сталин был очень недоверчивый, болезненно подозрительный человек», — сказал Хрущев. Сделанное им точное резюме всего происшедшего в те годы имеет важное значение.

«Используя формулировку Сталина о том, что, чем ближе мы к социализму, тем больше у нас врагов, а также используя принятое по докладу Ежова постановление февральско-мартовского Пленума Центрального Комитета, провокаторы, проникшие в органы государственной безопасности, вместе с бессовестными карьеристами начали осуществлять от имени партии массовый террор». Обрисованная в этих словах картина свидетельствует, что Хрущев отнюдь не изображает все происшедшее в середине тридцатых годов просто-напросто как деспотическую расправу Сталина со своими противниками. Хрущев показал сложную картину, результат взаимодействия многих сил. Сталин несет ответственность за то, что, будучи «недоверчивым и болезненно подозрительным человеком» (не столь уж противоестественные качества для человека, близкий

друг которого был убит и который услышал на открытом процессе, что замышлялось убийство и его самого), он поставил Ежова во главе органов государственной безопасности, приказал ускорить расследования и вынесение приговоров, а также выдвинул теорию об умножении числа врагов по мере приближения победы социализма. Ежов, оказавшийся впоследствии умалишенным, принял энергичные меры. Центральный Комитет, убежденный доводами Сталина и докладами Ежова, также одобрил эти действия. Настоящими же их инициаторами, как отметил Хрущев, были «провокаторы», то есть агенты нацистского фашизма, и «бессовестные карьеристы», то есть люди, которые, преследуя корыстные цели, измышляли, будто существуют какие-то заговоры.

Этот анализ, данный Хрущевым, не отличается существенно от оценки моей арестованной подруги, которая сказала, что нацистская пятая колонна «проникла в органы ГПУ, захватила там командные посты и арестовала не тех, кого следовало». Я назвала события, происшедшие в те годы, «великим безумием» потому, что осуществлявшиеся действия не были нормальными, и хотя в их осуществлении приняло участие множество людей, но они так и не были полностью осознаны. Советские следователи, которые пересматривают эти дела, в конце концов, я думаю, вскроют всю их подоплеку. Ключ к их пониманию они найдут скорее всего в действительном широком проникновении нацистской пятой колонны в органы ГПУ, во многих действительных заговорах, а также в том воздействии, которое эти заговоры оказали на исключительно подозрительного человека. Он видел, что замышлялось его убийство, и верил в то, что спасает революцию, осуществляя жестокую чистку.

Было бы наивно думать, что несправедливые аресты и казни имели место в СССР лишь в эру Сталина, в середине тридцатых годов. Хотя и в меньших масштабах, они имели место с первых дней революции и до последних дней жизни Сталина, когда известные врачи были обвинены в заговорщической деятельности, направленной на подрыв здоровья советских руководителей. Они признали свою вину (по-видимому, под пытками), а в последствии оказались невиновными. Наибольшим злом эры Сталина была неограниченная власть политической полиции. Такого рода политическая полиция — это не изобретение Сталина; она ведет начало от «черной сотни» времен царизма; ее укреплению способствовал «террор» при Ленине. Все настоящие коммунисты считали, что особые органы, стоящие вне обычных рамок закона, необходимы, чтобы защитить интересы революции. Такой террор применялся и во время революций в других странах, в частности в США и во Франции. Однако легче создать политическую полицию, чем ликвидировать ее. Руководители государств считают ее полезной: она держит в узде недовольных. Так Сталин в 1922 году, когда политическая полиция, находившаяся в то время в ведении местных органов власти, была подвергнута критике за плохую работу, решил централизовать ее как орудие контроля. За время моего пребывания в СССР трижды выносились решения о том, чтобы ограничить прерогативы политической полиции и поставить ее под контроль закона, и каждый раз изменялось только наименование этого органа, а его власть на деле оставалась прежней. Такая полиция становилась государством в государстве; она заинтересована в раскрытии «заговоров». Некоторые из этих заговоров действительно существовали. Такая полиция таит в себе еще и другую угрозу: ее система секретных сотрудников в первую очередь может послужить объектом для проникновения вражеских агентов.

Была ли вообще необходима какая-либо политическая полиция? По-видимому, советские люди считали ее необходимой. Мой собственный муж, услышав о высылке моей лучшей подруги, сказал лишь: «Скверно, что муж впутал ее в это дело».

Другие мои друзья придерживались еще более суровых взглядов. Я помню, как один из них утверждал, что если политическая полиция имеет подозрения против ста человек и знает, что лишь один из них опасный преступник, но не может определить, кто именно, то она должна уничтожить их всех, и девяносто девять невиновных должны быть готовы умереть, лишь бы был ликвидирован предатель.

Когда я обратилась к моему главному редактору с протестом против ареста троих наших сотрудников, то он дал мне гораздо более глубокое объяснение причин того, почему советский народ не воспротивился репрессиям.

«Неужели вы не видите главного? Наши ведущие экономисты полагают, что примерно в 1939 году разразится мировой кризис. Он приведет к величайшей борьбе, еще невиданной дотоле человечеством. От исхода этой борьбы будет зависеть, окажется ли мир ввергнутым в темное царство рабства и войны или человечество обретет лучший мир.

Что может служить надежной порукой положительного исхода этой борьбы? Мы, большевики, думаем, что, несмотря на нашу техническую отсталость, возможно, именно на нашу страну ляжет обязанность спасти мировую цивилизацию. Быстро растут силы, грозящие гибелью всему человечеству; половина капиталистического мира повернула назад — к средневековью. В истории уже были случаи, когда гибли цивилизации. Каков наш долг перед лицом надвигающегося кризиса? Мы должны встретить его как можно более сильными, имея как можно больше пшеницы, как можно больше крепких людей и как можно меньше вредителей. И мы добьемся этого. Выполнив два пятилетних плана, мы сможем этого достичь. А те, кто сомневается или мешает, являются предателями не только нашей Советской страны, но и всего человечества».

Как сильно сказано! Я ничего не могла возразить. Эти слова принадлежали Михаилу Бородину, который был арестован в 1949 году, приблизительно в одно время со мной, и погиб в одном из дальневосточных лагерей.

Какие гарантии существуют вообще против нарушений законности? В западных странах ценою тяжелой борьбы было завоевано право на «справедливое судопроизводство», «неприкосновенность личности» и «суд присяжных» — дорого оплаченное и нелегко доставшееся простому народу право, которого никогда не знала Россия. Даже многочисленные права, гарантированные в 1936 году сталинской Конституцией, были в том же году нарушены самим ее автором, который (как это признавал даже его главный критик) думал, что тем самым он спасает революцию. Мне кажется, что русские извлекли из этого тот урок, что никого нельзя обожествлять так, как обожествляли Сталина. Правда, он действовал посредством «приводных ремней», и даже великое безумие 1937 года было санкционировано постановлением Центрального Комитета, причем оно было санкционировано, не встретив возражений со стороны какой-либо мужественной оппозиции; и все те, кто дал свое согласие, разделяют со Сталиным ответственность. В мире нет такой страны, где бы царила непоколебимая или совершенная справедливость. Неусыпная бдительность — вот цена свободы и справедливости не только при капитализме, но еще в большей степени при социализме. Значение доклада Хрущева заключается не только в том, что его следствием явилось ограничение власти политической полиции рамками закона, но также и в том, что он вызвал возмущение среди советских людей. Это активное возмущение проинформированных людей, направленное против нарушений законности, является единственной надежной гарантией соблюдения этой законности.

В период великого безумия советский народ научился быть бдительным. Для русских это было необходимо. Призывы усилить «бдительность народа» заполняли печать. «Не разговаривайте в автобусе о вашей фабрике, ибо вы можете сообщить сведения, которые помогут врагу разузнать расположение и назначение наших предприятий». Люди стали осторожными. Веселые, словоохотливые русские стали молчаливы при встречах с иностранцами. Я помню, как писала однажды для американского журнала статью «Моя советская дочь», в которой рассказывала, как любит моя падчерица тот химический завод, на котором она работает. Муж попросил меня написать вместо «химический завод» — «Электрохимический», с тем чтобы из моей статьи нельзя было узнать о том, что в часе ходьбы от нашего завода находится химический завод.

Два других происшедших со мною случая показывают, как повлияли события того периода на психологию людей. Накануне Первомайской демонстрации я узнала, что группа из нескольких десятков американцев, приехавших на праздник, опечалена тем, что ей не удастся посмотреть демонстрацию на Красной площади, так как на трибунах не было больше мест. Я предложила «Интуристу», чтобы американцы присоединились к колонне сотрудников «Москоу ньюс» и посмотрели бы на Красную площадь, проходя вместе с демонстрантами. Представитель «Интуриста» возразил: «Мы очень вам благодарны, но достаточно ли вы хорошо их знаете, чтобы

гарантировать, что ни у кого из них нет оружия или бомбы?» Это решило дело. Все корреспонденты знали, что во время демонстрации Сталин, ничем не защищенный, стоит на трибуне Мавзолея. Я слышала, что агенты стран Восточной Европы часто приезжают в СССР под видом «американских туристов». И я отказалась поручиться за моих соотечественников, которых я до тех пор никогда не видела.

Одно лето я провела на берегах Москвы-реки, близ небольшого пригорода Филя. Я знала, что где-то поблизости расположен большой завод; я видела в Филях многотысячные толпы рабочих. Спустя годы, вскоре после того, как началась война между Германией и Россией, уже будучи в Нью-Йорке, я прочитала в газете, что знаменитые советские шестимоторные бомбардировщики, которые соперничали с американскими «летающими крепостями», а в некоторых отношениях и превосходили их, производились на заводе в Филях. Если это правда, то я представляю себе, как каждому рабочему в Филях хотелось похвастаться этим передо мной, американкой. Но никто из них не проговорился.

Такая молчаливость не была естественной для русских, и она не была приятной для их друзей. Но в те годы она сыграла свою роль в укреплении обороноспособности страны.

Когда вторая мировая война докатилась, наконец, до СССР, во всем мире было отмечено, что пятая колонна Гитлера, которая способствовала крушению большинства европейских правительств, в Советском Союзе практически отсутствовала. Говард Смит писал по этому поводу: «Если бы русские не уничтожили несколько десятков тысяч чиновников и офицеров, то, несомненно, Красная Армия была бы разбита в течение двух месяцев»¹⁴. Эти рассуждения принадлежат не мне. Сама я не в полной мере согласна с ними. Но я знаю, что советские люди пережили этот период безумия, веря, что они осуществляют отчаянные меры по укреплению обороны, что они в тисках врага, который действует скрыто, и что уничтожение одного предателя может впоследствии спасти тысячи жизней или даже судьбу всей страны. Сознание, что борьба идет вслепую, что враг проник в высшие руководящие посты, вот причина кошмарной обстановки тех лет.

¹⁴ Howard Smith. *The Last Train from Berlin*, p. 325.

VI. Битва за мир проиграна

В начале 1955 года, во время недолгой шумихи, возникшей в связи с тем, что Москва сняла свои обвинения против меня, я часто выступала с интервью по телевидению. Почти каждый раз меня спрашивали, верю ли я, что советский народ и его руководители действительно хотят мира. Мои интервьюеры прекрасно понимали, что этот вопрос жизненно важен для их аудитории и, притом, далеко не ясен ей.

Я всегда отвечала: «Русские хотят мира. Ни один американец не в состоянии даже представить себе, что можно так желать его. Ни один руководитель в СССР не смог бы занимать свою должность, если бы советские люди не верили, что он стоит за мир. Здесь, в Америке, война привела к процветанию, а семей, которые потеряли своих сыновей, не так уж много. В СССР тяжело пострадала каждая семья. Весь народ голодал, многие потеряли дома, и во всех семьях, какие я только знала, погиб кто-нибудь из мужчин. Двадцать пять миллионов людей остались без жилья. Каждый гражданин СССР несет на себе бремя труда, возмещающая эти потери».

Удивительно, что американцы не знают о глубоком стремлении советского народа к миру. Это стремление обнаружилось уже во время Октябрьской революции, которая сама была в какой-то мере порождена усталостью народа от войны. «Мир, земля и хлеб!» — вот ее лозунги. В своем первом официальном декрете, изданном 8 ноября 1917 года, революционное правительство призвало «все воюющие народы и правительство начать... непосредственные переговоры для заключения справедливого и демократического мира, без аннексий и контрибуций». Эта фраза впоследствии стала знаменитой благодаря Вудро Вильсону, который позаимствовал ее у большевиков.

Ни Вильсон, ни англо-американские союзники, ни немцы не пожелали тогда предоставить мир молодой Советской республике. Союзники проклинали большевиков уже за одно то, что они выступили за мир. Союзники требовали, чтобы Россия продолжала войну. Ленин, видевший, что страна не в состоянии больше воевать, вынужден был заключить сепаратный мир с Германией, «грабительский мир», по его выражению. Согласно мирному договору, Германия оккупировала Украину и Прибалтику. Когда Германия потерпела поражение, то союзники-победители вместе с Германией еще более года вели войну против России.

Русские так отчаянно стремились тогда к миру, что Ленин одно время даже готов был пойти на раскол России, лишь бы добиться его. В марте 1919 года в Москву прибыл полуофициальный доверенный представитель президента Вильсона — Уильям Христиан Буллит. Он предложил план, согласно которому территория России должна была быть разделена между всеми местными правительствами, фактически осуществлявшими в то время свой контроль в разных районах страны. При этом имелись в виду японское марионеточное государство на Дальнем Востоке, а также зависимые от Англии и Франции правительства на Украине, в Средней Азии и в районе северных портов. Ленин был согласен даже на такой чудовищный грабеж, ибо русский народ погибал от голода, эпидемий и войны. Но многие марионеточные режимы не согласились с планом Буллита, и державы — участницы Версальской конференции отказались заключить мир с большевиками, стремясь к полному их разгрому.

Ни мирные призывы, ни территориальные уступки не помогли России добиться мира. Он был завоеван благодаря мужеству и жертвам русского народа. Подлинный мир наступил не сразу: сначала прекратились военные действия, затем были заключены торговые соглашения, и, наконец, спустя годы, СССР был официально признан иностранными государствами. Последние вооруженные вторжения были предприняты в 1920 году поляками с помощью Франции и в 1921 году финнами во главе с бароном Маннергеймом, причем финнам помогали и Германия и союзники. Японцев изгнали из Владивостока лишь в октябре 1922 года. Соединенные Штаты признали Советский Союз только в 1933 году, когда президентом был Рузвельт.

В 1922 году в Женеве новое государство впервые приняло участие в международной конференции. Союзные державы, стремившиеся переложить бремя послевоенных экономических трудностей на Германию и Россию, вызвали своих жертв, чтобы вынести им свой приговор. Советы сразу предложили ограничение вооружений. «Усилия, направленные на восстановление мировой экономики, будут подрываться до тех пор, пока Европе и всему миру угрожает новая война», — заявил Георгий Чичерин, глава советской делегации. Призыв к разоружению не встретил поддержки, и тогда Чичерин подписал знаменитый Рапалльский договор с Германией, согласно которому оба бесправных члена Женевской конференции возобновили дружественные отношения «на основе равноправия», причем каждая из сторон отказалась от своих претензий по взаимным долговым обязательствам. Этот простой, благородный и эффективный акт явился первым шагом, предпринятым какой-либо нацией, чтобы помочь Германии встать на ноги. Если бы другие страны также последовали по этому пути в годы, когда Германия стремилась установить у себя демократический режим, то возможно, что гитлеровский режим в Германии никогда бы не появился.

Советская дипломатия вышла на мировую арену, планомерно проводя два курса: за укрепление мира путем ограничения вооружений и против дискриминации в отношении угнетенных наций.

Эти установки определялись как советской идеологией, так и насущными потребностями Советского Союза. Ни к чему он не стремился так сильно, как к миру, который сулил возможность восстановления страны. Наибольшей угрозой миру являлись аппетиты великих держав, поэтому естественными союзниками СССР были побежденные государства и колониальные страны. СССР постарался прежде всего обеспечить мирные отношения с соседними странами. Он стремился далее обеспечить по возможности мир во всем мире, ибо война, где бы она ни возникла, могла широко распространиться.

«Мир неделим», — провозгласил от имени советской дипломатии Максим Литвинов, который появлялся на различных международных конференциях и бесил дипломатов, заявляя, что путь к разоружению есть разоружение.

Советы первыми подписали предложенный Соединенными Штатами пакт Келлога, предусматривающий осуждение войны и отказ от нее. Советский Союз обычно первым, нередко еще до официального приглашения, присоединялся ко всякому предложению, направленному на укрепление мира. Деятельность Литвинова получила одобрение организаций, выступающих за мир, но не оказала серьезного влияния на политику великих держав. Однако правительства многих малых стран воспользовались благоприятными обстоятельствами, создаваемыми усилиями советской дипломатии. Турция существует как современное независимое государство в известной мере благодаря поддержке, которую оказала ей Россия на Лозаннской конференции в 1923 году. Современный Китай — как при Пекинском правительстве, так и в период господства ныне разгромленных сил, укrywшихся на Формозе, — вырос благодаря помощи, которую оказали Советы доктору Сунь Ят-сену в начале двадцатых годов.

Независимость Финляндии — это прямой дар большевистской революции. Когда царизм был свергнут, Финляндия, бывшая тогда частью Российской империи, потребовала независимости. Правительство Керенского отказало ей в этом. Ни Англия, ни Франция, ни США не выступали тогда за предоставление независимости Финляндии, ибо это повлекло бы за собой распад царской империи, их союзника в первой мировой войне. Как только большевики взяли власть в свои руки, Сталин, бывший тогда народным Комиссаром по делам национальностей, предложил удовлетворить требования Финляндии, заявив: «..если народ... требует признания своей независимости, то пролетарское государство... должно пойти навстречу»¹⁵.

Возвышение Гитлера в корне изменило соотношение политических сил в Европе. В течение ряда лет СССР поддерживал требования Германии о пересмотре Версальского договора, считая, что он чреват пагубными последствиями и может спровоцировать войну. Однако политика Гитлера была еще более провокационной, чем политика Версаля. И когда Германия и Япония вышли из лиги Наций, Советский Союз вступил в нее, объявив о своем намерении создать систему коллективной безопасности для защиты против агрессии. С того времени

¹⁵ И.В.Сталин, Соч., т.4, с.22-23 - прим.ред.

Литвинов постоянно стремился создать союз «демократических сил», чтобы противостоять воинственным тенденциям нацистов.

Однако английское правительство во главе с премьер-министром Чемберленом содействовало усилению Гитлера, поспешно разрешая ему все то, чего на протяжении десяти лет безуспешно добивалась Германская республика. Англия допустила ремилитаризацию Рейнской области, плебисцит в Сааре в обстановке нацистского террора, перевооружение Германии, усиление ее военно-морского флота, развязанную Гитлером и Муссолини интервенцию в Испании. Англия, прежде наложившая на Германию непосильные репарации и тем помешавшая развитию в стране демократических сил, теперь оказывала содействие Гитлеру, предоставляя ему займы и поощряя капиталовложения в германскую промышленность. Каждому мыслящему человеку ясно, это благоволение было оказано Гитлеру потому, что английские тори видели в нем «вооруженного гангстера», которого можно было бы послать против Советов. Если и оставались какие-либо сомнения относительно целей внешней политики Англии и Франции, то Мюнхенская конференция рассеяла их. Циничная сделка с Гитлером за счет Чехословакии была козырем Англии и Франции в их игре, направленной на то, чтобы побудить Гитлера начать поход на Восток.

Каждый, кто, подобно мне, наблюдал в те дни за демаршем Англии, понимал, что Чемберлен, твердя об «умиротворении» Гитлера, на деле разжигал его аппетиты. Он предложил отдать чешскую Судетскую область Гитлеру, когда в самой Германии еще никто не осмеливался потребовать этого. Когда казалось, что чехи, по всей вероятности, скорее будут сражаться, чем позволят Гитлеру беспрепятственно захватить их страну, то английский и французский послы в Праге пригрозили президенту Бенешу той самой политикой «невмешательства», которая уже привела в свое время к поражению демократического правительства в Испании. Когда нацистские войска захватили наконец чешские земли, то обнаружилось, что лондонские финансисты несколькими неделями раньше уже заключили с немецкими промышленниками соглашение о финансировании промышленных предприятий на захваченной территории.

Единственным союзником, предложившим Чехословакии помощь в сопротивлении этому предательству, был Советский Союз. Я проводила отпуск на одном из курортов Северного Кавказа, когда из Москвы пришли вести о Мюнхенской конференции. Горячим одобрением было здесь встречено сделанное Чехословакией предупреждение о том, что она будет сопротивляться агрессии. Несколько отдохнувших вместе со мной военных заказали билеты на самолет в Москву. «Может быть, нам придется помочь чехам», — говорили они. Но затем пришло известие, что под нажимом Англии и Франции Бенеш уступил. Заказ на билеты был аннулирован. «Теперь мы ничего не можем поделать, — сказал мне за обедом один из офицеров. — Лучше мы как следует отдохнем, чтобы «быть в форме» ко времени следующей агрессии — против Польши или Франции».

Отдыхающие обсуждали, какие силы привели к этому предательству. Почему Чемберлен и Деладьё с готовностью пожертвовали двадцатью семью чехословацкими дивизиями и одной из лучших оборонительных линий в Европе? Что заставило их уступить Гитлеру один из лучших военных заводов Европы — предприятия Шкода? Было ли все это сознательным предательством или проявление слабости? Директор одного из местных предприятий сказал: «Все это можно выразить в трех словах: они боятся коммунизма».

В дальнейшем гитлеровская агрессия начала быстро распространяться на восток. 15 марта 1939 года германские войска, нагло нарушив соглашение, вступили в беззащитную Прагу. СССР заявил Германии, что он не признает этот захват чешских земель. СССР предложил Англии срочно созвать конференцию с участием Англии, Франции, Польши, Румынии, Турции и СССР для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшей агрессии. Чемберлен заявил, что это предложение «преждевременно». Для Гитлера это послужило сигналом — он захватил Мемель, главный порт Литвы, и грозил захватить Данцинг и отрезать Польшу от Балтийского моря. В середине апреля семь германских дивизий стояли у границ Польши, ожидая приказа о выступлении; провокационные пограничные инциденты все учащались. Дипломатические представители США в Европе информировали государственный департамент о том, что «высшие французские официальные лица оценивают шансы войны и мира как десять против одного»¹⁶.

¹⁶ По сообщению братьев Олсоп.

В Англии и Франции раздавались голоса, требовавшие заключить союз с СССР, чтобы остановить Гитлера. «Единство с СССР может спасти мир», — заявил бывший премьер-министр Англии Ллойд Джордж. «Помощь со стороны России жизненно необходима для демократического государства», — сказал бывший министр авиации Франции Пьер Кот. Опрос, проведенный в апреле Институтом общественного мнения Гэллага, показал, что 92 процента английских избирателей одобряют идею союза с Советами¹⁷. СССР неоднократно предлагал заключить тройственный союз, чтобы гарантировать страны как Восточной, так и Западной Европы против нацистской агрессии. Все эти предложения встречали прием у правительства Чемберлена и после долгих проволочек отвергались. Чемберлен больше стремился достичь соглашения с Гитлером. 3 мая он поразил палату общин, заявив, что готов заключить пакт о ненападении с Германией. Два дня спустя он отверг предложение СССР о заключении военного союза.

Даже консерваторы стали протестовать против действия Чемберлена. Уинстон Черчилль, выступая 7 мая в палате общин, потребовал заключения союза с СССР. Под таким нажимом английскому и французскому послам в Москве 25 мая были даны инструкции «обсудить» вопрос о союзе. Десять жизненно важных недель, прошедших со времени расправы над Чехословакией, были потеряны. Затем еще более важные три недели пропали даром, пока ожидалось прибытие в Москву некоего г-на Стрэнга. Этот представитель, посланный в Москву английским министром иностранных дел, чтобы «вести переговоры», не имел, как выяснилось по его прибытии, полномочий для подписания каких-либо соглашений. «Переговоры» длились 75 дней. Из них 59 дней англичане затратили на подготовку документов, тогда как русским, которых всегда считали медлительными, понадобилось для этого лишь 16 дней. Русские явно торопились; англичане в свою очередь явно тянули. И вдруг Москва узнала, что английский парламентский секретарь по делам внешней торговли ведет переговоры с немецким представителем о предоставлении Германии займа в полмиллиарда или миллиард фунтов стерлингов.

Московским руководителям стало ясно, что Англия либо бесцельно тратит время, либо пытается направить войну на Восток. Они опасались, что на них надвигается угроза войны, причем войны не с одним только Гитлером, а с Гитлером, которого поддерживает Англия и остальной капиталистический мир. Такого рода войны Москва всегда опасалась. Большинство англичан после начала московских переговоров успокоилось, надеясь на то, что будет достигнуто соглашение. Ллойд Джордж оказался более проницательным: «Мир балансирует на краю бездонной пропасти», — сказал он.

Дважды Москва давала понять английскому народу, что переговоры ведутся впустую. Первым таким сигналом была отставка Максима Литвинова, советского министра иностранных дел, последовавшая 3 мая. На протяжении десятилетия он олицетворял собой в глазах всего мира программу обеспечения мира посредством создания системы коллективной безопасности. Эта программа потерпела неудачу — вот что хотела сказать Москва отставкой Литвинова. О провале этой программы свидетельствовали события в Маньчжурии, Абиссинии, Испании, Китае, Албании, Чехословакии, Мемеле — восемь лет неудач, обусловленных тем, что правящие круги западных демократических государств то ли умиротворяли, то ли поощряли агрессоров. Именно об этом говорила отставка Литвинова, однако западная пресса использовала этот факт для тривиального истолкования советской политики, согласно которому Литвинов, якобы, был устранен за некие воображаемые ошибки.

Шесть недель спустя из Москвы последовало второе предупреждение. 29 июня Андрей Жданов, председатель Комиссии по иностранным делам Верховного Совета, заявил в статье, опубликованной в «Правде», что переговоры с Англией и Францией ведутся в пустую, и он не думает, чтобы Англия и Франция хотели заключить союз с СССР и собирались остановить Гитлера. Напротив, переговоры, возможно, используются именно для того, чтобы усыпить бдительность русских, в то время как Гитлер готовится напасть на них. Эта

¹⁷ «Нью-Йорк Геральд Трибюн» от 4 мая 1939 года.

статья вызвала кратковременную сенсацию за границей, однако большинство комментаторов отвергло выводы Жданова как продиктованные, якобы, горячностью.

В конце июля, когда министерства иностранных дел всех европейских государств уже знали, что Гитлер намерен в течение ближайшего месяца захватить Польский коридор, Советы предприняли последнюю попытку. Они предложили Англии и Франции прислать в Москву военные делегации, чтобы на месте разработать план взаимной обороны в Восточной Европе. Назначения этих делегаций пришлось ожидать десять дней, затем они выехали, выбрав самый длинный путь. Когда наконец они прибыли в Москву, оказалось, что они не уполномочены подписывать какие-либо соглашения. Советский министр обороны Климент Ворошилов, который возглавлял советскую военную делегацию, включавшую целую плеяду крупнейших военных деятелей, сделал серьезные предложения англо-французской миссии, которая была неправомочна принять их. Ворошилов предложил двинуть в случае нападения Гитлера на Польшу две советские армии — одну в северном направлении, на Восточную Пруссию, и другую через Южную Польшу против Центральной Германии. Англо-французская миссия ответила, что она должна обсудить этот план с Варшавой; затем она сообщила, что польское правительство отказалось от советской помощи. Англия и Франция, которые со спокойной совестью угрозами вынудили чехов уступить Гитлеру, не приложили никаких усилий, чтобы склонить поляков принять советскую помощь.

На этом переговоры были прекращены. «Легкомысленная игра в переговоры» — так определил Ворошилов на августовской сессии Верховного Совета характер действий англо-французской миссии.

И тогда Советский Союз принял решение. Гитлер предложил заключить пакт о ненападении. Впоследствии в своей декларации о войне против СССР Гитлер признал, что инициатива исходила от него. 23 августа Германия и СССР подписали этот пакт. Это не был договор о союзе, какой СССР предлагал Англии и Франции; пакт означал лишь подтверждение нейтралитета, который существовал в отношениях между СССР и Германией с 1926 года, но утратил силу при Гитлере. Молотов заявил, что СССР подписал пакт потому, что «нельзя было рассчитывать на заключение договора о взаимной помощи» (с Англией и Францией — А. Л.С.).

Заключение этого пакта в момент, когда все европейские страны с часу на час ожидали нападение Гитлера на Польшу, изменило соотношение сил в Европе. Первая реакция восточноевропейских стран была благоприятной. «Напряжение ослабело», — гласили сообщения из Болгарии. В телеграммах из Латвии и Эстонии говорилось: «Поскольку два наших великих соседа... договорились поддерживать мирные отношения друг с другом, напряжение в районе Балтики уменьшилось». Польский министр иностранных дел нашел, что обстановка «не изменилась», так как «Польша не ждала советской помощи и не хотела ее»¹⁸. Восточная Европа явно надеялась, что этот пакт, даже если он не предотвратит нападение Гитлера на Польшу, все же воспрепятствует дальнейшему распространению войны на восток.

Союзники Гитлера возмутились. Муссолини и Франко открыто выразили свое неодобрение. Подписание пакта означало страшный удар для Токио, так как Япония уже вела военные действия против СССР на границах с Монголией и, как сообщалось, заявила Гитлеру, что к августу она могла бы объединиться с Германией для «большого наступления». Японский кабинет пал, резко осудив Германию в связи с подписанием ею мирного пакта с СССР. Однако больше всех были возмущены пособники Гитлера среди английских тори. Впервые они стали требовать крови Гитлера. Однако правительство Чемберлена с трудом отказывалось от своих надежд и привычек. Еще в течение десяти дней, и даже после того, как Гитлер вступил в Польшу, Чемберлен стремился организовать конференцию четырех мюнхенских держав — Англии, Франции, Германии и Италии, — чтобы решить судьбу Польши посредством соглашения с Гитлером. Лишь когда это предложение было отвергнуто, Чемберлен подписал долго откладывающийся договор о союзе с Польшей и настоял на том, чтобы поляки сопротивлялись.

¹⁸ Сообщение „Юнайтед пресс" от 23 августа 1939 года.

Но как могли поляки оказать сопротивление? Англия не прислала помощи. Польские военно-воздушные силы в течение двух дней были выведены из строя, а спустя две недели организованной польской армии уже больше не существовало. Польское правительство бежало куда-то по направлению к Румынии, предоставив героическому мэру Варшавы сплотить для последнего сопротивления отчаявшихся горожан. Единственно, кто мог тогда прийти на помощь полякам, — это Россия. Если бы Польша согласилась принять эту помощь, то вторжение могло бы даже вовсе быть предотвращено. Но помощь была отвергнута польским правительством, которое ненавидело большевиков гораздо сильнее, чем гитлеровцев. В английской консервативной печати все еще упорно высказывались надежды, правда, не на спасение Польши; а на то, что в результате краха Восточной Европы удастся «повернуть войну» против СССР.

В те трагические дни крушения Польши один советский дипломат сказал мне: «Если бы не наш пакт о ненападении, то мы бы подверглись агрессии со стороны блока Германии, Италии, Японии, то есть одновременно со стороны Европы и Азии. Англия и Франция удерживали бы линию Мажино и финансировали Гитлера. Америка была бы арсеналом Японии в ее войне против нас, аналогично тому, как она поступила во время агрессии Японии против Китая. Посредством пакта о ненападении мы вбили клин между Германией и Японией, а также между Гитлером и его английскими пособниками. Время для предотвращения вторжения в Польшу уже упущено. Чемберлен даже не попытался сделать это. Но мы раскололи лагерь мирового фашизма и теперь нам не придется воевать против всего мира».

Итак, упорная битва за обеспечение мира посредством заключения соглашений о коллективной обороне против агрессии оказалась проигранной. Началась вторая мировая война. Но благодаря пакту о ненападении СССР получил передышку почти на два года. Более того, на период войны он вбил клин между Гитлером и его пособниками на Западе.

VII. Пакт, преградивший путь Гитлеру

«Нет больше Варшавы, как столицы польского государства. Никто не знает о местопребывании польского правительства... Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР».

В таких словах В.М. Молотов 17 сентября 1939 года объявил — сначала в ноте польскому послу, а затем по радио всему миру — о том, что Советская Армия вступила в Польшу.

Англичане лучше, чем американцы, оценили значение этого выступления. Американцы еще продолжали называть Сталина «соучастником Гитлера» в циничном разделе Польши, а Уинстон Черчилль заявил 1 октября, выступая по радио: «Советы остановили нацистов в Восточной Польше. Мне бы хотелось только, чтобы они сделали это в качестве наших союзников». Бернард Шоу на страницах «Лондон Таймс» провозгласил «трижды ура» в честь Сталина, который дал Гитлеру «первый отпор». Даже премьер-министр Чемберлен кисло заявил в палате общин: «Красная Армия вынуждена была занять часть Польши, чтобы обеспечить защиту своей страны от Германии». Польское эмигрантское правительство, которое в тот момент пробиралось через Румынию, но через несколько недель прибыло в Лондон, ни разу не отважилось назвать советский поход актом агрессии.

Население восточных районов Польши не только не оказало сопротивление русским войскам, но с радостью приветствовало их. Большинство населения составляли здесь не поляки, а украинцы и белорусы. Посол США Биддл сообщил, что народ воспринял действия русских как «наведение порядка». В официальных донесениях сообщалось о том, что русские войска продвигались плечом к плечу с отступившими польскими частями, что украинские девушки забрасывали цветами русские танки. Начальник польского гарнизона во Львове, который в течение нескольких дней отбивал атаки немцев, наступавших с трех сторон, быстро сдался Советской Армии, когда она появилась с четвертой стороны. Он заявил: «Нет больше польского правительства, которое могло бы издать приказ, а у меня нет приказа драться с большевиками». Некоторое сопротивление советским войскам было оказано, но лишь со стороны мелких отрядов. Об этом свидетельствовали цифры потерь, опубликованные впоследствии командованием Красной Армии: 737 убитых и 1862 раненых. Значительная часть этих потерь имела место при взятии Вильно небольшим моторизованным отрядом, которому было предписано «достичь Вильно к полуночи», покрыв расстояние в 70 миль.

Американская точка зрения, согласно которой Сталин и Гитлер заранее поделили между собой Польшу, не подтверждается обстоятельствами фактического ее раздела. Русско-германские границы трижды изменились, прежде чем были окончательно установлены 28 сентября на специальной конференции. Вряд ли немецкие войска пробивались ко Львову и в течение нескольких дней пытались штурмом взять его лишь для того, чтобы затем уступить этот город Советскому Союзу. Непохоже также, что русские стали бы жертвовать людьми, штурмуя Вильно, если бы заранее было определено, что этот город отойдет к СССР. Весьма вероятно, что Советский Союз сделал определенное заявление о русских интересах в районах Польши, населенных украинцами и белорусами, но советское наступление в том виде, как оно имело место, могло быть и не согласовано заранее с Германией.

В восточноевропейских странах полагали, что Гитлер рассчитывал не только захватить Польшу, но и как можно дальше вторгнуться в юго-восточном направлении — на Балканы, а возможно, и в северно-восточном — в Прибалтику, сделав Львов столицей нацистской Украины. Стратегия немцев подтверждает эту точку зрения, поскольку после прорыва польского фронта немцы, не задерживаясь для захвата всей территории Польши, устремились прямо через всю страну на юго-восток — ко Львову и на северо-восток — к Вильно. Имелись сообщения, что «железная гвардия» в Румынии намечала организовать большой мятеж, чтобы оказать поддержку германским войскам. Об этом свидетельствовали такие факты, как убийство премьера Калинеску во время

продвижения немцев к границам Румынии, а также путч, который действительно произошел в одном из пограничных румынских городов, но провалился, как только выяснилось, что войска, появившиеся на противоположной стороне пограничной реки, — не немецкие, а русские.

«Действия Советов сорвали все планы Гитлера в отношении Румынии», — такова была точка зрения Лондона, согласно сообщению «Нью-Йорк Тайме» от 28 сентября. «Уважение к России в огромной мере возросло. Крестьяне безусловно предпочитают иметь соседями русских, а не немцев», — указывалось в сообщении, переданном Ассошиэйтед Пресс из Восточной Европы 27 сентября.

Таким образом, поход в Восточную Польшу представляется не потворством Гитлеру, а первым серьезным отпором ему, который Советы оказали в условиях действия пакта о ненападении. При этом надо сказать, что момент для похода был выбран с точностью буквально до минуты. Если бы он был начат на полсутки раньше, то могло бы оказаться, что польское правительство находится где-нибудь на территории Польши и достаточно дееспособно, чтобы объявить русское наступление актом агрессии, втянув таким образом Россию в войну с Англией, союзницей Польши. Если бы наступление началось на полсутки позже, то русские могли оказаться перед фактом, что немцы уже проникли в Румынию на юге и в Прибалтику на севере. Красная Армия выступила как раз в тот момент, когда польское правительство бежало в неизвестном направлении, а немцы еще не успели занять стратегически важные города — Львов и Вильно.

После этого Россия смогла воспользоваться передышкой, гарантированной пактом о ненападении, не только для того, чтобы готовиться к обороне, но также для того, чтобы всеми мерами, кроме войны, остановить проникновение немцев в Восточную Европу. Гитлер показал это впоследствии в своей декларации о войне против СССР, со злобой перечислив все действия русских, задержавшие его.

Прежде всего Москва приняла меры, чтобы обеспечить посредством заключения договоров о союзе широкую полосу буферных государств вдоль своих западных границ. Передав Литве Вильню, ее древнюю столицу, 20 лет тому назад захваченную поляками вопреки решению Лиги Наций, СССР создал предпосылки для дружественных переговоров и предложил Литве, Латвии и Эстонии прислать в Москву министров иностранных дел, чтобы обсудить вопрос о союзе. Один за другим министры прибыли в Москву и подписали договор о союзе. К 10 октября 1939 года, то есть менее чем через месяц после похода СССР в Польшу, Советы обеспечили себе военный союз с тремя прибалтийскими государствами, через которые пролегла в прошлом столбовая дорога агрессии против России. Согласно этим договорам, мощная цепь военно-морских баз, основанных Петром Великим, перешла под советский контроль. Большинство американских комментаторов отрицательно оценили этот акт Советского Союза, но Уолтер Липпман отлично понял его суть и отметил: «С каждым днем становится яснее, что Россия создает мощный оборонительный район от Балтики до Черного моря». Сами прибалтийские государства выражали свое возмущение по поводу того, что англо-американская пресса именовала их «вассалами». Они не считали свое положение столь уж скверным. Их внутренняя организация в то время не претерпела изменений. Они просто предоставили СССР базы в обмен на помощь в обороне.

Затем последовало нашумевшее выселение 500 тысяч немцев из прибалтийских государств. Какое злобное негодование испытал при этом Гитлер, свидетельствует его декларация о войне против СССР, в которой он сказал: «Более 500 тысяч мужчин и женщин... были вынуждены покинуть родину... Я не возражал против этого, потому что не мог поступить иначе». Это не были слова самодовольного победителя.

Прибалтийские немцы принадлежали к привилегированному слою населения прибалтийских государств. Некоторые из них на протяжении веков были крупными земельными собственниками. Именно они в период русской революции вызвали немецкие войска, чтобы свергнуть местные красные правительства. В результате их изгнания СССР избавился от наиболее опасного отряда гитлеровской пятой колонны в Европе.

Обезопасив от внезапного нападения свои границы вдоль южного побережья Балтийского моря, Москва начала переговоры с Финляндией, которая удерживала ключевые позиции на подступах к северным границам СССР. Хотя независимость Финляндии была добровольным даром ей от русской революции, однако она было известна как самая враждебная по отношению к СССР страна из всех прибалтийских государств. Демократический режим, существовавший в Финляндии в первое время после получения ею независимости, был потоплен в крови бывшим царским генералом бароном Маннергеймом, которому помогли войска германского кайзера. Финляндия стала базой для антисоветской деятельности международных агрессивных сил. Линия Маннергейма — система укреплений, отлично приспособленная для сосредоточения крупной армии с целью нападения на Ленинград, — была построена под руководством англичан. Затем нацисты построили в Финляндии ряд аэродромов. Финляндия в то время имела 150 самолетов, а аэродромы рассчитаны были на прием 2000 машин. Ясно, что они предназначались для использования какой-либо великой державой.

Москва знала, что Финляндия без энтузиазма отнесется к идее союза. Но Советы могли кое-что предложить Финляндии. Внешняя торговля Финляндии пришла в упадок в результате англо-американской войны, закрывшей выход из Балтийского моря. Оказавшаяся в тисках кризиса, Финляндия хотела торговать с СССР и использовать железную дорогу Ленинград-Мурманск для связи с остальным миром. Но когда Москва предложила 5 октября 1939 года Финляндии прислать полномочного для обсуждения «нерешенных вопросов», то это привело к неожиданным результатам. Прежде чем ответить на советское предложение, финское правительство объявило частичную мобилизацию, послало крупные вооруженные силы на границу, закрыло фондовую биржу, предложило женщинам и детям покинуть столицу Хельсинки и обратилось к Америке за «моральной поддержкой». В советской прессе с иронией и раздражением писали об этой «инспирированной панике».

Финская делегация прибыла в Москву 11 октября. Советы предложили заключить союз, но затем сняли это предложение, поскольку финны отнеслись к нему отрицательно. Тогда СССР выдвинул план обмена территориями, чтобы обезопасить Ленинград. Согласно этому плану, граница должна была быть отодвинута

настолько, чтобы Ленинград оказался вне пределов досягаемости артиллерийского огня. Кроме того, СССР должен был получить несколько мелких островов, прикрывающих морские подступы к Ленинграду. Взамен Финляндии предлагалась в два раза большая территория равного качества, но меньшего стратегического значения. СССР попросил также передать ему в аренду в качестве военно-морской базы сроком на 30 лет остров Ханко или какой-либо другой путь у входа в Финский залив — этот длинный, узкий водный путь, ведущий к Ленинграду. Премьер Финляндии Каядер заявил в речи по радио, что эти условия не затрагивают целостности Финляндии.

Во время переговоров, длившихся в течение месяца, Москва предложила более благоприятные для Финляндии условия. В обмен за часть своей территории Финляндия должна была получить почти в три раза большую территорию. База Ханко сдавалась в аренду Советскому Союзу не на 30 лет, а лишь на время англо-германской войны, а затем должна была быть возвращена с полным оснащением Финляндии. Многие финны гордились «ловкой сделкой», подготавливаемой их дипломатами. И вдруг представители Финляндии прервали переговоры, загадочно заявив, что обстоятельства решат, когда и с кем они должны быть возобновлены. По сообщению «Нью-Йорк Тайме», «в дипломатических кругах Вашингтона» полагали, что на финнов повлияла появившаяся надежда на получение займа у США. Поскольку финский парламент даже не был создан, то Москве стало ясно, что финское правительство действовало под тайным нажимом со стороны тех сил на Западе, которые стремились «перевести войну на другой путь». И вот, когда в конце ноября финская артиллерия обстреляла пограничную территорию СССР, в результате чего было убито несколько красноармейцев, Москва заявила резкий протест, а когда этот протест не был принят Финляндией, советские войска 30 ноября вступили на финскую территорию. Финляндия объявила войну и обратилась за помощью к иностранным государствам. Лига Наций исключила СССР за агрессию из числа своих членов. Из-за советско-финской войны Советский Союз лишился многих друзей. Сами русские отнюдь не гордились этой войной; никто не выражает гордости по поводу превентивной войны, а русские считали эту войну превентивной, необходимой для укрепления обороны Ленинграда.

Чтобы понять советско-финскую войну, мы должны рассматривать ее в свете событий второй мировой войны, частью которой она являлась. В конце 1939 года вторая мировая война еще не была всеобщей. Гитлер укреплял свои позиции в Чехословакии и Польше. Продвижение русских воспрепятствовало осуществлению каких-либо его планов в отношении наступления на Восток. Ни Гитлер, ни западные державы еще не предпринимали серьезных выступлений друг против друга. На западном фронте велась так называемая «странная война»: обе стороны засели в своих укреплениях. Гитлер еще не был готов к решительному наступлению на Запад; чтобы подготовить его, нужно было время. Гитлер осознавал также, что в высших кругах Англии и Франции у него есть друзья, которые могут согласиться на его требования. В прессе Англии, Франции и Америки раздавались авторитетные голоса, утверждающие, что начата «не та война», какую следует вести, и что ее нужно повернуть против СССР как главного врага.

Эта кампания в прессе была вызвана отнюдь не войной в Финляндии. Она началась тогда, когда Гитлер наступал в Польшу, и была продолжением политической линии Чемберлена. Поэтому, когда Финляндия прервала переговоры, Москва решила, что финны намерены в течение зимы поддерживать с помощью провокации напряженное положение на границе, постепенно подготавливая к весне интервенцию более мощных держав. Шведский министр иностранных дел Гюнтер, защищая после войны политику нейтралитета, осуществлявшуюся Швецией, заявил: «Мысль прийти на помощь Финляндии открывала новые перспективы перед союзными державами. Тупик, в который зашла война на Западе, порождал недовольство общественного мнения, и печать Франции призывала найти новые поля сражений».

До конца зимы сообщения о войне на Западе исчезли с первых страниц газет. Внимание всего мира было приковано к войне в Финляндии и попыткам Запада предпринять объединенное наступление против СССР. Задача Москвы состояла в том, чтобы добиться осуществления своих целей до того, как Запад успеет вмешаться.

Во время этой войны русские допустили как военные, так и политические ошибки, однако не столь многочисленные, как полагают американские комментаторы.

Военная кампания прошла четыре фазы. Цель, которая преследовалась на протяжении первой фазы, состояла в том, чтобы отодвинуть границу от Ленинграда и занять северный порт Финляндии, не дав возможности воюющим державам соединиться с финской армией и повернуть мировую войну против СССР. Через две недели эта цель была достигнута: сухопутная граница была отодвинута на сорок миль от Ленинграда и был взят Петсамо, финский северный порт. В течение второго периода военные действия носили относительно пассивный характер из-за сильнейших морозов, державшихся несколько десятков дней. Третья фаза заключалась в бомбардировках с воздуха финских военных объектов — военных заводов, железных дорог, портов, аэродромов. Жертвы среди гражданского населения были немногочисленны. По финским данным, за время всей войны число жертв среди гражданского населения от воздушных бомбардировок составило лишь 640 человек.

Четвертой фазой войны явился прорыв линии Маннергейма, системы укреплений, «в некоторых отношениях более мощной, чем линия Мажино»¹⁹. Хотя эта линия и считалась неприступной, однако она была прорвана в течение месяца в результате осуществления продуманного плана. Впервые в истории линия такой мощности была взята штурмом. Тяжелая артиллерия долбила землю вокруг укреплений до тех пор, пока пушки в дотах не вышли из строя. Затем линия была взята штурмом. После прорыва линии Маннергейма сопротивление Финляндии было сломлено. 12 марта 1940 года в Москве был подписан мирный договор.

Лондон и Париж приложили все силы, чтобы не допустить заключения этого договора. Англия отказалась передать Советскому Союзу просьбу Финляндии вступить в переговоры, и посредником выступила Швеция. Французский премьер-министр Деладьё заявил финнам, что англо-французские морские экспедиционные силы готовы отплыть на помощь Финляндии, и что, если она не обратится за этой помощью, то союзники не гарантируют даже дальнейшего существования Финляндии после войны. Чемберлен и Деладьё оказывали нажим на Швецию, чтобы она направила в Финляндию свои экспедиционные силы, хотя это означало бы вовлечение Швеции в войну. 10 марта Чемберлен заявил в палате общин, что он обдумывает меры, которые заставили бы Швецию отказаться от нейтралитета и обеспечили бы продолжение финской войны. «Лондон переполнен слухами о войне на гораздо более широком фронте, может быть с Россией», — телеграфировал 11 марта из Лондона корреспондент «Нью-Йорк таймс».

Но было уже поздно. Попытка «вернуть войну» и создать всемирный фронт против СССР потерпела неудачу вследствие твердого нейтралитета Швеции, а также вследствие недооценки генералом Маннергеймом советской мощи. Маннергейм заверил англо-французских союзников, что он не будет нуждаться в помощи до мая; к этому времени Чемберлен рассчитывал вынудить Швецию послать свои войска в Финляндию. Ни финны, ни англичане не могли представить себе, что линия Маннергейма может быть прорвана штурмом в зимнее время. За два месяца до срока, назначенного Маннергеймом для получения подкреплений, финны уже запросили мира, и советско-финская война окончилась. Согласно условиям мирного договора, Советы получили линию Маннергейма и военно-морскую базу на острове Ханко — ключевые позиции, защищающие как сухопутные, так и морские подступы к Ленинграду. Но СССР вернул Финляндии Петсамо с его никелевыми рудниками. Советский Союз не только не потребовал контрибуции, но согласился обеспечить голодавший народ Финляндии продовольствием. Условия мира оказались не слишком тяжелыми для Финляндии. Сэр Стаффорд Криппс, бывший в 1940 году английским послом в Москве, сказал мне однажды, когда я присутствовала на приеме в его посольстве, что русские со временем, возможно, еще пожалеют, что они не взяли большего, когда имелась такая возможность. Он имел в виду порт Петсамо, которому предстояло вскоре превратиться в базу нацистов для нападения на корабли союзников, проходившие по мурманской трассе.

¹⁹ Джеймс Олдридж, „Нью-Йорк Таймс“ от 14 марта 1940 года.

Но сэр Стаффорд был неправ. Сталин обладал лучшим политическим чутьем, чем сэр Стаффорд. Советы исходили из правильной оценки положения, когда предложили финнам мягкие условия. Если бы их требования шли дальше мер, явно необходимых для обеспечения безопасности Ленинграда, то нейтралитет Швеции мог бы поколебаться. И тогда всемирный фронт, который сложился в конце концов против Гитлера, мог бы сложиться годом раньше против СССР.

В результате финской войны Советский Союз добился успеха не только в самой Финляндии. Ряд шагов, предпринятых Советским Союзом, начиная с похода на Польшу и кончая договором с Финляндией, убедил Восточную Европу в том, что СССР силен, знает, чего он хочет, и для достижения своих целей не остановится перед войной, но в то же время его требования обоснованны и небезграничны. В 1940 году Советский Союз явно стремился к одному — создать буферный пояс от Балтики до Черного моря.

Так, Румыния поняла, что настало время возвратить Бессарабию, которую она захватила у молодого Советского государства в 1918 году, в пору его слабости. Бессарабия была населена не румынами; ее народ в течение шести лет 157 раз восставал против румынского господства. СССР никогда не признавал захвата Бессарабии, однако никогда не считал, что для возвращения ее стоит становиться на путь войны. Советы 20 лет ждали подходящего момента. И когда Гитлер оказался занятым завоеванием Франции, Москва потребовала от Румынии вернуть Бессарабию и получила ее без войны. Русские суда снова появились на Дунае; один из рукавов его дельты стал советской границей.

Итак, когда Гитлер, опустошив Западную Европу, обратился на Восток, создание буферного пояса, протянувшегося поперек всей Европы — от Ханко на Балтике до устья Дуная на Черном море, — было завершено.

По словам Гитлера, продвижение русских в Бессарабии спасло Англию от германского вторжения. Гитлер немного хвастал, а кроме того, преувеличивал значение этого события, чтобы оправдать свое нападение на Россию, но эти его заявления в декларации о войне против СССР имели некоторое обоснование. Чтобы понять это, мы снова должны обратиться к войне на западном фронте.

Пока продолжалась финская война, Гитлер не предпринимал по изложенным уже выше причинам серьезных наступлений против Запада. Но весной 1940 года немцы начали осуществлять успешный молниеносный поход против Запада. Они захватили Данию, Норвегию, прорвались через Голландию и Бельгию и за 11 дней разгромили французскую армию. Они заняли атлантическое побережье Европы, обеспечив себе плацдарм для вторжения в Англию. Английская армия, дезорганизованная в результате поражения во Франции, бросила свое лучшее снаряжение на взморье у Дюнкерка. Тем летом по пути в Москву я проезжала через Берлин и слышала, как немцы хвастливо заявляли, будто ранней осенью они будут в Лондоне. Военные эксперты всех стран предсказывали вторжение, причем большинство из них считало, что Англия не готова к обороне. Английский золотой запас был вывезен в Канаду; газетные обозреватели обсуждали вопрос о возможной эвакуации правительства.

И вдруг Гитлер отвел свои главные силы от побережья Атлантики и бросил их через всю Европу, в юго-восточном направлении — на Балканы. Впоследствии Гитлер объяснил это свое решение тем, что он не мог накопить огромные силы, необходимые для вторжения в Англию, пока у него в тылу Россия расширяла свою территорию. Бессарабия была богата хлебом.

Ее переход в состав СССР нанес ущерб экономическим позициям гитлеровской Германии, а также оживил антинацистские силы на Балканах. Поэтому Гитлер прежде всего должен был расчистить Балканы²⁰.

²⁰ Вот что заявил Гитлер в своей декларации о войне против СССР: «В то время как наши солдаты, начиная с 5 мая 1940 года, громили англо-французские силы на Западе, Россия продолжала расширять свои стратегические позиции во все более и более угрожающих масштабах... Поэтому в августе 1940 года я исходил из

Война на Балканах, по расчетам Гитлера, не должна была быть длительной кампанией. Продовольственные и нефтяные ресурсы этого района крайне интересовали Гитлера, а на них губительно сказалась бы длительная война. В интересах Гитлера было обеспечить себе контроль над этим районом либо методами экономического проникновения, либо путем молниеносной войны так, чтобы не пострадали ни урожай, ни промышленные предприятия. Его целью было объединение стран Балканского полуострова против СССР, разгром англо-греческих войск в Греции и затем захват восточного Средиземноморья и Суэцкого канала посредством одновременного удара через Грецию и Африку. Американская помощь Англии все возрастала, конфликт, видимо, затягивался, и Гитлер нуждался в ближневосточной нефти.

«С этого времени, — заявил впоследствии фон Риббентроп, — антигерманский характер политики Советской России становится все более очевидным». Он имел в виду при этом тот факт, что СССР затруднил и замедлил балканскую кампанию Германии. Это было сделано дипломатическим путем: Советский Союз выразил протест Болгарии по поводу ее уступок Германии, заключил пакт о ненападении с Югославией и предупредил Турцию, что если она не пропустит через свою территорию немецкие войска, это встретит «сочувственное понимание» СССР. Фон Риббентроп выдвинул обвинение, что Советы «тайно снабжали оружием Югославию». Все иностранные корреспонденты, находившиеся той осенью в Москве, знали, что Советы посылают продовольствие в Грецию и Югославию. Если они посылали также и вооружение, то это не выходило за рамки их прав как нейтральной страны и не противоречило условиям пакта о ненападении с Германией. СССР обязался не принимать участия в агрессии против Германии, но помощь жертвам Гитлера не может быть определена как агрессия.

Тем временем шла энергичная внутренняя борьба за контроль над тремя малыми прибалтийскими государствами — Эстонией, Латвией и Литвой. Они имели военные связи с СССР, согласно которым они предоставили ему военно-морские базы. Но их правительства представляли собой полуфашистские диктатуры, в известной мере пронацистские. Продвижение Гитлера на Восток ободрило пронацистские элементы в этих государствах. СССР потребовал предоставить ему право на ввод более крупных войск в эти страны «ввиду все возрастающего напряженного положения в Европе». 15 июня 1940 года значительные силы Красной Армии формально на правах союзников вступили в прибалтийские страны. Местные прогермански настроенные официальные лица бежали.

«Приблизительно за сутки Сталин нанес поражение Гитлеру на Балтике», — сказал один корреспондент в Вильно. Большинство литовцев, с которыми я встречалась, соглашались с этим.

К счастью, я оказалась в то время в пути из Берлина в Москву. Узнав о том, что происходит в Литве, я остановилась там и была свидетельницей удивительного внутреннего переворота. Он был в полной мере конституционным и очень радостным. Когда прогерманский президент бежал, власть перешла к вице-президенту. Он назначил нового премьер-министра и ушел в отставку. У власти стал Юстас Палецкис, прогрессивный журналист. Политических заключенных выпустили из тюрем, начали свободно организовываться профсоюзы, возникли всякого рода общественные организации. Днем и ночью на улицах столицы Литвы Каунасе не затихали песни. Были проведены новые выборы «народной власти»; они прошли при исключительной активности избирателей. Собрался новый парламент, который провозгласил Литву Советской республикой и обратился к СССР с просьбой принять ее в число Советских республик. В течение всего этого времени рабочие и крестьяне ликовали, торжествуя по поводу свержения пронацистской диктатуры и считали, что они выражают лишь свои собственные стремления. Красная Армия не вмешивалась в политику и только на основе «братских отношений» с литовской армией они приглашали друг друга на балы и театральные представления.

убеждения, что интересы рейха требуют не допускать более, чтобы наши восточные провинции... оставались незащищенными... Таким образом, имели место англо-советское сотрудничество..., в результате чего такие крупные силы оказались связанными на Востоке, что германское верховное командование не могло более ручаться... за решительное завершение войны на Западе».

Лишь однажды я слышала, как в разговоре был затронут вопрос роли Москвы. Некоторые Каунасские интеллигенты считали, что все произошло слишком быстро. Они хотели большего срока для проведения выборов с тем, чтобы было время для создания политических партий и организации дискуссий. Рабочие и крестьяне не тревожились по этому поводу: они выдвинули своих кандидатов через профессиональные союзы и проголосовали за них. Но европеизированным интеллигентам требовалось больше времени.

«Многие из нас думают, что все это случилось слишком поспешно, — сказал начальник телеграфного агентства одной женщине, выразившей свое недовольство по поводу происшедшего. — Я знаю, что Палецкис хотел ввести нас в состав Советского Союза спустя полгода, но Молотов сказал, что время не ждет».

Тут все присутствовавшие удивленно ахнули, и женщина, начавшая этот разговор, воскликнула: «Вы хотите сказать, что Гитлер может захватить нашу страну? Тогда пусть русские скорее забирают нас».

21 июля 1940 года Литва обратилась с просьбой принять ее в состав СССР. Я выехала вместе с литовской делегацией специальным поездом в Москву. На протяжении всего пути делегацию встречали с цветами и приветственными речами. В начале августа Верховный Совет в Москве утвердил принятие в состав СССР трех новых равноправных республик — Эстонии, Латвии и Литвы. Палецкис говорил тогда: «Наш путь к социализму» самый легкий из всех известных путей... Мы избрали его согласно воле литовского народа, выраженной конституционным путем... Не существует больше никаких границ от Каунаса до Владивостока, от Балтийского моря до Тихого океана».

Этот великолепный результат политической стратегии Москвы был достигнут благодаря воле литовского народа, которую Москва сумела пробудить.

СССР теперь твердо укрепился на Балтике, готовый к любым испытаниям в будущем.

Германская кампания на Балканах наконец завершилась. Немецкие войска разбили греков и сбросили англичан в море из южной Греции. Они угрозами заставили Румынию и Болгарию покориться и опустошили Югославию, которая оказала сопротивление. Они достигли границ Турции, и эксперты предсказывали, что следующее наступление немцы предпримут через Дарданеллы. Но нажим Москвы на Турцию, в дополнение к английскому нажиму, сделал свое дело. Эксперты предсказывали падение Суэца; ходили даже слухи, что гитлеровские войска уже находятся в Сирии. Но они двинулись в другом направлении — к границам СССР.

Гитлер видел, что СССР, оставаясь нейтральным, представлял собой непосредственную преграду на его пути к мировому господству. В течение 22 месяцев, прошедших со времени подписания пакта о ненападении, СССР трижды блокировал нацистское наступление. Советский поход в Польшу на год задержал продвижение Гитлера на Восток; воссоединение Бессарабии с Советским Союзом вынудило Гитлера отложить вторжение в Англию; наконец, энергичная политика Москвы на Балканах и в Прибалтике помешала ему захватить Дарданеллы.

Гитлер видел, что один нейтральный Советский Союз сковывает его больше, чем он был скован вооруженными силами всей Европы, вместе взятыми, — польскими, датскими, норвежскими, голландскими, бельгийскими, французскими, греческими, югославскими и английскими. Поэтому Гитлер повернул свои войска против Советского Союза и обрушил на него удар, по своей мощи не имевший равных в истории человечества.

VIII. Народная война

22 июня 1941 года на рассвете Гитлер внезапно напал на Советский Союз. Тысячи немецких самолетов бомбардировали советские аэродромы. Тысячи танков пересекли границу, а вслед за ними двинулись миллионные моторизованные армии. «Величайший в мировой истории военный поход», — говорил Гитлер. И он не преувеличивал. В результате этого нападения две крупнейшие в мире армии столкнулись в решительной схватке, от исхода которой зависели, как никогда прежде, судьбы всего человечества.

Немцы только что завоевали Европу. Они примерно в течение года готовились к нападению на СССР. Построив стратегические дороги в Польше, оккупировав Румынию и послав войска в Финляндию, немцы заняли подступы ко всей западной границе СССР протяженностью в 1800 миль, что равно отрезку канадской границы от Ванкувера до Буффало. На севере они двинулись из Финляндии на Ленинград и на порт Мурманск; в центре — из Польши на Москву; на юге — из Румынии на Киев и Одессу. Гитлер заявил, что в активных боевых действиях приняли участие девять миллионов человек; еще миллионы находились в резерве.

По мнению Берлина, Лондона и Вашингтона, сопротивление русских должно было быть сломлено в течение месяца молниеносной войны. После двух недель войны Вашингтон сдержанно признал: «Русские оказали сильное сопротивление, какого немцы еще не встречали». А еще через месяц Америка и Англия начали по-новому расценивать характер войны. Уинстон Черчилль, в то время премьер-министр, выступая по радио, восхвалял «замечательную стойкость» русских и отмечал эффективность их военной организации. Раймонд Клаппер телеграфировал 20 августа из Лондона («Уорлд телеграмм»): «Россия показала, как нужно бороться. Никогда еще... Гитлеру не противостоял народ, в такой мере способный одержать победу и обладающий такой волей к победе».

Хрущев, обвиняя в 1956 году Сталина, утверждал, что нападение немцев застало Сталина врасплох, что он не подготовился как следует к этому нападению и, что даже тогда, когда немцы вторглись на советскую территорию, Сталин не желал признавать этого и, расценивая происшедшее лишь как результат «провокационных самочинных действий», отказался ответить на удар. На это Хрущеву можно возразить. Немцы, конечно, уничтожили на аэродромах много советских самолетов. Японцы тоже уничтожили много американских самолетов, напав на Перл-Харбор. Каждый агрессор пользуется преимуществом внезапного нападения. Но Красная Армия начала борьбу уже с первого дня войны — с 22 июня, и ее упорное сопротивление поразило весь мир. А если Сталин игнорировал происходившие ранее пограничные инциденты, то он имел на то основания, которые, по-видимому, не уловил Хрущев. Характер этой войны был таков, что ее исход определялся не только силой оружия воюющих стран — он зависел от того, какую позицию займет остальной мир.

Сталин показал это в своей первой за время войны речи по радио, две недели спустя после германского вторжения. Он сказал советскому народу, что враг захватил значительную территорию; он не отрицал того, что немцы могут продвинуться еще дальше. Но все это, сказал Сталин, не дает оснований для паники. «Непобедимых армий нет и не бывало». Германия получила важное военное преимущество, предприняв внезапное нападение, «но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира как кровавого агрессора». Советский Союз должен противопоставить гитлеровской стратегии стратегию «народной войны». Армия должна «отстаивать каждую пядь советской земли», а при вынужденном отходе нужно вывозить или уничтожить все ценное имущество. Сталин заверил советский народ в том, что он будет иметь верных союзников «в лице народов Европы и Америки». «Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов

Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы»²¹. Сталин призвал народ не просто к сопротивлению, а к борьбе за победу.

Более 20 лет советские люди готовились отразить нападение, но немецкое вторжение не было той войной, которой они больше всего опасались. Они страшились объединенного нападения со стороны всех капиталистических стран, они боялись, что всемирный фронт будет обращен против СССР. И так действительно могло случиться, если бы Советский Союз начал сражаться в Польше два года тому назад, когда Чемберлен был у власти; так почти безусловно случилось бы, если бы финская война затянулась до прибытия англо-французских войск в Финляндию; так могло бы случиться, если бы Россия выступила против Гитлера в период его балканской кампании. Один английский дипломат как-то сказал мне, что Россия должна была бы поступить именно таким образом — «выступить до того, как Гитлер умножил свои силы в результате ряда побед».

Сталин придерживался на этот счет иного мнения. Он, несомненно, знал, что Гитлер использовал те 22 месяца, которые прошли после заключения пакта о ненападении для того, чтобы захватить богатства Европы и ее военную промышленность. Однако за это же время народы Европы и всего мира распознали характер нацистского режима. Когда Гитлер предпринял свои первые завоевания, определенные круги господствующего класса в странах Европы поддержали его. Даже многие простые люди пытались приспособиться к немецкому «новому порядку», надеясь, что он может привести к объединению Европы. Однако события, имевшие место в течение тех двух лет, которые предшествовали нападению Германии на Советский Союз, показали, что нацисты стремятся не к созданию «Соединенных Штатов Европы», а к тому, чтобы обречь на полное рабство и голод все народы, кроме «германской расы» господ. Миллионы евреев и славян погибали в концентрационных лагерях. Растущая ненависть европейских народов к нацизму явилась одним из факторов образования всемирной антигитлеровской коалиции. Другим фактором была серьезная решимость Америки служить арсеналом в войне против Германии. Наконец, еще одним фактором, как это и предсказывал Сталин, был явно агрессивный характер внезапного нападения Германии на Советский Союз.

Попытка Гитлера призвать к «священному походу против большевизма» потерпела фиаско — и в этом впервые проявилось существование всемирной коалиции. Многие ожидали, что папа Пий XII выступит против большевиков. Но он не сделал этого. Другие думали, что Черчилль, старый враг большевизма, будет стремиться к нейтралитету. Но Черчилль недвусмысленно заявил о том, что Англия поддержит русских: «Всякий, кто борется против нацизма, получит нашу помощь. Все, что угрожает России, угрожает и нам». На четвертой неделе германо-советской войны Англия подписала договор о союзе с СССР. Вслед за Англией аналогичные договоры были подписаны эмигрантскими правительствами ряда европейских стран. Эти правительства, нашедшие прибежище в Англии, теперь впервые почувствовали, что может настать день, когда они снова окажутся на родине.

«Борьба, которую на протяжении шести недель ведет Россия, изменила перспективы Лондона, Вашингтона и европейской эмиграции», — писала Энн О'Хэйр-Маккормик в «Нью-Йорк таймс». Эта борьба изменила и перспективы «плененной Европы»: она ускорила развитие движения Сопротивления в европейском подполье. К осени 1941 года движение Сопротивления в Европе стало важной боевой силой. Сопротивление, оказанное русскими Гитлеру, а также союзы, заключенные между СССР и эмигрантскими правительствами, привели к сплочению всех антинацистских сил в Европе — от коммунистов до монархистов — в едином движении Сопротивления. Вспомним, однако, как сильны были антисоветские круги в Америке, Англии и странах Европы, вспомним слова сенатора Гарри Трумэна, сказанные им в первые дни германо-советской войны: «Если будут побеждать немцы, то мы должны помогать русским, а если будут побеждать русские, то мы должны помогать немцам. И пусть они как можно больше убивают друг друга»²². Если мы примем все это во внимание, то нам не

²¹ И.В.Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1951, с. 10, 12, 14, 16. — Прим. ред.

²² "Нью-Йорк таймс" от 24 июня 1941 г.

покажется проявлением глупости и недалковидности тот факт, что Сталин не спешил дать отпор врагу до тех пор, пока Гитлеру не удалось благодаря внезапному нападению продвинуться далеко вглубь России.

Военные эксперты всего мира не разделяют высказанного Хрущевым в 1956 году мнения о неподготовленности Красной Армии к войне. Напротив, в свое время они, полные изумления, щедро расточали похвалы: «Впервые немцы столкнулись с армией, обученной не по старинке и способной вести современную войну», — писал Джордж Филдинг Элиот 29 июля 1941 года. Он отмечал, что советские войска создают «глубоко эшелонированную оборону, стойко сопротивляются, чрезвычайно искусно осуществляют маскировку, укрывая свою артиллерию от нападения авиации противника, организуют подвижные истребительные отряды для борьбы с немецкими танками и располагают авиацией, которая осуществляет боевые операции в полном взаимодействии с наземными силами». «Это современная по своей организации армия, ее тактика эффективна, а стратегия реалистична», — писал Макс Вернер в «Нью рипаблик» 11 августа 1941 года. Военных специалистов особенно поразило современное снаряжение Красной Армии. Печать сообщала о великих танковых сражениях; отмечалось, что русские располагают мощными танками, способными таранить в лоб немецкие танки, давя или опрокидывая их. «Как могло случиться, — спросил меня однажды один нью-йоркский журналист, что те самые русские крестьяне, которые еще недавно, дай им трактор, не смогли бы управлять им и бросили бы его ржаветь в поле, теперь вдруг, как оказалось, имеют тысячи танков и превосходно умеют с ними обращаться?» — «Все дело в пятилетнем плане», — ответила я этому журналисту. Но мир был особенно поражен, когда Москва признала, что потери русских после девяти недель войны включали 7500 артиллерийских орудий, 4500 самолетов и 5000 танков. Если армия, понесшая такие потери, оказалась способной продолжать борьбу, значит, она была если и не самой обеспеченной, то во всяком случае одной из наиболее хорошо оснащенных армий в мире.

Вскоре после начала войны военные обозреватели заявили, что русские «разгадали секрет блицкрига», представлявшего собой основу тактического плана Гитлера. Немецкая тактика заключалась в следующем. Танки и авиация сокрушительным ударом превосходящих сил прорывала фронт. Затем в прорыв устремлялись бронетанковые колонны, которые, расходясь веером, вклинивались в «податливый» гражданский тыл, лишая тем самым фронт поддержки глубокого тыла. Используя тактику блицкрига, немцы быстро захватили ряд стран. «Люди не в состоянии противостоять ей», — говорил мне в Берлине один американский корреспондент. Русские противопоставили этой тактике два метода борьбы, причем оба метода требовали высокого мужества. Когда немецкие танки прорывали фронт, русская пехота снова смыкалась за ними, не пропуская следующие за танками немецкие пехотные части. В результате военные действия как немцами, так и русскими велись не вдоль определенной линии фронта — бой вспыхивал беспорядочно, со всех сторон. Кроме того, русские могли рассчитывать на помощь со стороны населения. В России немцы не обнаружили «податливого» гражданского тыла. Колхозники организовывали партизанские отряды, которые проводили операции во взаимодействии с русскими регулярными войсками.

Таким образом, блицкриг, который по расчетам Гитлера, должен был обеспечить быструю победу, провалился: русских не удалось сломить. Гитлеру была навязана затяжная война, которую вряд ли могла выдержать экономика Германии. «Впервые Гитлер воюет в совершенно новых условиях», — отметила в редакционной статье «Нью-Йорк таймс». Автор статьи имел в виду географические условия России, но этим отнюдь не исчерпывалось понятие «новых условий». Впервые Гитлеру пришлось воевать против всего народа, поднявшегося для всеобщей обороны. Советская тактика объединяла усилия армии и всего народа. «Фронт не только там, где грохочут пули» — таков был лозунг. «Каждый цех, каждый колхоз — это фронт».

Каждый знает, что Россия обладает огромными людскими ресурсами. Но мало кто знает, насколько изменилось качество этих ресурсов. Организованное по социалистическому принципу медицинское обслуживание, забота о матерях и детях, физическое воспитание молодежи и развитие спорта — все это содействовало улучшению физического состояния народа. Военная статистика зафиксировала постоянное повышение показателей физического

развития новобранцев — роста, веса и объема грудной клетки. Общеобразовательные и военные знания новобранцев также повышались с каждым годом. В обороне приняли участие миллионы женщин, прошедших специальную подготовку; медицинская служба армии насчитывала огромное число женщин, также как служба связи, снабжения и инженерные части. Гражданское население проводило физическую подготовку, чтобы помогать армии. Шесть миллионов человек сдали нормы на значок ГТО («Готов к труду и обороне»), а это требовало всесторонней подготовки по ходьбе, бегу, плаванию, прыжкам, гребле и ходьбе на лыжах. Многие добровольно занимались парашютным спортом и планеризмом: даже маленькие дети любили прыгать с «парашютной вышки» в парках культуры и отдыха.

Колхозная форма организации сельского хозяйства оказалась хорошо приспособленной для нужд обороны. В каждом колхозе имелись рабочие бригады во главе с бригадирами. Эти бригады могли оказывать помощь армии как рабочие батальоны, они даже привозили с собой свою кухню и кухарку. В каждом колхозе в летнее время работали ясли, где за детьми ухаживали опытные матери под руководством обученных медицинских сестер. Ясли могли быть использованы для того, чтобы объединять детей в группы и эвакуировать их в глубокий тыл. Детей захватывали на обратном пути с фронта железнодорожные составы, занятые перевозкой войск. В каждом колхозе имела группа гражданской обороны, члены которой были обучены меткой стрельбе и имели оружие; это, по существу, были готовые партизанские отряды.

Когда немцы вторглись на Украину, там разгорелась борьба за урожай. Колхозники поставили себе задачу: спасти хлеб. Учителя, студенты, служащие пришли на помощь колхозникам в этой борьбе. Даже воинские части принимали участие в уборке урожая в перерывах между боями. К 10 сентября, когда немцы достигли центральных районов Украины, 60 процентов урожая было собрано и вывезено на восток. Потом миллионы колхозников тоже двинулись на восток, угоняя свои грузовики и тракторы или передавая их армии. В отличие от беженцев в странах Европы они не остались без работы. Колхозники забрали с собой свой инвентарь и находили работу повсюду, где люди занимались сельским хозяйством. Другие колхозники добровольно или в силу объективных обстоятельств оставались в районах, захваченных немцами. Они становились партизанами и нападали на немцев с тыла.

Когда русские взорвали при отступлении великую днепровскую плотину, это потрясло весь мир. Все поняли, что русские относятся к войне гораздо серьезнее, чем другие нации. Взрыв Днепрогэса был естественной составной частью стратегического плана, который вскоре получил на Западе название «стратегия выжженной земли». Русские не употребляли этого фаталистического выражения. Они вовсе не стремились к тому, чтобы «сжечь» все ценное, а старались спасти его для себя, вывезти все, что возможно, ничего не оставить врагу. На каждом промышленном предприятии, как только приближался противник, рабочие организовывали бригады, которые демонтировали оборудование, смазывали и упаковывали детали машин, погружали их в вагоны и на грузовики и вывозили на восток. Рабочие отправлялись на восток со своим оборудованием и заново сооружали заводы в заранее намеченных для этого районах Сибири и Урала.

В дни боев за Харьков рабочие Харьковского тракторного завода гордились тем, что их предприятие безостановочно производило танки, без единого простоя. Большинство рабочих эвакуировалось вместе с оборудованием на восток, но часть рабочих осталась в Харькове. Они производили сборку последних танков из заранее заготовленных деталей, и прямо с конвейера танки шли в бой. Еще до того, как прекратилось производство танков в Харькове, на востоке уже вступил в строй эвакуированный завод.

О том, как изматывала эта советская стратегия Германию, рассказал Говард Смит в своей книге «Последний поезд из Берлина». Немецкая военная машина разрасталась, а население Германии жирело за счет грабежа Европы. Но после того, как Гитлер напал на Россию, Германии стало туго. Когда немецкие войска вышли к Днепру, рассказывает Смит, они с радостью рассматривали возвышавшиеся за взорванной плотинной массивные строения огромных приднепровских заводов — первые неразрушенные заводы, которые увидели немцы на советской земле. Но, подойдя к зданиям, они обнаружили, что все машины — до последнего болта или гайки — были вывезены на восток. «Вот это — настоящая оборона!» — пишет Смит.

«Я пришел в ужас, увидев с воздуха эти огромные массы работающих людей», — заявил немецкий летчик, взятый в плен после того, как его самолет был сбит над Москвой. Он привык сеять ужас среди панически бегущего населения. Но он сам почувствовал ужас при виде уверенного в себе и сплоченного вокруг армии народа, соорудившего укрепления для защиты своей страны.

Несколько лет тому назад, когда английские и французские специалисты еще мыслили категориями, выработанными в условиях позиционной войны 1914-1918 годов, в советских военных журналах была предсказана возможность молниеносной войны. Советская военная наука утверждала, что «блицкриг» может обеспечить легкую победу над слабым противником, но если в такой войне столкнутся равные по силе страны и, если «блицкриг» не обеспечит немедленного успеха, то это приведет к длительной войне, исход которой будет зависеть от экономических ресурсов и военного потенциала воюющих стран, а также от морально-политического состояния их народов. Именно такое испытание предстояло тогда России и Германии.

В ноябре 1941 года немцы захватили богатую Украину и разграбили Киев. Они осадили Ленинград — северную цитадель. Они с трех сторон вступили в пригороды Москвы и видели уже очертания ее величественных башен. Началась битва за крупные города.

Современные города не приспособлены к самообороне. Гражданское население в большинстве стран не предполагает, что ему придется сражаться. Париж объявил себя «открытым городом» и когда немцы разбили французскую армию, они беспрепятственно вступили в Париж. Весь мир изумился, когда мэр Варшавы организовал героическое сопротивление немцам, невзирая на то, что правительство и генералитет уже бежали. Люди забыли, какую стойкость в осаде проявляли средневековые города. Но Сталин помнил об этом. Он пошел на войну с Финляндией, чтобы превратить Ленинград в крепость, способную выдержать осаду. Планируя жилищное строительство в Москве, он также негласно создавал сильнейший в мире город-крепость.

В середине века Москва была городом-крепостью, а Кремль — ее цитаделью. Отступая на милю от Кремля, пролегало кольцо каменных стен, а еще милю дальше — кольцо земляных валов. Впоследствии на месте этих стен и валов возникли два кольца бульваров. От Москвы тянутся нити десяти важных шоссе, наподобие спиц в колесе. Эти дороги связаны кольцевым шоссе. Одиннадцать железных дорог отходят от Москвы; они также связаны окружной дорогой. За время пятилеток бульвары и шоссе были застроены четырехэтажными домами с толстыми бетонными стенами, специально рассчитанными на защиту от русских морозов. Бульвары были расширены за счет пересадки деревьев во внутренние дворы домов и парки. Влюбленные с сожалением вспоминали старые бульвары, но зато когда наступила война, оказалось, что танки и моторизованные части могут маневрировать по городу во всех направлениях, двигаясь без заторов в шесть рядов со скоростью 40 миль в час, притом под защитой прочных бетонных стен четырехэтажных жилых домов. Сила современной крепости не только в укреплениях — прорыв линии Мажино и линии Маннергейма доказал это. Современная крепость должна обеспечить свободу маневра огромным силам, сосредоточенным под ее защитой. Москва отвечала этому требованию. Все необходимое военное снаряжение производилось в самом городе. Электростанции работали на буром угле, добывавшемся под Москвой. Противовоздушная оборона базировалась на аэродромах, расположенных в черте города и к востоку от него.

Советское правительство и дипломатический корпус переехали в город Куйбышев, расположенный на Волге, в глубоком тылу. Детей вместе с их учителями вывезли в отдаленные районы страны, например на Урал, где они пробыли два года. Те гражданские лица, чье присутствие в Москве не диктовалось военной необходимостью, также были эвакуированы на восток. Москва стала фронтовым городом; ее население перешло на паек в 1600 калорий. Не было угля для отопления домов и школ: уголь нужен был военной промышленности. Жилые дома погружались во тьму на все долгие зимние ночи, когда начинало темнеть уже в четыре часа дня: не хватало электроэнергии — она была нужна для производства военного снаряжения. Приходя домой после двенадцатичасового рабочего дня, люди в темноте, не раздеваясь, укладывались спать. В самые тяжелые дни

одна из моих знакомых, работавшая на московском радио, перенесла на работу свои постельные принадлежности и встала на ежедневную круглосуточную вахту, освободив двух мужчин, которые выехали на сооружение укреплений под Москвой.

Сталин остался в Москве. 7 ноября 1941 года, когда немецкие пушки грохотали в пригородах Москвы и Гитлер заявил, что Москва взята, Сталин принимал парад войск на Красной площади. Это придало уверенности москвичам. Им стало ясно, что вместе со своим верховным главнокомандующим они находятся на главном участке обороны страны. В ту зиму немцы были отброшены от Москвы на 60 миль и удержаны на своем рубеже.

Ленинград оказался в более тяжелом положении. В течение двух с половиной лет он выдерживал осаду, находясь под обстрелами немецкой артиллерии. Был период, когда люди получали в день лишь по пять ломтиков черного хлеба и два стакана горячей воды. Несмотря на это, они производили военное снаряжение и сражались с немцами. От голода в Ленинграде погибло больше людей, чем от артиллерийского обстрела. Люди умирали из-за недостатка протеина, но не от цинги, которая в средние века была бичем осажденных городов; советские ученые научили их добывать витамин «С» их хвои елей, росших в ленинградских парках. Знаменитый композитор Шостакович был бойцом противовоздушной обороны. Во время налетов он тушил зажигательные бомбы, сброшенные немецкими самолетами, а в перерывах между налетами писал свою Седьмую симфонию, посвященную борьбе и победе. Каждый, кто пережил эту осаду, получил медаль «За оборону Ленинграда».

На втором году войны немцы осуществили свой самый глубокий прорыв во внутренние районы Советского Союза. Они, были остановлены на севере под Ленинградом и в центре под Москвой, но на юге быстро продвинулись через сухие открытые степи вплоть до зерновых районов Северного Кавказа и до Сталинграда. Этот город расположен на равнине и лишен каких-либо естественных оборонительных рубежей; его заводы и жилые кварталы тянутся на протяжении 30 километров вдоль берега Волги. Сталинград стал главным оплотом советской обороны на юге, подобно Ленинграду на севере.

«Взять Сталинград любой ценой» — такой приказ отдал Гитлер летом 1942 года. Падение Сталинграда дало бы немцам возможность отрезать Москву от южных районов страны. Оно открыло бы Гитлеру путь к бакинской нефти, путь в Иран и Индию, дало бы возможность соединиться с японцами в Китайском Туркестане. День за днем тысячи самолетов и тысячи танков обрушивались на Сталинград. К середине сентября количество самолетов и танков удвоилось. Немцы прорвали сталинградскую оборону и вышли к Волге сначала в одном, а потом во многих местах. Не раз Гитлер объявлял, что город взят. И действительно, большая часть Сталинграда была захвачена. Но Гитлер не победил народ Сталинграда.

«За Волгой земли нет» — эти слова были у всех на устах в Сталинграде. Советские солдаты сражались за каждую улицу, за каждый дом и за каждую комнату в доме. Они пускали в ход любое оружие — от винтовок и гранат до ножей, кухонных табуреток и кипятка. Тракторный завод продолжал выпускать танки, и с заводского двора они шли прямо в бой. «В городе не осталось ни одного неповрежденного здания», — говорилось в одном из немецких донесений. Но сталинградцы продолжали борьбу, укрываясь в подвалах и пещерах. «Каждую грудку кирпичей можно превратить в крепость, было бы только мужество», — так говорили солдаты Сталинграда. Сталин телеграфировал им: «Каждая отбитая у врага высота означает выигрыш во времени». Так сражались сталинградцы 182 дня. А потом свежие войска, сформированные и обученные в Сибири, прорвав немецкий фронт, быстро пересекли степное пространство и взяли город в гигантские клещи. Более 300 тысяч немецких солдат оказались в этой западне. 2 февраля 1943 года они капитулировали.

В результате победы под Сталинградом резко изменилась обстановка на всем огромном театре военных действий. Отчаянная попытка немцев добиться мирового господства провалилась благодаря мужеству защитников героического города на Волге.

Народам еще предстояло перенести два страшных года войны. Но после Сталинграда немцы уже были вынуждены постоянно отступать. В 1943 году их изгнали из Украины, а ранним летом 1944 года — и со всей территории Советского Союза. В конце июля 1944 года советские войска подошли к Варшаве. В апреле 1945 года

Красная Армия вступила в Берлин. В июне в Сан-Франциско была создана Организация Объединенных Наций, призванная организовать послевоенный мир.

Советские люди стали возвращаться домой, в родные места, разоренные немцами. Они нашли там полнейшую разруху, какой люди не видели со времен Чингис-Хана. Видя неизбежность своего поражения, немцы предприняли кровавый террор против народа, который не дал им завоевать мировое господство. Они убили миллионы людей, замучив их или уничтожив в газовых камерах; они сбрасывали людей в стволы затопленных шахт или заживо сжигали их. Они угнали или уничтожили, весь скот. Они вывезли в рабство в Германию три миллиона человек. Двадцать пять миллионов человек в южных районах России и на Украине остались без крова.

Необходимо коснуться одного из событий тех лет, хотя оно и не получило достаточного объяснения. Во время войны семь небольших народностей целиком были выселены в восточные районы СССР. Об этом официально не объявлялось. До нас, иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве, дошли некоторые слухи, но когда мы заинтересовались этим вопросом, нам сообщили, что германским и турецким агентам удалось разложить немцев Поволжья и ряд мусульманских народов Крыма и Северного Кавказа; подробностей нам не говорили, объяснив, что это военная тайна. И только в 1956 году, когда Хрущев подверг критике Сталина, всему миру официально объявили, что в 1943 году калмыки и карачаевцы были выселены в восточные районы страны, а в начале 1944 года — также ингуши и балкарцы. Хрущев не упомянул про немцев Поволжья и крымских татар, которые были переселены в 1942 году. По поводу этих переселений не было дано никаких объяснений. Можно отметить, однако, что как раз в то время, в начале 1944 года, Сталин объявил от имени Советского правительства, что с этого времени 16 союзным республикам дано право иметь собственную армию и самостоятельно выступать на международной арене. Народы союзных республик совместной борьбой на полях войны заслужили право на это полное признание их национальной самостоятельности. В ходе войны, несомненно, произошла какая-то перестройка — в национальном составе страны. В какой степени это оказалось карательной мерой, в какой — предупредительной или, наконец, мерой по более рациональному размещению населения, — все это осталось тайной военных лет. И эта тайна не раскрыта донныне.

Я не могу закончить эту главу, не поделившись своими впечатлениями о Советской Армии, действия которой я имела возможность наблюдать уже за пределами СССР — в Варшаве и Лодзи — в период, когда советские войска устремились через Польшу на Берлин. Это была сильнейшая в мире армия, гнавшая прочь немецкие войска, которые еще три года тому назад не имела себе равных. Три года ожесточенной войны закаляли русских. В отличие от немецких солдат русские солдаты обладали качеством, которое на протяжении многих лет развивали в себе «новые люди», — широкой личной инициативой, неразрывно сочетающейся с общими усилиями коллектива. Я не склонна восхвалять войну, но не могу не признать, что четкая согласованность в действиях русских войск представлялись мне грандиозной симфонией.

Поздней осенью 1944 года советские войска вышли на Вислу, против Варшавы. Болотистый западный берег реки был непроходим для танков. Ждали заморозков, чтобы начать большое наступление. Первая польская армия, сформированная в Советском Союзе из беженцев поляков, занимала позиции в центре фронта — как раз против своей разрушенной столицы, которую немцы методично, квартал за кварталом, взрывали и предавали огню. Польский офицер сообщил мне, что Первая армия, готовясь к наступлению, установила свои тяжелые орудия почти вплотную друг к другу, с интервалом всего в несколько шагов.

В пятницу, 12 января, войска Первого Украинского фронта под командованием маршала Конева начали внезапное наступление на юге Польши. Они прорвали девять укрепленных линий и за два дня продвинулись на 25 миль. В воскресенье началось наступление еще на двух фронтах. Войска Первого Белорусского фронта вместе с Первой польской армией под общим командованием маршала Жукова, наступая в центре, за два дня освободили 1200 населенных пунктов. Второй Белорусский фронт под командованием маршала Рокоссовского

двинулся на севере через замерзшие болота в район слияния Нарева с Вислой. После прорыва фронта танковые части быстро вклинивались в глубь немецкой обороны; например, был такой день, когда танки Жукова продвинулись на 70 миль. По мере продвижения вперед инженерные части перешивали железнодорожное полотно, меняя колею путей, идущих с востока на запад, и снаряжение могло поступать на фронт прямо с Урала, безостановочно проделывая путь в две тысячи миль. Непрерывный поток боеприпасов и горючего вызвал изумление военных экспертов во всем мире.

Даже сугубо штатские люди вроде меня, отмечая на карте движение советских войск, не могли не обратить внимания на замечательную размеренность, с которой эти огромные армии окружили города, атакуя всегда с той стороны, откуда их не ждали. Нельзя было не заметить их точно рассчитанного взаимодействия. Жуков взял Варшаву, одновременно ударив с севера, юга и запада, то есть со всех сторон, кроме востока, откуда ожидал наступления противник. Войска Конева стремительно прорвались через южную Польшу, обошли пограничную немецкую крепость и ворвались в нее с тыла — со стороны Берлина. Этот прорыв оказался для противника столь неожиданным, что предприятия, которые обслуживались заключенными евреями, работали как обычно. Таким образом, советские войска спасли жизнь восьми тысячам евреев. Это был единственный раз, когда в Польше удалось спасти такую большую группу евреев, так как немцы обычно убивали заключенных евреев и славян перед отступлением. Затем войска Конева совершили внезапный бросок в восточном направлении — к Кракову, захватив город столь внезапно, что он совершенно не пострадал от боев и выглядел так, словно никогда и не видел войны. Точно так же Жуков одним ударом взял Лодзь, появившись не оттуда, откуда «следовало». Вскоре после освобождения Лодзи я приехала туда вслед за польским правительством. В номере гостиницы, где я остановилась, в гардеробе еще лежали чемоданы немецкого офицера.

В Лодзи я встретила американских военнопленных, освобожденных наступавшими русскими и пробиравшихся через Польшу на родину. Они рассказали мне о том, что произвело на них самое сильное впечатление. Их поразила инициатива русских, которые, выполняя боевые задания, не только использовали все общепринятые средства, но и проявляли неистощимую выдумку. Например, бензин перевозили не только в обычных железнодорожных цистернах. Русские выкапывали из-под земли огромные подземные цистерны с горючим, грузили их целиком на железнодорожные платформы и так перевозили. Если железнодорожный транспорт был занят перевозкой танковых частей, пехота использовала лошадей. Американцы видели пехотинцев, передвигавшихся в маленьких крестьянских повозках; по двое солдат могли спать в повозке, а остальные шли пешком. И так, меняясь, они шли безостановочно, круглые сутки. И когда лошадь выбивалась из сил, русские оставляли их у крестьян и забирали свежих лошадей. В результате все лошади в Польше сосредоточились в западных провинциях. Одной из первых задач нового польского правительства было вернуть лошадей обратно в центральные районы Польши для проведения весеннего сева. «Мы научились здесь, как нужно воевать», — говорили американцы.

Задачи, поставленные перед Первой польской армией, свидетельствовали о политической мудрости советского Верховного командования. Полякам была предоставлена честь освободить Варшаву. Они не смогли бы сделать этого только своими силами, но русские войска Жукова окружили Варшаву кольцом радиусом в 25 миль и перерезали немецкие коммуникации, предоставив Первой польской армии штурмовать город. Из поляков были составлены ударные части, прорвавшиеся в Померанию и взявшие военно-морскую базу Кольберг. Вместе с русскими поляки брали Данцинг и, освободив центр города, водрузили на ратуше польский флаг. Эти победы имели для Польши историческое значение, ибо немцы и поляки на протяжении тысячелетия боролись за обладание южным побережьем Балтийского моря. Тем временем части Второй польской армии, сформированной уже в освобожденных районах Польши, были направлены из лагерей, где они проходили обучение, на гарнизонную службу во все крупные польские города, которые сразу же после освобождения были переданы в управление польскому правительству. Два месяца спустя Вторая польская армия участвовала в форсировании Нейсе и вместе с передовыми частями Жукова ворвалась в Берлин. Поляки имели на это право — ведь война началась гитлеровской агрессией против их родины.

В результате великого наступления Западную Польшу освободили так быстро и таким путем, что немцы не успели произвести там больших разрушений. Ужасным исключением, была Варшава. Организованное генералом Буром летом 1944 года восстание, преждевременное и не связанное с русским наступлением, привело к тому, что польская столица оказалась полностью разрушенной еще до того, как началось описанное мной наступление. Когда Варшаву освободили, со всех сторон в нее стали стекаться люди, возвращавшиеся домой. Они нашли лишь груды камней. Все улицы были завалены обломками разрушенных домов. Сквозь разбитые перекрытия зданий ратуши и оперного театра виднелось небо. Прекрасные соборы, дворцы, памятники Шопену и Копернику были превращены в развалины; они остались лишь в памяти людей. В городе не было ни воды, ни электричества, ни газа; подвалы и подземные коллекторы были забиты трупами. Но 19 января, принимая в центре разрушенного города парад войск польской армии, президент Берут объявил о намерении правительства возродить Варшаву как столицу. Берут обратился ко всей стране с призывом помочь восстановлению Варшавы. Несколько тысяч варшавян, к тому времени уже вернувшиеся в родной город и ютившиеся в подвалах, окружили трибуну, с которой выступал Берут, и приветствовали его заявление. Они умудрились раздобыть где-то в зимнем разрушенном городе букет цветов, и маленькая девочка преподнесла его Беруту.

Наступление, свидетельницей которого мне довелось быть, остановилось на Одере. Войска сооружали предмостные укрепления и копили боеприпасы, готовясь к броску на Берлин. Он начался утром 18 апреля 1945 года.

«Кто видел переправу через Одер, тот никогда не забудет этого утра, — писал в «Известиях» советский кинооператор Кармен. — Под грохот тысяч орудий вся советская страна двинулась на вражескую столицу по десяткам дорог». Как отметили другие корреспонденты, вдоль этих дорог цвели вишневые деревья и качали ветвями березы. Поляки, переправлялись через Одер, зачерпывали речную воду и, поднимая тосты, пили ее, как вино. Через шесть дней артиллерия Красной Армии начала обстрел Фридрихштрассе. Кармен заметил время: было 8 часов 30 минут утра 22 апреля 1945 года.

Многие советские писатели рассказывали в своих произведениях об освобождении из немецкой неволи русских, польских и югославских заключенных, работавших на заводах и фабриках. Зачастую войскам приходилось с большой осторожностью теснить неприятеля, чтобы вместе с немцами не уничтожить и своих соотечественников. Вот один характерный случай. Немцы вели огонь, укрепившись на крыше большой фабрики, где производился шелк для парашютов. Вдруг из здания фабрики вырвалась на волю толпа русских женщин и бросилась обнимать наступавших солдат.

Одна старая женщина спрашивала всех: «Голубчики, где тут дорога на Орел?» Солдаты заулыбались: «Мы тебя подвезем, бабушка». И они посадили ее в грузовик, отправлявшийся в тыл.

IX. Второе восстановление

В конце апреля в Москве снова стала популярной песенка, которая всегда считалась слишком сентиментальной: «Когда огни опять зажгутся над землей». Жизнь опередила песню. 30 апреля 1945 года перед празднованием Первого мая было отменено затемнение. Люди запонили московские улицы и шли от одной площади к другой, любуясь яркими электрическими фонарями, которые не зажигались в течение четырех лет. Москвичи всю ночь гуляли по улицам, демонстрируя, что чрезвычайное положение окончилось. Никто не занавешивал окон, люди в домах обедали и переодевались, не смущаясь, на виду у всех.

На первомайской демонстрации люди еще раз вспомнили о параде, состоявшемся на Красной площади 7 ноября 1941 года, когда под Москвой уже грохотали немецкие орудия и Сталин, устроив смотр войскам, укрепил дух народа. А теперь Красная Армия сражалась в пригородах Берлина, и Москва сменила военную форму на праздничную одежду, украсившись красными флагами и вымпелами, портретами вождей. По ночам на башнях Кремля вновь загорались огромные рубиновые звезды; гирлянды огней снова протянулись вдоль улиц и мостов через Москву-реку.

2 мая, в 15.00 пополудни, в Берлин был дан приказ «прекратить огонь». Весть об этом достигла Москвы к концу дня, увенчав собою двухдневный праздник. Пала цитадель нацистского фашизма; армия Объединенных Наций — русские, американские, английские, — вступив в Германию с востока и с запада, заняли всю страну. Огни разноцветных ракет вспыхнули в небе Москвы, на улицах зажглась иллюминация. Люди ложились спать, измученные и счастливые, зная, что наутро перед ними встанут проблемы новой эпохи — эпохи восстановления всего, что было разрушено, эпохи утверждения мира.

Потери были огромны. 25 миллионов людей лишились крова, более 1700 городов и 27000 деревень целиком или почти целиком были разрушены. Было взорвано почти 38500 миль железнодорожных путей — их с лихвой хватило бы для того, чтобы опоясать земной шар. 90 процентов шахт Донбасса было взорвано и затоплено; великая днепровская плотина и примыкавшие к ней промышленные предприятия уничтожены; на Днестре вновь выступили из-под воды пороги, сделав невозможной навигацию на реке. 7 миллионов лошадей, 17 миллионов голов крупного рогатого скота, 20 миллионов голов птицы было уничтожено, либо угнано в Германию. Нужно было заново построить более 3 тысяч промышленных предприятий.

Но самая тяжелая утрата — людские потери. Число погибших на фронте во время войны оценивается различно — от 7 до 20 миллионов. А если учесть резко увеличившуюся смертность среди гражданского населения, то число жертв, во всяком случае, превысит 20 миллионов. Каждая семья потеряла кого-нибудь из своих членов. Например, среди родных моего мужа было восемь мужчин. За время войны троих из них не стало, в том числе и моего мужа. Никто из них не числился в списке военных потерь, так как они не служили в армии, но все они — прямые жертвы войны. Потери Советского Союза значительно превышали потери всех его союзников, вместе взятых. СССР потерял убитыми в сто раз больше, чем Соединенные Штаты. На юге страны были такие деревни, где совсем не осталось мужчин, и девушкам не за кого было выйти замуж. За время оккупации много детей лишилось родителей и стало беспризорными.

Восстановление началось еще до победоносного окончания войны. В предыдущей главе говорилось, как машино-тракторные станции возвращались на свои прежние места и проводили пахоту под гул удалявшейся канонады. Сталинградский тракторный завод был разрушен, но через три месяца после того, как немцев изгнали из Сталинграда, с заводского конвейера снова стали сходить танки. Восстановление Днепрогэса и прилегающих к нему промышленных предприятий началось уже в 1944 году, когда война шла еще в пределах России.

Когда война окончилась, плановая экономика Советского Союза без труда переключилась на мирное производство. По новому пятилетнему плану уже к 1949 году следовало полностью закончить восстановление

освобожденных районов, а к 1950 году — поднять их промышленное производство на 15 процентов против довоенного уровня. Чтобы восстановить хозяйство, во многих местах буквально приходилось строить заново, подобно тому как это было после революции. Но, если в 1921 году советские люди начинали строительство на развалинах феодальной и капиталистической экономики, то теперь они строили, опираясь на социалистическую экономику, которая выстояла в войне, несмотря на тяжелые удары врага. Советские люди располагали теперь на Урале и в Сибири великой индустриальной и сельскохозяйственной базой, потрясающе быстрое развитие которой во время войны теперь полностью дало себя знать. С 1940 по 1943 год выработка электроэнергии на Урале удвоилась; производство металла выросло более чем в два раза. Кроме того, это второе восстановление осуществлялось при наличии квалифицированных кадров, которые могли использовать свой опыт, накопленный в годы довоенного строительства.

Москва быстро включилась в послевоенное восстановление. В столицу съехались депутаты на сессию Верховного Совета, посвященную победному завершению войны. Ноябрьские торжества, как обычно, встречались производственными достижениями. Сталинградский тракторный завод, перешедший на мирное производство, объявил, что его подарком к празднику будет трехтысячный трактор. Севастополь, тоже полностью разрушенный, заявил, что его электростанции и крупнейшая верфь снова вошли в строй действующих предприятий. Ленинград встретил праздник восстановлением своих самых мощных верфей. Тем временем в стране развернулась предвыборная кампания. Выборы в Верховный Совет были назначены на февраль 1946 года. Повсюду депутаты выступали перед избирателями с отчетами о своей деятельности во время войны, и эти доклады показывали, что депутаты достойны того, чтобы их избрали вновь на этих первых с 1939 года общесоюзных выборах.

Сложные проблемы возникли в области международных отношений в связи с послевоенным урегулированием. «Ничто так сильно не воздействует на русскую внешнюю политику, как стремление поддерживать мирные взаимоотношения с Соединенными Штатами», — заявил в ноябре 1945 года генерал Дуайт Д.Эйзенхауэр в комитете палаты представителей конгресса США. Эти слова совершенно справедливы; я знаю это, потому что жила в Советском Союзе. Я видела, как в дни празднования победы толпы людей на московских улицах подбрасывали в воздух американцев и англичан, приветствуя их. Все русские, по моему убеждению, горячо надеялись, что после разгрома Гитлера союзники военных лет смогут поддерживать дружеские отношения в течение долгих мирных лет.

Они знали, конечно, — как они знали это и во время войны, — что в Америке были элементы, которые препятствовали установлению союза с СССР, а некоторые даже предпочли бы увидеть победителем Гитлера. На протяжении двух лет войны, во время которых русские потеряли миллионы людей, они видели, как союзники оттягивали открытие обещанного «второго фронта» на западе. Молотов обсудил этот вопрос с Рузвельтом в Вашингтоне в мае 1942 года. Заголовки американских газет гласили, что открытие второго фронта «обещано» на осень того же года. Черчилль, хотя он и отказался дать определенное обещание, вручил Молотову «записку по вопросам оказания помощи», в которой говорилось, в частности: «Мы ведем подготовку для высадки на континенте в августе или сентябре 1942 года». Шли месяцы, а русские по-прежнему несли основное бремя войны, все ожидали открытия второго фронта. Но он был открыт только 6 июня 1944 года. В то время русские войска уже освободили большую часть территории СССР и наступали в Польше. Многие русские с горечью думали: не для того ли союзники оттягивали открытие второго фронта, чтобы русские несли потери, и не потому ли они в конце концов высадились в Нормандии, что не хотели позволить русским одним взять Берлин.

Эти подозрения уменьшились, когда союзники начали выработать общий стратегический курс, когда Рузвельт и Черчилль встретились со Сталиным в Тегеране, а затем в Ялте, чтобы договориться о сроках окончания войны и послевоенном переустройстве мира. Черчилль в своих мемуарах о второй мировой войне приводит граничащий с наивностью тост, который провозгласил в Ялте Сталин: «За прочный союз наших трех держав!» Сталин сказал тогда: «Пусть наш союз будет крепким и устойчивым. Будем максимально искренними... Союзники не должны обманывать друг друга... Во всей истории международных отношений я не знаю более тесного союза трех великих держав, чем наш союз».

«Я никогда не думал, что он может быть столь экспансивным», — замечает по поводу этого тоста черствый империалист Черчилль. В своем тосте Сталин выразил горячее стремление всего советского народа. Русские в час победы действительно надеялись, что пришел конец их изоляции, что ценой ужасных военных потерь они завоевали дружбу Америки и Англии и обеспечили мир грядущим поколениям.

Шло время, и я видела, как русские постепенно теряли надежду. Поворот в их взглядах начался после того, как США сбросили атомную бомбу на Хиросиму. В глазах людей, не успевших еще насладиться миром, снова появился страх. А потом возникла мысль: зачем Америка уничтожила четверть миллиона человек в двух японских городах, когда японцы уже просили мира? Не хотел ли Вашингтон быть единственным победителем на Дальнем Востоке с тем, чтобы не допустить усиления позиций России в этом районе земного шара? В течение следующих нескольких дней Америка предприняла два демарша — один на востоке, другой на западе, — после которых русские вынуждены были с разочарованием констатировать: «Началась дипломатия атомной бомбы».

На востоке Вашингтон не только единолично занялся вопросом перемирия с Японией, оттеснив от участия в переговорах Россию и Китай, но и поставил японской военщине дополнительные условия, выполняя которое японские войска продолжали сражаться с китайскими коммунистами до тех пор, пока Америка не перебросила посредством авиадесантной операции, стоившей 300 миллионов долларов, войска Чан Кай-ши на север, чтобы они могли принять капитуляцию японской армии. На западе Вашингтон потребовал от Болгарии ввести в состав правительства ряд лиц по указанию Америки, отказывая иначе признать новое болгарское правительство. Русские поразились. «Не требуем же мы от Франции, Бельгии и Голландии изменить состав правительства, — говорили они. — А Болгария — это наша сфера».

Свой следующий удар Вашингтон нанес уже непосредственно самой России, затруднив ей дело восстановления. Россия имела все основания рассчитывать на получение крупного «восстановительного» займа от Америки, который бы помог ей ликвидировать последствия потерь, понесенных во время войны против общего врага. Дональд Нельсон, который в 1943 году посетил Москву в качестве личного посланника президента Рузвельта, говорил, что сумма займа, вероятно, составит 6 миллиардов долларов. Это было подтверждено в следующие годы другими американскими представителями. Русские, страдавшие от недостатка продовольствия и топлива, приняли всерьез эти заверения. Но после смерти Рузвельта Трумэн запретил поставки Советскому Союзу даже в порядке ленд-лиза, причем так внезапно, что последнюю партию предназначенных для России припасов пришлось сгружать с уже готовых к отплытию кораблей, стоявших в нью-йоркском порту. Когда Россия, подсчитав свои потери, обратилась к США за «первым миллиардом» обещанного займа, государственный департамент «потерял» это письмо и в течение года не мог найти его. Немало русских умерло от голода в год окончания войны из-за того, что Америка отказалась предоставить этот заем Советскому Союзу.

Вскоре выяснилось, что ни один из тяжело пострадавших от войны народов Восточной Европы не может рассчитывать на американскую помощь для восстановления своей экономики, пока власть в их странах принадлежит негодным США правительствам. В какой-то мере эти страны пошли навстречу желаниям Соединенных Штатов. Болгария изменила состав кабинета в соответствии с требованием США и отложила выборы, когда Америка выразила протест по поводу порядка их проведения.

Все народы Восточной Европы надеялись на получение американского займа и ради этого были готовы были пойти на уступки. Они предоставили концессии иностранному капиталу, они готовы были отсрочить построение социализма, как это сделал Ленин в годы нэпа. Москва не возражала; она вовсе не стремилась взять на себя решение экономических проблем в странах Восточной Европы в дополнение к своим собственным проблемам. Если бы эти страны смогли получить американские займы ценой некоторых уступок капитализму, Москва не стала бы им препятствовать.

В первые годы после окончания войны Москва проводила в Восточной Европе отнюдь не жесткую политику. Американцы предполагали, что Красная Армия, вступив в страны Восточной Европы, немедленно приступит к их «советизации»: осуществит там национализацию промышленности и коллективизацию сельского хозяйства. Американские корреспонденты были удивлены, обнаружив, что Красная Армия даже не препятствует королю Михаю заключить в тюрьму коммунистов; русские заявили, что это внутреннее дело Румынии. В 1945 году я была в Польше и знаю, что тогда там считалось «предательством» проводить принудительную коллективизацию, ибо такая политика отпугивала крестьян. Москва, конечно, была заинтересована в том, чтобы иметь «дружественно расположенных» соседей. Вместе с тем Москва долго мирилась с крайне реакционным режимом, установленным в Румынии королем Михаем, не оказала достаточной поддержки коммунистическому движению в Греции, воспрепятствовала проведению выборов в Болгарии из-за американского протеста и дала согласие на ввод трех польских эмигрантских деятелей из Лондона в состав варшавского правительства. Все это говорит о том, что в 1945-1946 годах Сталин готов был на большие уступки в Восточной Европе, лишь бы сохранить установившиеся во время войны дружественные отношения с Англией и Соединенными Штатами.

Таково было логическое развитие доктрины о «социализме в одной стране». В течение последних 20 лет СССР отдавал все силы внутреннему строительству, все меньше внимания уделяя развитию революционного движения за границей. Прежняя «отсталая Россия», видевшая свое спасение в революции немецкого рабочего

класса, теперь стала великой державой, достаточно прочно утвердившей свой собственный образец социалистического общества. Главная цель внешней политики Советского Союза состояла не в том, чтобы ускорить революцию в других странах, а в том, чтобы не дать капиталистическому миру организовать объединенный военный поход против СССР. И когда эта цель была достигнута, когда Сталин добился союза с Черчиллем и Рузвельтом, он провел роспуск Коммунистического Интернационала. Ко времени Тегеранской конференции первоначальная концепция социализма в одной стране переросла в теорию «мирного сосуществования с капиталистическими государствами». В Ялте Сталин пошел еще дальше, выдвинув идею, будто три великие союзные нации могут, сохраняя между собою «искренние дружественные отношения», сообща поддерживать мир во всем мире.

Странно, что закаленный большевик мог мечтать об установлении всеобщего мира на основе союза между первым в истории социалистическим государством и двумя главными империалистическими державами. Однако именно эта идея легла в основу Организации Объединенных Наций. Именно эта перспектива определяла также в первые послевоенные годы политику Москвы в Восточной Европе.

Но уступки, сделанные Москвой, не удовлетворили Америку. Рузвельт мог бы еще оценить их, ибо он был государственным деятелем мирового масштаба и хорошо знал историю. Но когда президентом стал Гари С. Трумэн, то наиболее ограниченные и агрессивные круги американского империализма обрели послушное орудие в лице этого мелкого провинциального политикана, монопольно владевшего атомной бомбой и лишенного какого-либо понимания исторических тенденций. Трумэн не принял во внимание, а может быть, даже просто не знал, что Румыния, Сербия и Болгария на протяжении 100 лет находились в сфере влияния России, что самим своим существованием эти государства обязаны победе, которую Россия 100 лет тому назад одержала над Турцией. В период между двумя мировыми войнами деспотические правители этих государств проводили антисоветскую политику, но крестьянские народные массы никогда не утрачивали своей любви к России. Когда Красная Армия изгнала оттуда немцев, представители пронацистских правящих кругов бежали из этих стран, и там утвердились новые правительства, которые вступили в войну на стороне России. Вашингтон — в лице Трумэна — видел во всем этом лишь подрывные действия Советского Союза.

Вашингтон, который никогда не признавал «антифашистского» характера войны, повсюду выступал против антифашистского фронта, который сложился во всех освобожденных от немецкой оккупации странах. В странах Западной Европы под американским нажимом этот фронт распался, и коммунисты были выведены из состава правительств — вопреки выраженной воле избирателей. Но на Востоке подобная политика США не имела успеха. Страны Восточной Европы пошли по пути, который подсказал им собственный опыт, накопленный за годы войны. Во всех этих странах в прошлом имелись крупные помещики, которые сотрудничали с нацистами. Они бежали вместе с немецкой армией, что облегчило проведение долгожданного раздела земли между крестьянами. Во всех этих странах немецкий капитал занимал господствующее положение в крупной промышленности. Когда немцы бежали, промышленные предприятия, разрушенные во время войны, оказались без хозяина. Национализация крупной промышленности оказалась не только легким, но поистине необходимым шагом, поскольку американцы отказались взять концессии, которые им предлагали страны Восточной Европы. Во всех этих странах война привела к банкротству и дискредитации бывших политичеких лидеров, ибо в годы войны люди делились лишь на две категории: на тех, кто сотрудничал с нацистами, и тех, кто сопротивлялся им. Поэтому новые правительства в этих странах возникли сначала на основе коалиции небольших самостоятельных партий — коалиции, которая объединяла всех, кто боролся против немцев. Однако американские дипломаты, аккредитованные в странах Восточной Европы, поддерживали бывших лидеров, недовольных новыми порядками, и требовали, чтобы их включили в состав правительства. Нередко восточноевропейские государства шли на уступки, надеясь на помощь со стороны США. Но эти уступки казались Вашингтону недостаточными.

Американские займы, на которые рассчитывали все государства Восточной Европы, так и не были им предоставлены. В этих условиях восточноевропейские страны могли получить крайне необходимую для них

экономическую помощь только от России, которая сама тяжело пострадала от войны. Естественно, что в этих странах возникло напряженное положение в сфере товарооборота, благодаря острому товарному голоду. В результате Москва, уделявшая этим государствам часть своих скудных ресурсов, стала осуществлять более жесткий контроль над Восточной Европой. По мере того как политика холодной войны, проводимая Вашингтоном, стала принимать все более острые формы, изменилась и политика Москвы в Восточной Европе.

Отражением этого изменения явилось внезапное грубое исключение Югославии из коммунистического содружества вследствие ее стремления к той самой национальной независимости, которая еще два года тому назад была символом веры всех восточноевропейских государств. Это изменение было вызвано и обострением личных отношений между Сталиным и Тито, и настойчивыми попытками Югославии развернуть индустриализацию в таких масштабах, какие Москва не в состоянии была обеспечить своей помощью. Но главная причина изменений заключалась не в политике Югославии, а в политике Гарри С. Трумэна. После целого ряда выпадов против русских он провозгласил «доктрину Трумэна» и объявил, что пошлет войска в Грецию и Турцию для «сдерживания» коммунизма. Этот фланговый охват восточноевропейских стран, предпринятый Америкой, политика которой в отношении этих стран становилась все более враждебной, привел к совершенно закономерным результатам. Москва усилила контроль над странами Восточной Европы, стремясь объединить их в прочный военный блок, и резко осудила Югославию, когда та отказалась подчиниться.

Здесь нет нужды излагать всю долгую историю о том, как Вашингтон своей «жесткой» политикой разрушил мечту Сталина, а также Рузвельта — о прочной дружбе между СССР и США. Трумэн проявил оскорбительное отношение к Молотову, когда последний приехал на первую Генеральную ассамблею ООН в Сан-Франциско. Америка заставила ассамблею осудить СССР за «агрессию». Поводом для этого послужил тот факт, что СССР несколько задржался с выводом своих войск из Ирана. В то же время американские, английские и французские войска преспокойно оставались во многих районах мира. Когда Москва начала «блокаду Берлина», предпринятую как временная мера для защиты экономики Восточной Германии от потока новых бумажных денег, выпущенных в американской зоне, Вашингтон воспользовался этим для организации длительной демонстрации мощи своей авиации и обилия своих товаров. «План Баруха» по контролю за использованием атомной энергии, который рекламировал Вашингтон в качестве мирного шага, был расценен каждым русским как попытка США завладеть природными ресурсами СССР через посредство Организации Объединенных Наций, находящейся под контролем Америки. Клевета и оскорбления в адрес Советского Союза не прекращались. Американские комментаторы усилили нападки на Россию за то, что она, якобы, «захватила во время войны огромную территорию». Но для русских это была их собственная территория, утраченная в результате первой мировой войны и лишь частично возвращенная после второй.

В результате первой мировой войны Россия потеряла или уступила 330 тысяч квадратных миль своей территории. В результате второй мировой войны она вернула 250 тысяч квадратных миль, потеряв в итоге 80 квадратных миль, то есть территорию, примерно равную площади Финляндии и Польши, вместе взятых. Русские не протестовали по поводу того, что США превратила в ходе войны Атлантический и Тихий океаны в «американские озера», но когда те же самые американцы, которые захватили командные позиции на этих океанах и построили базы на их островах и побережьях, стали кричать о ненасытном аппетите России, вернувшей лишь то, что ей принадлежало раньше, Советский Союз не мог не воспринять этого как оскорбление.

Доктрина Трумэна о «сдерживании», вызывающая политика Америки в отношении России, горячо стремившейся к дружбе с США — все это способствовало возникновению и развитию крайнего, агрессивного патриотизма. Признание того, что в какой-то стране, кроме России, было изобретено нечто полезное, клеймилось как «космополитизм», почти как измена. Такой чрезмерный, болезненный национализм русских был следствием горького сознания, что, заплатив больше, чем все их союзники вместе взятые за обеспечение

общей победы, они вместо того, чтобы стать партнерами своих военных союзников по обеспечению мира во всем мире, оказались в новом вражеском окружении — в кольце американских баз и к тому же перед фактом атомной монополии США. Их бывшие союзники, сами значительно укрепившие свои позиции в мире, клеймили СССР как «агрессора» за всякую его попытку расширить свои владения.

В тот же период в СССР наблюдался рост антисемитизма, чему я еще не могу найти полного объяснения. Антисемитизм никогда не был официальной политикой; закон, объявлявший антисемитизм преступлением, никогда не отменялся. Однако и отдельными лицами, и правительственными учреждениями совершались действия, направленные против евреев и еврейской культуры. Эти действия не имели под собой законного основания и поэтому совершались негласно и как-то неуловимо. Вряд ли можно считать, что официальное объяснение проведенных мер соответствовало действительности. Когда в 1948 году было прекращено издание газеты на еврейском языке и закрыт еврейский театр, то это объяснили тем, что «на них не было достаточного спроса». Поскольку еврейское население, эвакуированное из оккупированных немцами районов, рассеялось по всей Сибири и еще не полностью возвратилось, постольку приведенное «объяснение» содержит в себе долю истины. Но крайний русский национализм того времени, несомненно, сыграл свою роль. В 1949 году газета «Москоу ньюс», издававшаяся на английском языке, также была закрыта, а ее персонал арестован.

Причины антисемитизма могли быть различными. Когда правительство эвакуировало гражданское население из районов, которым угрожало гитлеровское вторжение, евреям сознательно оказывалось предпочтение. И это было правильно: ведь евреи наверняка, были бы уничтожены немцами, тогда как русские имели больше шансов уцелеть при оккупации. Эта политика спасла жизнь почти двум миллионам евреев, но отнюдь не усилила симпатий к ним со стороны русского населения, оставшегося во вражеском плену. В результате этой политики число евреев среди беженцев во всех восточных районах непропорционально увеличилось, а беженцы вообще вносят в жизнь местного населения только трудности, и им никогда не бывают рады. Кроме того, на территориях, которые прежде принадлежали Польше, а затем были присоединены к Советскому Союзу, проживало население, отличавшееся сильными антисемитскими настроениями. Наконец, на правительственные круги, вероятно, повлияло возникновение государства Израиль и та шумная демонстрация, которую устроили евреи, приветствуя в Москве посла Израиля. Создавалось впечатление, во всяком случае внешне, что в этом проявилось как бы двойное гражданство евреев.

Трудно определить, какие масштабы приняла дискриминация против евреев в области образования. Нельзя сказать, чтобы она проводилась всюду, но в известной степени, конечно, имела место. Она была скрытой, неуловимой и всегда встречала противодействие. Моя лучшая подруга, преподававшая в университете, одно время оказалась в весьма тяжелом положении у себя на работе вследствие того, что она не пошла на поводу у антисемитов, которых, по-видимому, поддерживал секретарь партийной организации университета. Но однажды она пришла домой торжествующая. «Теперь я знаю, что партия против антисемитизма, — сказала она. — Отстранен от работы А. Он был назначен Центральным Комитетом руководить партийной работой в университете и использовал свое положение для потворства многим антисемитским действиям». Этот случай показывает, какая путаница существовала в вопросе антисемитизма. Антисемитизм подчас поддерживался высокопоставленными руководителями, но это никогда не делалось открыто. Конституционное положение о незаконности антисемитизма никогда не подвергалось критике или сомнению и никогда не отменялось.

Когда прошла болезнь космополитизма, то вместе с ней исчез и антисемитизм. Это произошло не в результате издания соответствующего закона или указа, а как следствие следующих трех фактов. Во-первых, в 1950 году СССР достиг самого высокого в своей истории уровня производства и обеспечил относительное обилие продуктов. Во-вторых, в Советском Союзе была создана атомная бомба, а тем самым с атомной

монополией Америки было покончено. В-третьих, в Пекине было провозглашено образование Китайской Народной Республики, которая вскоре же заключила союз с СССР. Болезненный, чрезмерный патриотизм, порожденный условиями холодной войны, оказался несовместимым с тесным союзом на равных началах с восточным соседом, который уже за 1000 лет до возникновения России дал миру многие изобретения; современные достижения и культура этой страны вызывали восторг даже у бурно развивавшегося русского народа. Доктрина, согласно которой каждая страна должна найти свой собственный путь к социализму, после недолгого признания в странах Восточной Европы в первые послевоенные годы была похоронена под нажимом национализма в период холодной войны, но теперь она снова получила признание, и на этот раз окончательно. Продолжавшийся в течение 20 лет кошмар «капиталистического окружения» закончился не вследствие заключения союза с Рузвельтом и Черчиллем, как на то надеялся Сталин, а в результате союза с Пекином. Американские военно-воздушные базы по-прежнему угрожали Советской стране, но с дальних дистанций; они не могли более «сдерживать Россию». А растущая советская экономическая мощь и достижения СССР в деле создания атомных и водородных бомб показали, что в недалеком будущем наступит полное военное равновесие между Востоком и Западом и решающим оружием в их борьбе станут торговля и экономическая помощь.

Одно событие, относящееся к 1950 году, способствовало установлению подобного равновесия. Вашингтон вовлек Организацию Объединенных Наций в корейскую войну, которую во всей Азии расценивали как попытку интервенции против нового Китая. Со времени этой войны господствующее влияние США пошло на убыль — сначала в Азии, затем и в Европе. У советского народа появилась надежда добиться наконец не только процветания, но и мира, возможно даже длительного мира, основанного не на союзе с Лондоном и Вашингтоном, а на великом стремлении к миру и процветанию со стороны бывших колониальных народов, добившихся независимости.

Итак, колесо истории совершило полный оборот. Народ, который в 1927 году отказался от курса на мировую революцию и замкнулся в себе, чтобы построить социалистическое общество в одной стране, находящейся во вражеском окружении, теперь снова начал всемирный поход. Но это был поход не за мировую революцию, а за мир во всем мире. Не за мир с «позиции силы», о котором непрерывно толкуют империалистические политики типа Даллеса, а за мир, опирающийся на активные действия народов, которые добиваются его как с помощью своих правительств, так и через голову правительств. «Мирное наступление» Советского Союза получило всеобщую известность. «Мирное наступление Кремля представляет собой сложную проблему для Запада», отмечала 28 декабря 1952 года «Нью-Йорк таймс». В 1951 году настойчивые заявления Сталина о том, что «сосуществование возможно», трижды вызывали смятение на фондовой бирже. СССР стал также инициатором кампании по сбору подписей под воззванием о запрещении атомного оружия; СССР добился этой цели и дипломатическим путем. Граждане СССР, снова вступив в тесный контакт с другими народами, боролись за мир, активно участвуя в кампаниях в связи со Стокгольским воззванием в защиту мира, за заключение пакта между пятью великими державами, а также участвовали в движении сторонников мира. Они добились того, что под всеми этими воззваниями подписались почти половина взрослого населения мира!

В последние годы жизни Сталина эта мирная политика проводилась не только средствами дипломатии и пропаганды, но и с помощью возросшей экономической мощи Советского Союза. В апреле 1952 года в противовес навязанным американцами ограничениям в торговле с советским блоком в Москве было создано международное экономическое совещание для того, чтобы по-деловому обсудить перспективы развития мировой торговли, не вступая в дискуссии по идеологическим вопросам. Только один из 400 делегатов

совещания нарушил это единодушно принятое правило: представитель из Сан-Франциско настойчиво уверял, что «свободное предпринимательство — наилучшая система». Русские только усмехались. И они имели на то основание, ибо, как отметил в том же году Говард Смит: «Уровень жизни в Москве повысился сверх всяких ожиданий».

Советские делегаты добивались осуществления своих целей с уверенностью, присущей истинно деловым людям. Агентство Ассошиэйтед Пресс отметило, что «г-н Нестеров, председатель русской торговой палаты, точно указывал на слабые места в экономике других стран и предлагал им преодолевать их с помощью торговли с СССР». «Русские предложили, — писала «Уолл-стрит джорнел» 15 апреля 1952 года, — закупить английские и японские товары, не находящие сбыта на рынке, а также снабдить страны Западной Азии и Европы рядом товаров, в которых они остро нуждаются: зерном, лесом и некоторыми видами сырья. Они предложили Индии поставлять ей конструкционную сталь... Они согласились получать оплату в иностранной валюте... Они предложили заключить бартерные соглашения... Все это выглядит весьма заманчиво». «Нью-Йорк таймс» писала 20 апреля: «Предложения русских нанесли удар по самому больному месту Запада, ибо в Европе растет безработица... из-за отсутствия рынков сбыта».

Иными словами СССР предложил капиталистическому миру помощь, благодаря которой тот мог бы еще немного продлить свое существование. Какую же цель преследовал Советский Союз? Смягчить напряженность, оградить от качки корабль мира, чтобы все народы в спокойной обстановке могли сделать свой выбор между различными экономическими системами. В конце концов русские могли ждать: время работало на них.

Последней опубликованной работой Сталина была краткая речь, произнесенная им на XIX съезде партии в октябре 1952 года. Со времени предыдущего съезда, состоявшегося в 1939 году, прошло 13 лет; за эти годы СССР пережил тяжкую разруху и снова залечил раны. «Съезд собрался в атмосфере глубочайшей уверенности в том, что советский блок сможет встретить и вынести любые испытания, какие бы ни принесло ему будущее, — писал в «Нью-Йорк таймс» Гаррисон Солсбери. Вместо Сталина с основным докладом на съезде выступил Георгий Маленков. Советский народ воспринял этот факт как знак того, что Сталин выдвигает Маленкова как своего преемника и готовит его к тому, чтобы передать ему дела. Сам Сталин опубликовал работу «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой он, в частности, дал оценку современного международного положения и указал на возможные пути его дальнейшего развития. Он заявил, что экономическим результатом второй мировой войны явился распад единого всеохватывающего мирового рынка, на смену которому пришли «два параллельных мировых рынка... противостоящих друг другу.²³ Страны советского блока под давлением экономической блокады, которому подверг их Запад, укрепили свою экономику, сплотились и создали для себя «новый мировой рынок». Капиталистический мировой рынок, сузившийся вследствие прекращения торговли с СССР, будет сужаться еще больше, а это в свою очередь будет вести к обострению непримиримых противоречий в капиталистическом мире. СССР, заявил Сталин, «сам не нападает на капиталистические страны» и капиталисты «сами не верят в его агрессивность»²⁴. Эту мысль Сталин высказывал и прежде, но теперь он еще в первый раз предсказал, что капиталистические страны побоятся напасть на СССР, ибо «война с СССР обязательно должна поставить вопрос о существовании самого капитализма»²⁵. Таким образом, Сталин пришел к выводу, что скорее следует ожидать войны между капиталистическими странами, чем между капиталистами и советским блоком.

²³ И.В.Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, М. 1952, с. 31 - Прим.ред.

²⁴ Там, же стр.34

²⁵ И.В.Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, М. 1952

Это предсказание, сделанное в период, когда в Вашингтоне еще бушевали маккартистские страсти холодной войны, многим казалось фантастическим. Но Сталин предвидел наступление того равновесия военной мощи, которое привело впоследствии к Женевскому совещанию глав правительств четырех великих держав. В росте нейтрального блока в Азии и усилении роли Китая в этом блоке Сталин распознал те факторы, которые явились предпосылками будущей Бандунгской конференции.

Ленин в своем завещании оставил своим товарищам по партии характеристику ряда партийных руководителей. Завещанием Сталина явился анализ тенденций экономического и политического развития современного мира.

Такой огромный путь прошла за 30 лет страна, которую он вел вперед.

Х. Сталин. После Сталина

«Вожди приходят и уходят, а народ остается.

Только народ бессмертен».

Эти слова сказал Сталин, обращаясь в октябре 1937 года к советским рабочим-металлургам. В начале марта 1953 года Сталин ушел, а народ остался. И народу предстояло определить место Сталина в истории.

В Москве женщины с опухшими от слез глазами стояли у громкоговорителей. Ассошиэйтед Пресс передало слова одной молодой домашней хозяйки:

«Можно ли представить себе степь без ее широких просторов?

Волгу — без воды?

Россию — без Сталина?»

Один корреспондент Ассошиэйтед Пресс услышал о смерти Сталина в автобусе. Слезы текли по щекам шофера. «Простите меня, — сказал шофер, — но это был такой человек... Совсем недавно он лично руководил битвой под Москвой из небольшого домика вблизи линии фронта». Позже пришли известия о том, что заключенные в концентрационных лагерях на востоке с ликованием восклицали, что теперь, когда «старик» умер, их освобождение приблизилось. Сталин оставил глубокий след во всех областях жизни советского

общества; деятельность его в значительной мере определяла и все успехи и все то зло, какие познало это общество на протяжении почти тридцати лет.

Во всем мире и государства и отдельные лица спешили определить и выразить свое отношение к смерти Сталина. В Пекине газеты вышли в траурной рамке. Во Франции по приказу министра обороны в знак траура были приспущены флаги, депутаты Национального собрания стоя выслушали речь Эррио, в которой он почтил память «вождя, внесшего свой вклад в дело освобождения нашей страны от нацистов». На Уолл-стрите курс акций упал в общей сложности на миллиард долларов; впрочем, через два дня прежнее положение было восстановлено. Гарри Трумэн обеспечил себе место в истории, заявив: «Я всегда с сожалением узнаю о смерти знакомого мне человека».

Значительная часть откликов в США на смерть Сталина была менее учтивой. «Сталин прямым рейсом отправился в ад... Лучшее, на что мы можем надеяться, — это внутренняя война в СССР за наследование власти Сталина», — так по-христиански откликнулась на смерть Сталина «Лос-Анджелес таймс». Президент Эйзенхауэр уточнил эти наглые расчёты. Выразив официальные соболезнования, «только официальные», как подчеркнула печать, правительство объявило, что должны быть «приняты энергичные меры для того, чтобы воспользоваться ситуацией, возникшей в СССР, должны быть использованы все средства пропаганды и другие более решительные меры для поощрения раздоров внутри России и раскола между Советским Союзом и его сателлитами». Американские войска в Корее воспользовались пятиминутным молчанием, которое в назначенное время наступило сразу во всем коммунистическом мире, для того чтобы «начать мощный артиллерийский обстрел».

Западную Европу неприятно поразила такая реакция Америки. Европейцы, каковы бы ни были их политические убеждения, с уважением отнеслись к чувствам великого народа, скорбевшего о вожде, которому, как никому другому, Европа была обязана победой над нацизмом. По контрасту с отношением Америки люди вспоминали, как встретила Москва известие о смерти Франклина Делано Рузвельта. Молотов немедленно, в два часа ночи, прибыл в посольство США и удивил посла Уолтера Беделла Смита, проявив самое искреннее горе. Даже официанты в ресторанах обслуживали американцев с подчеркнутой симпатией — все в СССР оплакивали человека, который стремился вместе со Сталиным к установлению прочного мира во всем мире. Смерть Сталина предоставила Америке случай, проявив благородство, сгладить прежние трения в отношениях между США и СССР. Но Вашингтон проявил только злорадство.

Однако все — и те, кто оплакивал Сталина, и те, кто оскорблял оплакивающих, — соглашались с тем, что историческая роль Сталина очень велика. Даже «Лос-Анджелес таймс» нашла нужным ежедневно на протяжении нескольких дней посвящать пять страниц подробностям болезни Сталина и его смерти. В 1924 году газеты не уделили бы ему и пяти строк. Я с уверенностью говорю об этом, так как еще в апреле 1924 года я написала для «Херстс интернэйшнл мэгэзин» первую из всех когда-либо напечатанных в Америке статей о Сталине. «Сталин не занимает никакого поста в правительстве, — писала я тогда, — но если у Ленина будет вообще какой-либо преемник, то им будет Сталин. Мне говорили об этом русские коммунисты. Тогда мои слова остались незамеченными в Америке; никто не заинтересовался ими. Но теперь, двадцать девять лет спустя, Говард Смит писал из Европы: «В первой половине двадцатого века Сталин больше сделал для изменения мира, чем любой другой человек, живущий в эту эпоху». Пусть эти слова послужат эпитафией Сталину от имени человечества.

Благодаря Сталину Россия стала великой державой и первым в мире социалистическим государством. Тем самым он придал силы и помог сформироваться новому националистическому движению в Азии, особенно в Китае, а также движению за «государство всеобщего благосостояния» на Западе. «Он в корне изменил отношение Запада к рабочему человеку», — отметил Говард Смит. Все идеи государственного планирования «нового курса» в США и «государства всеобщего благосостояния» в Англии возникли в ходе соревнования с русскими

пятилетними планами. Их целью было предотвратить революцию, которую мог бы вызвать мировой экономический кризис 1929 года.

Итак, Сталин оказал глубокое влияние на историческое развитие всех стран мира независимо от того, выступали ли они вместе с ним или против него.

В последнее время советским людям кажется, что уже в то время, когда они оплакивали Сталина, к их горю примешивалось сознание, что Россия пережила определенную эпоху и начинается новый период, когда много должно измениться, и прежде всего жизнь должна стать свободней, чем она была при «старике». Действительно ли советские люди испытывали тогда подобное чувство или они просто переносят в прошлое свои теперешние мысли, все равно эти мысли справедливы. Поистине окончилась эпоха, и Сталин ушел вместе с ней. Смерть человека, сделавшего свое дело, всегда означает шаг вперед в жизни народа. Моисей узрел обетованную землю, но ему не дано было вступить в нее. Сталин предсказал будущее, но он не смог бы сыграть ведущую роль в этом будущем. Слишком тяжелый груз лег на его плечи.

Мне кажется, что, прочтя последнюю работу Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», никто не скажет, что она свидетельствует о старческом маразме Сталина. Отдельные его положения можно оспаривать, но в целом эта работа представляет собой прогноз будущего развития мира, сделанный человеком, который ясно видел этот мир во всех его взаимосвязях. Он видел, что период построения социализма в одной стране закончился, что социализм вышел за пределы одной страны, охватив уже треть человечества, что этот факт заставляет по-новому строить все вопросы и по-новому отвечать на них.

Сталин умом понял все это, но не смог перестроиться сам применительно к новым условиям. Косность старости, которой никто не может избежать, тяготела над ним. Хотя он прозорливо видел новое будущее, но его врожденные чувства и черты характера были связаны с эпохой «капиталистического окружения», когда замкнутость и подозрительность служили ему первоочередной защитой. Эти черты характера все углублялись; с годами и с укреплением власти Сталин становился все более подозрительным и деспотичным, все более он проникался убеждением, что малейшее несогласие с ним равносильно контрреволюции. Есть люди, которые считают все это проявлением паранойи. Мне кажется, что этот термин не определяет точно сути дела. Я бы сказала иначе: «Власть развращает. Никто в наше время — да, пожалуй, и за всю историю — не пользовался такой властью и столь длительное время, как Сталин». Настало время, когда Сталину надо было уйти, пока ум его еще был по-прежнему ясен, а страна его шла по пути прогресса, уйти прежде, чем новая эра не выдвинула задач, для решения которых потребовалась бы гибкость, утраченная им. Уже появились зловещие признаки этой коллизии: фантастическое дело врачей, которое Сталин, повидимому, воспринял, как совершенно достоверное, выглядело как возобновление безумия 1937 года.

Вот почему советские люди, хотя и оплакивали своего вождя, понимали, что они стоят на пороге новой эпохи, что пришло время идти дальше того, к чему привел Сталин.

Не прошло и месяца после смерти Сталина, как «мирное наступление», которое весь мир привык уже считать чем-то обычным для Москвы, усилилось до такой степени, что это позволило многим американским журналистам назвать его «мирным блицкригом». Казалось, Москва и Пекин предпринимают решительные шаги с тем, чтобы уладить все свои разногласия с Западом. 22 марта 1953 года московское радио несколько раз повторяло: «Все нерешенные вопросы могут быть улажены мирными средствами». 28 марта Москва объявила о широкой амнистии заключенных. 29 марта Пекин предложил обменяться больными и ранеными пленными в Корею, по существу, на условиях, выдвинутых ранее Америкой. Два дня спустя Пекин выразил готовность решить всю проблему военнопленных в целом на условиях, близких к плану, предложенному Индией и уже принятому ООН. В течение следующих трех дней в газетах можно было прочитать еще три заголовка,

возвещавших о дальнейшем смягчении напряженности: «Русские уступают в вопросе о разоружении», «Молотов предлагает помочь заключению перемирия в Корее» и «Россия проявляет добрую волю в германском вопросе». События достигли кульминационной точки 4 апреля, когда пришло известие: «Девять врачей в Москве выпущены на свободу; объявлено, что они не виновны».

К этому времени даже слепым и глухонемым стало ясно — в Москве что-то изменилось. Бывало ли когда-нибудь, чтобы правительство решилось признать: «Те показания, о которых мы сообщали несколько месяцев назад, были сфабрикованы?» «В Вашингтоне существует мнение, что русское мирное наступление представляет собой самое важное событие за период, прошедший со времени окончания второй мировой войны», — заявил «Ньюсуик».

8 августа 1953 года Москва объявила, что она обладает водородной бомбой. Американское радио безумствовало, со всеми подробностями расписывая, каким образом русские будут уничтожать наши города: они, мол нападут «по всей вероятности, через полюс» и «возможно, уже завтра на рассвете». Пентагон заговорил о превентивной войне: «Мы не можем допустить, чтобы... Россия накапливала водородные бомбы... Мы должны действовать, чтобы... уже в этом году остановить гонку вооружений, осуществляемую Россией». Но Москва хладнокровно переключила ряд танковых заводов на производство тракторов, возобновила дипломатические отношения с Югославией и в шестой раз снизила цены на потребительские товары. Для капиталистического мира это непоколебимое спокойствие было страшнее водородной бомбы; ведь это спокойствие основывалось на том факте, что производство потребительских товаров на душу населения в России превысило уровень, достигнутый Италией, и вплотную подошло к уровню, достигнутому Францией²⁶.

Дело мира укрепилось еще больше в 1954 году. На Женевском совещании, в котором участвовал Китай и которое пытался сорвать Даллес, был подписан договор о прекращении войны в Индокитае. Однако к концу года «партия войны» в Вашингтоне добилась некоторых успехов, встревожив весь мир. Соглашение о ремилитаризации Германии, которое вызвало тревогу у большинства европейцев, наконец под американским нажимом удалось протолкнуть через парламенты Франции и Италии. Было объявлено, что стратегия НАТО впредь будет основываться на применении атомного оружия. Всем европейцам стало ясно, что в случае войны Европе неизбежно предстоит гибель, независимо от того, какая из сторон победит. Наконец, в последние дни января 1955 года конгресс США предоставил президенту Эйзенхауэру полную свободу действия в отношении использования любых военных мер против Китая. Таким образом, по усмотрению одного лишь человека могли быть приведены в движение силы, способные разрушить мир; не удивительно, если стало казаться, что наша планета неудержимо стремится к собственной гибели в последней войне.

Москва ответила самым энергичным «мирным наступлением», какое она когда-либо предпринимала. Оно началось поспешным заключением мирного договора с Австрией, который откладывался в течение десяти лет из-за разногласий между Востоком и Западом. В начале апреля австрийский канцлер был приглашен в Москву; через неделю он возвратился в Австрию с проектом договора, согласно которому Москва пошла на столь значительные уступки, что, несмотря на некоторое беспокойство в Вашингтоне, договор был подписан всеми великими державами 15 мая 1955 года. Главное требование, выдвинутое Советским Союзом, состояло в том, чтобы Австрия оставалась нейтральной в любом споре между Востоком и Западом; австрийцы с удовлетворением согласились на это условие. В том же месяце Москва выступила еще с одним проектом «по вопросу о разоружении», который на этот раз основывался на выдвинутых ранее англофранцузских предложениях. Но этот проект успеха не имел: он был отвергнут Вашингтоном.

Русские не остановились на заключении мирного договора с Австрией. Вскоре премьер Булганин и первый секретарь Центрального Комитета партии Хрущев совершили очередную поездку — на этот раз в Белград, где

²⁶ Нью-стейтсмен нейшн" от 15 августа 1953 г.

они принесли Тито свои извинения (пожалуй, чрезмерные) по поводу злополучного разрыва с Югославией. Пожертвовав своим престижем, но, не теряя бодрости, Советский Союз посредством этого необычного шага обеспечил нейтралитет еще одной стране, занимающей важное стратегическое положение на юго-востоке Европы, причем были созданы предпосылки для дальнейшего укрепления дружественных отношений между СССР и Югославией. К концу весны 1955 года стало ясно, что Москва стремится создать пояс стран-нейтралов, который бы протянулся поперек всей Европы, разделяя Восток и Запад и ликвидируя возможность пограничных провокаций. Среди немцев усилилось стремление к восстановлению единства Германии не на основе перевооружения, а на основе такого нейтралитета.

В те же самые месяцы, в апреле-мае 1955 года, представители двадцати девяти стран Азии и Африки собрались в Бандунге (Индонезия) и единодушно приняли программу взаимной помощи. Впервые в истории прозвучал голос представителей народов, которые насчитывают 1400 миллионов человек, издавна составляющих обездоленное большинство человечества. В Бандунг прибыли представители крупных нейтральных государств — Индии, Бирмы, Индонезии, — по инициативе которых и была созвана эта конференция. На ней были представлены феодальные арабские государства, народы Африки, обитающие в джунглях, промышленно развитая Япония и ряд мелких государств, находящихся на содержании Вашингтона, которые своими нападениями на коммунистов старались спровоцировать раскол на конференции. Среди участников конференции был также коммунист Чжоу Эн-лай, премьер-министр Китая, который не поддался провокациям, заявив: «Я приехал в Бандунг не для того, чтобы ссориться; я приехал сюда для совместной работы на благо всех представленных здесь народов». Благодаря государственной мудрости Чжоу Эн-лая и премьер-министра Индии Неру все страны, представленные на конференции, пришли к единодушному решению: 1) торговать друг с другом и оказывать друг другу экономическую помощь; 2) наладить обмен информацией и обмен студентами; 3) добиваться того, чтобы все без исключения страны были приняты в Организацию Объединенных Наций; 4) добиваться запрещения производства, испытаний и использования атомного и термоядерного оружия.

Советский Союз не был приглашен на конференцию в Бандунг, поскольку там были представлены только страны Азии и Африки. Но главные советские руководители Булганин и Хрущев после посещения Югославии побывали в Индии, Бирме и Афганистане, где они встретили исключительно теплый прием. Булганин и Хрущев по их прибытии в Калькутту встречали такие толпы людей, каких не было даже на церемонии сожжения Ганди. Индийцам нравилась непринужденность русских. Им понравилось, как Булганин, которому стало тяжело нести все венки, повешенные ему на шею в знак приветствия, снял несколько венков и сам надел их на хозяев, принимавших русских гостей. Они были очень довольны, когда однажды Хрущев вдруг взял у крестьянина серп и показал, что тоже умеет жать. Но в особенности понравилось индийцам то, что эти выдающиеся иностранцы надели шапочки, подобные тем, какие носил Ганди, и переняли характерный приветственный жест, который принят в Индии вместо западного рукопожатия: руки складываются ладонями вместе и подносятся к груди, как при молитве. «Почему прежде никто из приезжавших не поступал так же?» - спрашивали индийцы. Нетрудно ответить на этот вопрос. Никто из приезжих с Запада не относился к индийцам, как к равным, и не считал нужным, находясь в Индии, из учтивости соблюдать обычаи, принятые в этой стране. Для русских же, напротив, это было, по-видимому, совершенно естественным.

В результате этой поездки Булганин и Хрущев были заключены многочисленные торговые соглашения и опубликована совместная декларация, подписанная Неру и русскими руководителями. В декларации провозглашалось, что следует вернуть Китаю его «законное место» в Организации Объединенных Наций и признать его «законные права на Тайвань»; что атомное и термоядерное оружие должно быть «безусловно запрещено», что для обеспечения мира нужны «не военные блоки», а «культурные и экономические связи». В этой декларации, а также в декларации, провозглашенной в Бандунге, получили выражение взгляды, которых придерживались две трети человечества.

Стремление народов к целям, выдвинутым в этих документах, было столь эффективным, что в период предвыборной кампании в Англии весной 1955 года самым жгучим из всех вопросов был следующий: «Сделал ли Иден все от него зависящее для того, чтобы спасти нас от термоядерной войны?» Желая помочь Идену победить на выборах, а также уступая требованиям, содержащимся в письмах, которые в огромных количествах получал Эйзенхауер, Соединенные Штаты наконец согласились на проведение переговоров глав четырех великих держав. Эта встреча, от которой Вашингтон отказывался в течение десяти лет, была назначена на июнь 1955 года. Местом встречи избрали Женеву.

Тем временем в конце июня в Сан-Франциско собралась очередная, десятая ежегодная сессия Генеральной ассамблеи ООН. Сессия, которая должна была пройти как обычная юбилейная сессия, превратилась в мощный митинг в защиту мира во всем мире. Это произошло под воздействием следующих трех факторов. Народы мира, стремящиеся к безопасности в атомный век, возлагали свои надежды на ООН. Страны — участницы Бандунгской конференции, на которой была представлена большая часть человечества, чем в ООН, также добивалась осуществления идей Бандунга через посредство Организации Объединенных Наций. Наконец, СССР послал на юбилейную сессию делегацию в составе восьмидесяти человек во главе с министром иностранных дел Молотовым. Придав такое важное значение этой сессии, Советский Союз заставил и Вашингтон отнестись к ней со всей серьезностью. В Сан-Франциско прибыл не только Даллес, но и Эйзенхауэр. Присутствие всех этих ответственных руководителей позволило вести дискуссию на столь же высоком уровне, что и в Женеве.

И вот пресса, которая настойчиво твердила, будто организация встречи Большой четверки не есть дело ООН, была вынуждена отметить, что именно в выступлениях на сессии ООН получили выражение надежды и мольбы всего мира, обращенные к приближающейся конференции глав правительств. Таким образом, попытки Вашингтона обойти ООН получили отпор: организационная подготовка к женевской встрече перешла в руки ООН. Престиж Организации Объединенных Наций достиг небывалой высоты — не в силу ее собственных заслуг, а благодаря обращенным к ней нуждам человечества, которые прозвучали в речах Молотова и представителей стран-участниц Бандунгской конференции.

Наконец, в первый раз за послевоенные десять лет главы правительств четырех великих держав встретились в Женеве в конце июня 1955 года. Дружественные переговоры между Эйзенхауэром и Булганиным породили надежду во всем мире. «Холодная война» похоронена», — ликуя, отмечала «Журналь де Женев». Дель-Вайо в журнале «Нэйшн» дал аналогичную оценку значения Женевской конференции: «Она нанесла смертельный удар холодной войне».

Даллес подытожил результаты Женевского совещания в циничной фразе, сказанной им одному из репортеров: «Мы не очень то пошли на уступки». Булганин дал оценку этому совещанию в исторической речи на Сессии Верховного Совета СССР: «Оно смягчило международную напряженность... и явилось поворотным пунктом в развитии наших отношений с Западом». «Колумбия бродкастинг систем» дала краткий фактический отчет об итогах совещания: «Женева ничего не решала... Никогда и не предполагалось, что там будет что-либо решено... Участники совещания согласились лишь в одном: необходимо пытаться прийти к соглашению. Тем не менее совещание может ознаменовать начало нового этапа в истории». И все эти разноречивые оценки справедливы. Ни одна из сторон «ни в чем не уступала» другой. Но обе стороны впервые за много лет обсуждали политические проблемы в спокойном тоне. Обе стороны недвусмысленно признали, что цели их политики не могут быть достигнуты термоядерной войной, поскольку такая война принесла бы гибель народам их стран. Обе стороны согласились, таким образом, хотя бы на время, стремиться к осуществлению целей иными путями.

Итак, холодной войне настал конец. В основе ее лежала атомная монополия Америки; ее началом послужил взрыв атомной бомбы над Хиросимой. Однако успехи СССР в области экономического развития и в создании

атомного и термоядерного оружия, усиление нового Китая — союзника СССР, образование нейтрального блока в Азии — все это факторы, приведшие спустя десять лет к окончанию холодной войны. Когда главы государств признали, что установилось равновесие атомной мощи, это устранило главное орудие холодной войны.

Москва продемонстрировала свою веру в окончание холодной войны, возвратив Финляндии военно-морскую базу в Поркале на том основании, что отпала необходимость в ее использовании, и сократив свои вооруженные силы на 640 тысяч человек, а затем, в начале 1956 года, еще на 1200 тысяч человек. Вашингтон не сделал ни одного подобного шага, однако огромные военные программы НАТО и СЕАТО оказались подорванными изнутри. Повсюду стали признавать, что на повестке дня стоит скорее экономическое, чем военное соревнование.

В феврале 1956 года собрался XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, чтобы проанализировать новый исторический этап. В основном докладе на съезде Хрущев подвел впечатляющий итог советским достижениям. За пять лет производство промышленной продукции увеличилось на 85 процентов, оно возросло в двадцать раз с 1928 года, когда приступили к осуществлению первого сталинского пятилетнего плана. Состояние сельского хозяйства было неудовлетворительным. Однако, стремясь покончить с нехваткой сельскохозяйственных продуктов, партия призвала патриотов на освоение целинных земель в Казахстане и в Сибири. Эта традиция призывать добровольцев для участия в общественно важных кампаниях ведет свое начало еще со времен Ленина. И теперь оно еще раз оправдало себя.

Корреспонденты отметили, что Хрущев говорил о коммунизме так, как если бы это была общепризнанная «историческая необходимость». Советские руководители не беспокоились о свержении капитализма; по их мнению, капитализм и без того идет к своей гибели. Их занимали проблемы планомерного развития социализма, быстрого повышения жизненного уровня, развития международных связей, которые могли бы содействовать укреплению мира. Следующим пятилетним планом предусматривалось повышение заработной платы на 30 процентов, переход на семичасовой рабочий день и сорокачасовую рабочую неделю, отмена платы за обучение не только в начальной школе, но и в средней и высшей школе. Предусматривалась и некоторая децентрализация системы управления. Уже ко времени XX съезда в Азербайджане, например, крупные предприятия нефтяной промышленности на 80 процентов находились в ведении республиканского, а не союзного правительства. Но самой важной мерой было решительное ограничение прерогатив политической полиции, неуклонное расширение гражданских прав.

Для внешнего мира наиболее интересным вопросом разбиравшихся на съезде была оценка нового международного проложения. Съезд провозгласил, что период построения социализма в одной стране закончился, поскольку теперь существует уже целая система социалистических государств, объединяющая третью часть человечества. Посредством развития дружественных отношений между этой социалистической системой и нейтральным блоком может быть создана «зона мира», охватывающая две трети человечества и представляющая собой силу, достаточную для того, чтобы обеспечить мир во всем мире. Отсюда был сделан вывод о возможности предотвращения войн. Основное марксистское положение о том, что капитализм неизбежно порождает войны, не отрицалось. Но оно было дополнено новым положением, гласящим, что некапиталистический мир может в настоящих условиях стать силой, способной предотвратить войну, если только эта сила будет применяться разумно и гибко.

Кроме того, на съезде было заявлено, что страны, осуществляющие переход от капитализма к социализму, вовсе не должны обязательно повторять путь, пройденный Россией. Каждая страна найдет свою дорогу к социализму, причем в некоторых странах, может быть, этот переход совершится парламентарным путем.

Положение о том, что социализм возникает в результате вооруженного восстания рабочего класса, не было отвергнуто, оно лишь было признано недостаточным. Новые формы перехода к социализму стали возможны потому, что существует мощный мировой лагерь социализма. Этот новый тезис, выдвинутый на съезде, собственно, представлял собой констатацию того, что действительно уже произошло. Ни одно из новых социалистических государств не копировало русского пути. В странах Восточной Европы к социализму шли через коалиционные правительства. В Китае также коммунисты действовали сначала в коалиции с Чан Кай-ши, а когда он разорвал этот союз, развязав гражданскую войну, коммунисты разбили его опять-таки с помощью коалиции — теперь уже с античанкайшистскими силами, в том числе даже с «национальной буржуазией».

Осознание этих изменений привело также к пониманию того факта, что эра Сталина кончилась, что сталинизм, который долгое время навязывался в качестве абсолюта, представлял собой стратегию минувшей эпохи, и что пришло время для новой стратегии и новых путей. Вот почему многие ораторы на съезде выступили с анализом и критикой прошедшей эпохи.

Эта критика была в основном сдержанной и плодотворной. Делегаты расценили внешнюю политику минувшего периода как слишком жесткую и изоляционистскую. Разрыв с Югославией рассматривался как грубая ошибка. Отмечалось, что роль нейтральных стран недооценивалась. Некоторые ораторы говорили о недостатках, допущенных при ведении войны. Самой решительной критике была подвергнута политическая полиция, которая, пользуясь неограниченной властью, осудила тысячи невиновных людей и попраля «советские демократические права». Причиной всех этих ошибок был признан «культ личности», то есть обожествление Сталина, который, особенно в последние годы, единолично принимал решения и пользовался бесконтрольной властью.

Такого рода критика при всей своей неожиданности все же не содержала в себе ничего сенсационного. Но на заключительном заседании съезда Хрущев сделал закрытый доклад только для делегатов, который не был опубликован в печати: Хрущев сам заявил, что этого не следует делать. Этот доклад явно был продиктован чувством, возникшим, вероятно, в результате ознакомления с тысячами незаконных дел, которые были пересмотрены за последние три года. Несколько месяцев спустя государственный департамент США опубликовал документ, который был объявлен, а может быть и действительно являлся, частью закрытого доклада Хрущева. Советское правительство не выступило ни с опровержением, ни с официальным подтверждением подлинности распространенного госдепартаментом документа. Из этого можно заключить, что этот документ содержал слишком много фактов, чтобы его можно было опровергнуть, но в то же время был составлен в тоне, недостаточно уравновешенном для того, чтобы его можно было опубликовать в качестве официального документа.

На протяжении всей этой книги я использовала содержащиеся в закрытом докладе Хрущева данные, которые разоблачают тяжкие ошибки прошлого. В соответствующих местах книги я дала свою оценку многих положений этого доклада. Я не считаю его абсолютно неоспоримым, ибо не все его положения обоснованы, а также потому, что приведенные в нем факты не получили достаточно полной оценки в свете объективных исторических условий соответствующего периода. Из доклада не ясно даже, знал ли Сталин обо всех тех эксцессах, причастность к которым приписывает ему Хрущев. Следует учесть также, что государственный департамент опубликовал этот документ с целью дискредитации Советского Союза и что ему в немалой степени удалось этого добиться. Я не могу рассматривать доклад Хрущева как окончательное заявление Советского Союза, поскольку ни Советское правительство, ни Хрущев не опубликовали его как таковое.

В настоящее время невозможно дать окончательную оценку эры Сталина. Сталин — один из тех людей, которых судит история, чья деятельность становится более понятной лишь с течением времени. Во всяком случае, мы знаем о деятельности Сталина следующее: в 1928 году он выдвинул программу построения социализма в одной стране — в отсталой, крестьянской стране, окруженной враждебным миром. Когда Сталин начинал свое дело, Россия была крестьянской, неграмотной страной; когда он кончил, Россия стала второй

индустриальной державой мира. Сталину дважды пришлось решать задачу новой экономики: в первый раз еще до гитлеровского нашествия и во второй раз — после войны, в результате которой страна покрылась руинами. Сталин был организатором всей работы, вот почему он заслужил свою славу.

Он был безжалостен, ибо он родился в жестокой стране и с детства испытал на себе самое жестокое обращение. Он был недоверчив, ибо он пять раз подвергался аресту и ссылке и, должно быть, не раз становился жертвой предательства. Он извинял — и даже санкционировал — акты насилия, чинившиеся политической полицией над невиновными людьми, однако никто еще не доказал, что Сталин знал об их невиновности. Нам кажется более вероятным, что эти преступления были обусловлены сложным переплетением причин, в частности, склонностью Сталина к подозрительности и склонностью Центрального Комитета к безоговорочному утверждению всех предложений Сталина. И хотя все эти преступления действительно имели место, все же нетрудно доказать, что Сталин не лицемерил, утверждая, что люди — это самый ценный капитал любой страны. Он посвятил всю свою жизнь устранению препятствий, мешавших осуществлению справедливых чаяний трудящихся, которые остались бы угнетенными и темными, не будь Сталина с его пронизательностью и разумом. Благодаря ему они стали руководителями в сельском хозяйстве, в промышленности, в авиации.

Постоянная угроза войны, приближающаяся старость, расширение личной власти, все большая напряженность в борьбе за лучшее будущее мира — таковы, как мы уже говорили, факторы, под воздействием которых Сталин становился все более деспотичным и самовластным. Однако в распространении «культы личности», который объявлен теперь корнем всех зол прошлого, обожествлявшийся повинен не в большей мере, чем обожествлявшие его. Даже когда будет собрано и подсчитано все, что только может быть сказано против Сталина, и то, я думаю, нельзя будет сомневаться, что в России не был бы построен социализм, если бы не те бешенные темпы, которые навязал своей стране Сталин начиная с 1928 года. Обратившись к истории, нетрудно увидеть, что все другие лидеры — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин — вели к поражению. В отличие от Сталина никто из них, я думаю, не обладал ни необходимым пониманием народных нужд, ни достаточно твердым характером и сильной волей.

В первые годы после революции многие способнейшие марксисты в России и за ее пределами считали, что построение социализма в России невозможно. Русские не раз говорили мне в начале тридцатых годов: «Мир очень много потерял из-за того, что первое социалистическое общество строится в нашей отсталой стране. Было бы лучше, если бы его построили вы, американцы, или хотя бы эти трудолюбивые немцы. А какой социализм можем построить мы, отсталый народ?»

Сталин заявил: «Либо мы построим социализм, либо в ближайшие десять лет мы будем разбиты иностранными захватчиками».

И русские построили социалистическое общество, которое выдержало иностранное вторжение. Таким образом, Сталин оказался прав. Но и те, кто сомневался, тоже были отчасти правы, ибо социализм, построенный в России, не был тем обществом, о котором мечтали люди, обществом, основанном на полной свободе и изобилии. Социалистическому обществу в России были присущи многие недостатки. В какой мере эти недостатки были обусловлены личными качествами Сталина, и в какой мере они были порождены былой отсталостью России, деятельностью нацистской пятой колонны и постоянной угрозой войны? Когда-нибудь, изучив этот вопрос, историки по-разному будут оценивать значение каждого из этих факторов.

Одно будет для них бесспорно. Если можно вообще приписывать одному человеку решающую роль в событиях, которыми он руководил, то следует сказать, что Ленин совершил Русскую Революцию, а Сталин создал первое в мире социалистическое общество. Что касается недостатков этого общества, то они могут быть теперь устранены.

Исправление ошибок, допущенных в самом Советском Союзе, — не столь уж трудная задача; она вполне может быть решена силами воодушевившегося народа, руководимого достаточно компетентными и преданными людьми. Необходимый для этого общественный строй уже существует; существует также известное

благополучие и решимость народа устранить все недостатки. Труднее исправить ошибки, допущенные при Сталине во взаимоотношениях внутри советского блока в Восточной Европе.

Когда в связи с недавними событиями западная печать запестрела кричащими заголовками «Революция в Польше», «Гражданская война в Венгрии», то эксперты на Западе уже предвкусывали «конец господства Москвы». В ответ на это правительства в Варшаве и Будапеште заявили, что дружба между их странами и Советским Союзом «нерушима» и что они стремятся только к «суверенитету» и «равенству». Но что могут значить эти слова? Эти страны слишком запоздали со своими требованиями — время для их существования давно прошло.

Что означает «суверенитет» какой-либо страны в современном мире? Что означает «равенство», если дело идет о взаимоотношениях между страной вроде Польши и двухсотмиллионным Советским Союзом, который занимает одну шестую часть земли? Эти термины должны быть точно определены. Уже неоднократно им давали определение в прошлом, но каждый раз, когда изменяются исторические условия, они наполняются новым содержанием. Теперь эти термины должны быть определены применительно к отношениям между социалистическими странами. До тех пор, пока это не будет по возможности быстро сделано, все торжественные заявления о дружбе останутся ничего не значащими словами. Дружественные отношения между странами могут измениться; недавние союзники могут разойтись. Можно ли сомневаться в этом, если вспомнить события последних десяти лет?

Потребность в новом определении этих понятий возникла еще в 1945 году. С 1950 года эта потребность стала особенно острой, а с 1953 года, когда умер Сталин, она превратилась в самую настоятельную необходимость. Сталин не решил этой задачи. Как мыслитель он сформировался в эпоху «социализма в одной стране» и не мог оперировать категориями, соответствующими духу времени, когда на путь социализма встала одна треть человечества. Хрущев тоже не решил этой задачи; на какое-то время он даже затруднил ее решение. Его извинения перед Тито и его критика деятельности Сталина развеяли все сепаратистские тенденции в Восточной Европе. Эти тенденции сильны, но так же сильно проявляется и стремление к союзу социалистических государств. Формы этого союза во всем их многообразии еще должны быть найдены.

Позвольте мне проиллюстрировать эту мысль на одном примере. Лет десять тому назад я встретила в Москве с одним чехом; он был членом делегации, прибывшей в Москву для заключения какого-то экономического соглашения. Я спросила его, насколько, по его мнению, справедливы утверждения Америки о том, будто Москва эксплуатирует страны Восточной Европы. Мой собеседник ответил: «Когда мы имеем дело с руководителями советской промышленности, то они настаивают на ценах, выгодных для них, а мы — на ценах, выгодных для нас. Русские торгуются весьма упорно. Но если они слишком нажимают на нас, то тогда Готвальд для «политического урегулирования» обращается к Сталину и говорит ему, что выдвинутые советскими представителями условия разорительны для нас... И Сталин нам помогает».

Но личные уступки Сталина Готвальду не могли подменить единое экономическое планирование. В СССР государственные железные дороги не торгуются с угольной промышленностью относительно цен на уголь. Для решения этого вопроса существуют соответствующие институты: Государственная Плановая комиссия, Верховный Совет, Коммунистическая партия. Существует ли единая Плановая комиссия для всего советского блока? А общий Верховный Совет? Существует ли Коммунистический Интернационал после того, как был распущен Коминформ? Достаточно ли двусторонних соглашений на «равных» началах между «суверенной» Польшей и Советским Союзом? Располагает ли Варшавский пакт достаточной силой?

Кто разработает идеологические основы и предложит соответствующие практические формы для того, чтобы примирить стремление Польши к свободе и столь же сильное ее стремление к союзу с социалистическим лагерем, который достаточно силен, чтобы оказывать помощь? Будет ли это сделано одним человеком или коллективом? Будет ли это сделано русским, поляком или чехом? Мне кажется, что это сделает не русский, ибо русским предстоит огромная задача развития своей страны — дело, которое глубоко уходит корнями в «эру

Сталина». Возможно, это сделает китаец; пока что лучшая работа по вопросам национализма и интернационализма принадлежит Лю Шао-ци. Это сможет сделать итальянец, например Тольятти, который проявил, пожалуй, самое оригинальное и творческое понимание проблем, связанных с определением самостоятельного пути к социализму, а также с поисками новых социальных и политических форм, которые бы отразили новые условия новой эпохи. Но я думаю также, что это может сделать чех, представитель страны, которая во времена столкновений на европейской арене не раз подвергалась насилию со стороны великих держав, сохранив при этом как свою любовь к свободе, так и склонность к сотрудничеству.

Кто бы ни разработал формы новых, социалистических взаимоотношений между государствами, будут ли то русский, китаец или чех, — он унаследует место Сталина в истории, станет творцом новой эры. Более того, он не только заложит основы для осуществления разнообразных форм социалистического единства, но и создаст предпосылки для образования всемирного правительства, которое неизбежно возникнет в свое время.